

293.3-86.3
K49

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ СССР

А. КЛИБАНОВ

МЕННОНИТЫ

204704
7

687153

ПЕРЕВІРКА
ФОНДА

О Г И З — М О С К О В С К И Й Р А Б О Ч И Й
М О С К В А 1 9 3 1 Л Е Н И Н Г Р А Д

Запорозька обласна
красноармійська
БІБЛІОТЕКА
ім. М. ГОРЬКОГО

ПЕРЕВІРЕНО

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Практические задачи развернутой антирелигиозной пропаганды, являющейся серьезным составным моментом общей борьбы за культурную революцию и важным участком классовой борьбы «против всех сил и традиций старого общества» (Ленин), требуют углубленного подхода к анализу религиозных течений и организаций. Это тем более необходимо, что борьба с религией есть и международная проблема, связанная с разоблачением поповщины и сектантства во всем мире. Если «крестовый поход» является одним из методов подготовки капиталистической интервенции против первой в мире страны победившего социализма, если на Западе известные слои пролетариата находятся в идейном пленении не только у прогнившей насквозь социал-демократии, но даже у церковников и сектантов, то опыт антирелигиозной работы в СССР имеет и огромное международное значение. Особенно справедливо это в отношении тех сектантских организаций, которые сами родились в условиях западно-европейского капитализма и на русской почве были вначале искусственно пересаженным растением. Это не мешало им занимать видное место в экономике страны и проделать значительный путь в условиях самодержавной России.

Монографическое изучение отдельных сект у нас в СССР еще только начинается. Многие секты совершенно не были затронуты ни старой наукой, ни советскими антирелигиозниками. Клеветнические половские работы, примиренческо-апологетические работы народников в лучшем случае могут сыграть свою роль только как материал. Между тем и с теоретической и с практической стороны изучение сектантства является для нас насущной потребностью. Работа т. Клибанова, молодого ленинградского антирелигиозника, является попыткой самостоятельного анализа одной из характернейших сект капиталистического типа—мешонитской. Автор рисует историю секты в Нидерландах, в Германии и Польше,

затем излагает историю меннонитских колоний на юге России и в Поволжье. Он вскрывает буржуазно-кулацкую сущность сектантской идеологии, дает впервые очерк внутренней классовой борьбы в сектантстве, облеченной в религиозную форму, наглядно показывает, какую службу сослужили меннониты царскому правительству, колонизируя отдаленные окраины, противопоставляя себя революционному окраинному крестьянству, помогая царизму в завоевании новых рынков хлеба и ситца. Со всей яркостью показана та связь, которая неизменно соединяет религиозную идеологию с интересами эксплуататоров. Автором использована редкая иностранная литература о секте, а также новые материалы. В ходе индустриализации и коллективизации страны нанесен смертельный удар религии. Ускорим процесс ее отмирания, поставив на должную теоретическую высоту объяснение корней религиозной идеологии и психики.

И. Маторин.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

До сих пор еще не рассмотрен в нашей литературе вопрос об одном широком общественно-религиозном движении—меннонитстве. Между тем марксистский анализ общественного течения, возлекшего в свои ряды до 400 000 последователей (из них около 100 000 в СССР), является совершенно необходимым. Как известную попытку материалистически объяснить меннонитство следует рассматривать вышедшую в 1930 г. в изд. «Безбожник» книгу Реймаруса и Фризена — «Меннониты». Однако она рисует преимущественно послереволюционное меннонитство и интересна главным образом со стороны фактического материала. Остается незаполненным пробел: нет марксистского очерка происхождения и развития меннонитства как-раз в те периоды, когда оно превращалось в реакционнейшую силу. Дать краткий очерк истории меннонитства и показать его реакционную роль — вот в чем я видел свою задачу. Насколько я с этой задачей справился, мне трудно судить. Между историей меннонитства до и после революции мне не удалось соблюсти необходимого равновесия; контрреволюционное значение меннонитской секты в условиях социалистического строительства мной показано недостаточно широко. Это объясняется тем, что свою вредительскую работу меннонитское кулачество облекает в формы стражайшей конспирации, которая делает чрезвычайно трудным соби́рание фактического материала.

В своей работе я мало затрагиваю моменты меннонитской экспансии в России, влияния меннонитской секты на окружающее население. В силу многих причин (ясно выраженный буржуазный характер секты, национальная замкнутость и т. д.) меннонитская организация, за отдельными исключениями, никогда не росла за счет русского, крестьянского или городского, населения. Впрочем влияние меннонитства на массы было до последнего времени весьма заметным. Втягивая многие тысячи русских крестьян целыми селами и деревнями в свое капиталистическое производство, меннониты становились существенным фактором в их экономике и идеологии. Только Октябрьская революция нанесла удар их влиянию. В наши дни оно окончательно выкорчевывается.

Из использованных мной источников укажем важнейшие. Главным образом я воспользовался работой Клаусса — «Наши колонии», Бондаря — «Секта меннонитов в России», «Журналом Министерства государственных имуществ» и книгой А. Вронс — «Ursprung, Entwicklung und Schicksale der Taufgesinnten, oder Menno-niten».

В обработке фактического материала мне, с одной стороны, пришлось преодолевать поповско-идеалистические концепции авторов, с другой стороны — проверять сообщаемые ими факты. В частности я сверял их фактические данные с материалами архива б. Хортицкого волостного правления¹.

Пользуюсь случаем товарищески поблагодарить работников Хортицкого райпарткома, а также т. А. Новицкого, зам. председателя Запорожской организации СВБ, обеспечивших мне необходимые условия для работы среди хортицких меннонитов.

Большую помощь своими ценными советами оказал мне профессор Ленинградского государственного историко-лингвистического института Николай Михайлович Маториц, редактировавший настоящую работу. Считаю долгом выразить ему горячую благодарность.

Ал. Клибанов.

¹ Хаотическое состояние архива не позволило к сожалению воспользоваться им в полном объеме.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕКТЫ МЕННОНИТОВ.

Возникновение меннонитской секты относится к концу первой и началу второй трети XVI в. В то же время в ряде европейских государств возникает и распространяется капиталистическое производство. «Хотя первые зачатки капиталистического производства, — пишет Маркс, — имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» (Маркс — «Капитал», т. I, стр. 763, изд. 1923 г.).

Начало XVI в. ознаменовано было крупнейшими событиями. Крестьяне в Германии поднялись на вооруженную борьбу против князей и церкви; в Мюнстере трудящиеся отстаивали кровью первую коммуну, казавшуюся им образцом социально-этического устройства. Секта меннонитов возникает в тот период, когда доминирующей формой общественно-производственных отношений становится денежная форма, когда падает феодальный способ производства и выковывается новый способ производства — капиталистический. Классовые соотношения меняются в корне. На смену феодальным слоям возникают классы капиталистов и пролетариата. Развитие феодального общества шло под знаком духовной диктатуры церкви. Это возможно было только при экономическом господстве церкви. Основное средство производства феодального общества — земля — сосредоточивалось в значительной мере в руках высшей духовной аристократии: архиепископов, епископов, аббатов, приоров и др. Энгельс отмечает, что в эпоху раннего феодализма церковь «уже задолго до Карла Великого владела третьей частью земель во Франции; несомненно, что такое численное отношение церковного владения имело место для всей католической Западной Европы в течение средних веков»... (Энгельс — «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 89, Гиз, 1926). Владея огромной земельной собственностью, церковь жадно протягивала руки к новым землям. Марсельский проповедник Сальвиан учил, что все вообще земельные богатства самим богом определены в собственность церкви и находятся лишь во временном пользовании светских лиц. Сальвиан призывал феодалов завещать свое имущество церкви. Монастырь Сан-Гален «унаследовал»

таким образом в XIII в. свыше 4 000 земельных участков. О величине земельной собственности отдельных монастырей можно судить по владениям Фульденского монастыря; «в провинции Саксонии сей монастырь имел 3 000 мансов¹... (то же самое повторяется относительно владений монастыря в провинциях Гессен, Ветерау, Рейнской, Вормской Баварии и Аллемании)» («Средне южковье в его памятниках», хрестоматия под редакцией Егорова, стр. 85—86). В общей сложности Фульденский монастырь имел до 24 000 мансов и являлся крупнейшим феодалом своего времени. С развитием товарно-денежных отношений церковь стала менять роль первого феодала на роль первого купца. «Уже в XIV в. монастырь Сен-Дени имел своих агентов в Марсели, Италии, Германии для скупки соли, пряностей, дорогих материй и воска; Сен-Жермен возле Парижа через своих людей собирал разные справки в Руане, Труа, Анжаре, Утрехте и Дуретреде; монастырь Санта-Мария-Санаторие близ Павии получил право беспошлинной торговли по озерам Комо и Лугано и в дельте По. Такой же привилегией пользовался Сальваторский монастырь. По сухопутным дорогам монастырские товары тащили вычужные животные или просто люди, причем таковые сопровождалась вооруженной охраной, обычно из монахов же. Монастырскими судами начинали кишеть реки и моря. Вся луарская торговля была в руках монастырей, расположенных по обоим берегам этой реки. По Мозелю и Рейну плавали многочисленные флотилии монастыря Прюма, а по Дунаю — находившихся недалеко от него ряда больших монастырей. В том же XIII в. монастыри строят приморские или речные гапани, где происходила постоянная нагрузка и выгрузка товаров... Немало монастырей занималось добычей соли. В Рейхенгалле было свыше 60 мест для варки соли... В некоторых монастырях занимались разработкою руды. Так, в Венцелохе была гора, из которой добывалось серебро, в Фульде плавилось железо... в² Англии монастыри рано взялись за производство шерсти и ее обработку. В начале XIV в. было известно там до 200 пунктов, где существовала монастырская шерстяная промышленность» (С Вознесенский — «Экономический переворот в Западной Европе и Реформация», стр. 45 — 46). Одновременно церковь занималась ростовщичеством и всякого рода спекуляциями, направленными на обогащение римского престола. Так, она ввела продажу различных духовных должностей (епископств, аббатств и т. д.): за должность архиепископа Руана взималось 12 000 гульденов, архиепископа Толедо—8 000 гульденов, архиепископа Синей—6 000 гульденов, епископа Лангра—9 000, епископа Льежа—7 000 и т. д. Продажа индульгенций и всякого рода реликвий тоже доставляла церкви громаднейшие доходы. Церковники «эксплоатировали своих подданных не только так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя еще более бесстыдно. Чтобы вырвать

¹ Манс—земельный надел.

у подданных последнюю копейку и умножить владение церкви, пускались в ход наряду с грубым насилием все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки—все ужасы анафемы и отказа от отпущения грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных людей обычным и излюбленным средством мошенничества» (Энгельс — «Крестьянская война в Германии», стр. 35, Гиз, 1926). Князья видели в церкви могущественного соперника. Для буржуазии церковь являлась форпостом феодализма, тормозившим капиталистическое развитие. Ремесленные и крестьянские массы ненавидели папство потому, что на них ложилась вся тяжесть церковных налогов. Помимо прямых и косвенных поборов, чинимых церковью, крестьянские массы фактически оплачивали князьям и буржуазии всю стоимость убытков, приносимых им церковной конкуренцией. Эксплуатация церкви разрушала минимальные экономические устои, обеспечивающие для масс возможность физического существования. Когда же в связи с ростом добычи драгоценных металлов Германию охватил глубокий экономический кризис, выразившийся в обесценении денег, во вздорожании земли и сельскохозяйственных продуктов, церковная эксплуатация стала особенно невыносимой. Все классы общества спаялись в мощный антицерковный фронт; началась так называемая Реформация. История Реформации — история борьбы трех взаимно враждебных лагерей, как их характеризует Энгельс: консервативно-католического, буржуазно-реформистского и революционного. В революционном лагере шло крестьянство во главе с Томасом Мюнцером. Если недавний «вождь» германского народа Лютер призывал «бить, душить, колоть, тайно или явно» крестьян, писал, что «ничего не может быть более дьявольского, чем мятежник, его надо убивать, как бешеную собаку», то Мюнцер — вождь революционного крестьянства — организовывал массы на борьбу с дворянством, князьями, церковью, буржуазией. «Восстаньте и боритесь!.. — писал Мюнцер, — возбуждайте народ в деревнях и городах, особенно же горнорабочих и других хороших ребят. К делу, к делу! Не дайте огню погаснуть! Не охлаждайте меча в крови! Выкуйте стенобитную машину на наковальне Нимврода и низвергните его башню на землю!.. К делу! к делу! к делу!» Соединенными силами реакции революционное движение было разгромлено. Обезумевшие от классовой ненависти имперские власти, князья, высшее и низшее дворянство, наконец бюргеры превратили Германию в сплошной застенок, жгли, топили, кололи, давили, вешали крестьянские массы. Правда, «подавление восстания не ухудшило надолго положения крестьянского класса, то, что могли выколачивать из крестьян из года в год дворяне, князья и попы, выколачивалось конечно уже до войны» (Энгельс), тем не менее в результате войны уничтожено было множество общинных земель, в некоторых областях введено было крепостничество, пастбища, поля, жилища были разрушены до основания. Тысячи крестьянских семейств пошли по миру. Таким об-

разом крестьянству, которого неслыханный дворянско-поповский гнет довел до отчаянной попытки оружием добыть свободу, пришлось еще раз разочароваться в своих силах.

Но это было еще не все. Народные низы ждало еще одно поражение. После героического сопротивления 25 июня 1535 г. пала Мюнстерская коммуна. На поле битвы погибли вожди коммуны Тильбек, Киппенбройк, остальные же, как Иоанн Боккельзон (Лейденский), Книппердолинг, Крехтинг и др. попали в руки победителям и были замучены в ужасных пытках. Гибель мюнстерской коммуны в Вестфалии и разгром революционного движения немецких крестьян наложили свою печать на последующее классовое движение крестьянства, дворянства, бюргерства не только в Германии, но и за ее пределами.

Секта меннонитов, возникшая в это время, отражает в себе и упадочнические настроения масс и трусость буржуазии. Свое происхождение меннониты ведут из Нидерландов, где раньше, чем в какой-либо другой стране, разыгралась буржуазная революция. Это была страна с развитой торговлей и промышленностью. Реки Маас, Рейн, Шельда являлись отличными торговыми путями, по которым текли самые разнообразные товары на европейские рынки. Одновременно с торговлей и в непосредственной связи с ней в Нидерландах развивалась промышленность. Основным продуктом производства были сукна. В Лейдене, Брюсселе, Монсе и т. д. существовала развитая суконная промышленность. На основе торгово-промышленного развития Нидерландов внутри страны нарастало классовое расслоение. Противоречие между производителями (ремесленниками) и скупщиками (купечеством) перерастало в открытую борьбу, ведущуюся с переменным успехом; борьба эта ослабляла обе стороны и приводила в результате к возвышению власти местных князей, все более упрочивавших свое могущество; в XV в. фландрские графы добились объединения всех нидерландских графств в одно монархическое государство.

Почти одновременно с изменением политического строя Нидерландов внутри них произошли и другие изменения. В непосредственной связи с прекращением Англией, приступившей к собственному суконному производству, ввоза шерсти в Нидерланды, Фландрская провинция, недавно бывшая промышленным центром страны, стала приходить в упадок. Зато начала возвышаться северная нидерландская область Брабант, имевшая прекрасный порт — Антверпен. В антверпенский порт свозилась мировая суконная продукция и развозилась оттуда по всем рынкам. Открытие Америки увеличило торговое значение Антверпена. Когда произошло политическое объединение Нидерландов с владениями Карла V и в связи с этим перед Нидерландами открылись новые свободные рынки, Брабант с его главным городом Антверпеном стал мировым торговым центром. Вместе с Брабантом все большее значение начала приобретать Голландия. Север страны сделался цитаделью нидерландского капитализма.

В развитии нидерландского капитализма несомненно прогрессивную роль сыграл абсолютизм, достигший в Нидерландах при Карле V своей вершины. Закрепив политическое объединение Нидерландов, Карл V обеспечил необходимые внутренние и внешние условия для облегчения и развития деятельности нидерландских купцов. Но, сделав свое дело, абсолютизм должен был уйти. Дальнейшее его существование уже при том же Карле V начинало стеснять развитие производительных сил

Так, одна из существеннейших, если не самая существенная, опора абсолютизма, католическая церковь, владевшая в Нидерландах значительной земельной собственностью с прикрепленными к ней крестьянами, мешала нидерландскому капитализму. Церковные хозяйства были в значительной степени натуральными хозяйствами. Чем больше развивался нидерландский капитализм, тем больше нуждался он в землях, во внутреннем рынке, в свободной и дешевой рабочей силе. Но земли, а вместе с ними рабочие руки — крестьянство — были в значительной мере церковной собственностью. Церковь, в конечном счете сыгравшая немаловажную роль в том политическом объединении Нидерландов, которое обеспечило туземному купечеству возможность быстрого развития, сделалась реакционной силой, блокировавшейся со всякими реакционными элементами страны против буржуазии. Церковь тормозила капиталистическое развитие, вдобавок испанский абсолютизм, высасывавший всякими способами деньги из населения, снижал его покупательную способность, сужал емкость внутреннего рынка; в первую очередь это било по интересам буржуазии. Для нидерландской буржуазии борьба с абсолютизмом сделалась условием ее собственного существования.

Идеологическим знаменем, под которым нидерландская буржуазия пошла в поход против абсолютизма, против его опоры — католической церкви — и феодальных пережитков, сделался кальвинизм. Учение Кальвина о предопределении — это уродливое отражение в мозгах тогдашнего общества таинственных законов капиталистического рынка — соответствовало идеологии тогдашнего общества, точно так же как секуляризация церковных богатств — эпохе первоначального накопления. Оно лучше всего выражало чаяния и стремления буржуазии. С именем Кальвина на устах буржуазия ринулась на борьбу. Карл V принял вызов. Физическое истребление еретиков — так ответил разгневанный абсолютизм на буржуазную революцию. После антиправительственных выступлений августинских монахов в Антверпене и других более мелких выступлений Карл учредил в Нидерландах инквизицию, уже достаточно проявившую себя на работе в Испании. За царствование Карла казнены были десятки тысяч кальвинистов. Буржуазии нанесен был большой удар. После небольшого затишья во второй половине XVI в., при Филиппе II, преемнике Карла V, в Нидерландах разгорелась буржуазная революция.

Секта меннонитов возникает в Нидерландах в конце первой

трети XVI в. Это был тот период, когда классовая борьба буржуазии вступила в новый этап. Это был тот период затишья, о котором мы говорили выше. Буржуазия изменила формы своей борьбы с абсолютизмом, но борьбы отнюдь не прекратила. Наоборот, антиабсолютистский фронт все больше ширился, объединяя самые разнообразные слои населения, страдавшие от абсолютистского ига. В своей борьбе на этом этапе буржуазия имела союзников в лице обуржуазившейся высшей феодальной знати, в лице ремесленников, пролетариата и крестьянства.

Но в свою очередь этот пестрый и широкий лагерь, возглавляемый буржуазией, именно в силу его социальной разношерстности раздирали внутренние противоречия. Внутри самого лагеря шла борьба между пролетариатом и буржуазией, между крестьянами и феодалами и буржуазией, между ремесленниками и скупщиками, наконец между буржуазией и крупными феодалами и т. д. и т. д. Таким образом, вступив в борьбу с абсолютизмом, буржуазия с опаской поглядывала на тыл.

Самой революционной частью этого фронта были народные массы. Но Великая крестьянская война в Германии окончилась победой князей, была разгромлена также Мюнстерская коммуна.

Поражение народных низов было не только поражением германского движения, это был удар также по соседке Германии — Нидерландам. Недаром в Мюнстере едва ли не большинство составляли нидерландские анабаптисты. Последняя надежда масс освободиться от непосильных тягот рухнула. Массами овладело сознание безысходности.

«Не надо было братья за оружие», эта мысль была брошена уже в XVI в. Она отражала в себе глубокий пессимизм, охвативший массы. Предвестники этих настроений появились значительно раньше. Еще в XV в. Давид Иорис, идейный прародитель меннонитства, мечтал о царстве, которое «не будет состоять в убийствах и пожарах с порохом и ружьем, луком и мечом, но в котором будет господствовать истинная добродетель, справедливость, мир, смирение и чистота сердца» (David Ioris—«Von der wahren Gemeinde Christi bei Arno, B. 6. S., 1434»). Меннонитство проповедывало отказ от насилий, проклинал войну, убийства, пытки и взывало к любви и покорности; это отвечало настроениям забитых и разоренных масс.

(Насколько позволяли установить источники, первыми проводниками этого религиозного течения являлись представители общины и изнуренной массы. Менно Симонс так описывает происхождение своих общин ...«Когда я занимался чтением слова божия, ко мне приходило шесть, семь или восемь лиц, составивших со мной одно сердце и одну душу... и просили меня ради пользы благочестивых, живших с ними и со мной в одном духе и разуме, принять к сердцу их тяжелое бедствие и крайнюю

и жд у и обратить на их пользу полученное мною недостойным от господ дарование»¹.

Об этом мы читаем у А. Brons, одной из лучших знатоков. Так, во второй главе книги «Ursprung, Entwicklung und Schicksale der Taufgesinnten oder Mennoniten» (Norden, 1884) она пишет: ...«к нему (Менно Симонсу. — Ал. К.) однажды явилось несколько мужчин. Это были анабаптисты, охваченные как и он, ужасом перед появившимися повсюду д^емагогами и сознавшие необходимость противопоставить им сильного чеолвека... Для этого они и предназначали Менно. Они умоляли его учесть господствующие кругом нищету и горе и принять участие в несчастных притесняемых»...

Таким образом секта меннонитов в момент своего возникновения являлась организацией народных низов и выражала собой их упадочнические, порой панические настроения, вызванные разгромом народа и его бедственным положением. Идеи смирения, любви к ближнему, ненависть к насилиям и войнам целиком вытекали из той реальной обстановки, в которой очутились массы. Понесши поражение, они сами отказались от войн и насилий, они готовы были смириться, требуя общего смирения, т. е. требуя его от господствующих классов. На том историческом этапе *вооруженная форма борьбы закончилась поражением масс.*

Последовательно развивая свое учение о смирении, меннониты пришли к отказу от военной службы, от государственной службы вообще (поскольку с понятием государства связывалась та или иная форма насилия), отказались от присяги государству и т. д. и т. п. Секта меннонитов с ее учением являлась организацией пассивной оппозиции государству. Это был бунт масс, скрепивших на груди руки.

Возникнув как организация демократических низов, главным образом угнетенного крестьянства, меннонитство эту свою социальную определенность вскоре утратило. Секта меннонитов представляла чрезвычайно удобную форму борьбы с абсолютизмом для буржуазии, боявшейся вступить на путь вооруженной борьбы. Вскоре после своего возникновения меннониты представляли собой пеструю в социальном отношении организацию, объединившую все элементы, недовольные абсолютизмом, но не рисковавшие вступить на путь открытой революционной борьбы. Этот блок руководился умеренной буржуазией, а идеологом его явился Менно Симонс. Буржуазия стала завоевывать секту. Мы рассматриваем секту меннонитов как организацию умеренной буржуазии, с одной стороны, еще не окрепшей для решительной схват-

¹ Menno Simons—«Die vollständigen Werke übersetzt aus der Originalsprache (dem Hoeländischen). Elkhart, Indiana стр. 17. North-America 1876). В основу положен перевод, сделанный с названной книги; так как перевод при сравнении с другими источниками оказался неполным, то соответствующие дополнения сделаны нами по книге «Die Bekehrung Menno Simons und sein Ausgang aus der Römischen Kirche», 1889, Eischeim Druckerei des «Gemeindeblattes».

ми с абсолютизмом, с другой стороны — усвоившей уроки народных восстаний. Не надо забывать, что секта меннонитов возникает почти непосредственно после падения Мюнстера. Секта меннонитов возникает в тот период, когда абсолютизм уже претерпелся в торжосе общественного развития и являлся предметом ненависти буржуазии, но буржуазия еще не созрела для революционного выступления, целиком находясь под впечатлением германских событий. Восстание масс, — призрак которого уже бродил по Нидерландам, — вот чего больше всего боялись господствующие классы.

Не применяя на первом этапе своей борьбы с абсолютизмом оружия, буржуазия, объединившаяся в секту меннонитов, тем не менее наносила существенный удар абсолютизму уже тем, что проводила в жизнь свою теорию, тем более что почти одновременно меннонитская буржуазия перешла от методов пассивной оппозиции к прямой антигосударственной пропаганде. Так, Менно Симонс пишет: «Я добросовестно предупреждал каждого против мюнстерской мерзости, а также против короля (Карла V. — Ал. К.), многоженства, государства, меча и т. д.» (цитирую по «Die Bekehrung Menno Simons und sein Ausgang», стр. 6).

Меннонитская секта все росла. Как это свидетельствует из писем Менно и других источников, основными центрами меннонитства являлись Фрисландия, Зеландия, Голландия, Брабант и отчасти Фландрия. Все эти районы за исключением Фландрии, где в меннонитских общинах наиболее сильно представлен был крестьянский элемент, являлись основными и притом наиболее крупными торгово-промышленными центрами Нидерландов и в сущности всего европейского континента. Именно здесь зрела буржуазная оппозиция абсолютизму. Именно отсюда во второй половине XVI в. покатилась волна вооруженной буржуазной революции. Секта меннонитов росла главным образом в этих районах. Общее число ее последователей неизвестно. Однако иллюстрацией темпов роста меннонитской секты может служить хотя бы тот факт, что фрисландский епископ меннонитов, личный друг Менно Симонса, некий Леелдерт Баувеник «в течение немногих лет крестил десять тысяч человек. Это известно из сохранившейся до сих пор им лично составленной записи, где указывается место, время совершения и имена крещеных. Наряду с ним так же энергично работал Гилас из Аахена» (A. Brons—«Ursprung, Entwicklung und Schicksale...» гл. 2-я).

Меннонитство представляло собой крупную материальную силу, направленную в две стороны: против абсолютизма, с одной стороны, против народных движений — с другой. Поэтому пропаганда меннонитства буржуазии была вдвойне выгодна. Она подрыwała устои абсолютизма и кроме того своими идеями смирения, отказом от насильственной борьбы связывала массы, делала их классово безопасными. По тому времени меннонитство несомненно было массовой организацией.

Какие же собственно общественные слои входили в меннонитскую секту? Выше мы уже установили наличие в меннонитстве народных элементов — крестьян, ремесленников и др. Однако наряду с ними в ней находились представители купечества, промышленников, буржуазной интеллигенции, обуржуазившегося и обуржуазивавшегося дворянства, ремесленников — одним словом это был конгломерат всех элементов, недовольных абсолютизмом. В вышедшей в 1631 г. на голландском языке меннонитской книге «Зерцало мучеников, испуленных христиан»¹ приведен список меннонитов, погибших во время террора герцога Альбы. В нем приводятся до 800 фамилий; однако к сожалению только возле некоторых указывается род их занятий. Вот что представляют собой эти лица по своей классовой принадлежности:

«Ганс Лангмантель (Hans Langmantel) со своим слугой и служанкой. Ганс Лангмантель, богатый бюргер из знатного рода (van Grooten gaeslachte), со своим слугой и служанкой последовал истине евангелия в восстановленной в Дюстланде общине. Ламбрехт Грюбер, Ганс Бек, Лауренс — сапожник, Пет Пальвер его слуга и Ганс Таллер Бастиан стекольщик. Тьерд Рейнерс (Tjaerdt Reuyerse). Около 1539 г. был еще один богобоязненный домо-владелец по имени Тьерд Рейнерс, живший недалеко от Харлинга в Фрисланде. Он как арестованный был привезен в Леуверден. Вейкен Клаас, доктор из Моникедама, сожжен в Гааге 20 ноября 1527 г. Михаэль Затлер. Когда Михаэля спросили, не занимал ли он господствующего положения в монастыре, он отвечал: по плоти я был господином, но теперешнее мое положение лучше. Каспер Таубер — 1524 г. был также схвачен за христианскую веру. Каспер Таубер — купец и бюргер...

Якоб и Зели, его служанка из Вормера. Среди многих других, ради истины святого евангелия отказавшихся от своих имений, отдавших свою жизнь, был один брат в Ватерланде, в Вормере, по имени Якоб, и его служанка, по имени Зели. Диррик Пиетерс, Самуэль Якоб ден-Гельдерсиан сожжены живьем в Амстердаме в 1546 г. 24 мая... Они были задержаны в своих собственных домах. Эгберт шапошник. Иорис Вилпе — 1558. Иорис Вилпе, хотя он жил в темноте папских заблуждений, стал бургомистром у меннонитов во Фландрии, которой он был уроженцем; но впоследствии пришел к познанию евангелия и должен был стать беженцем, жил в Лордрехте в Голландии и там завел свою красивую сукон (Wolle laken verwen). Ян Бош ван-Берх. Ян Бош... был благочестивым почтенным человеком, по ремеслу ткач полотна, живший в Мострихте... Ленерт Пловье. Был один благочестивый человек по имени Ленерт Пловье... он был суконщиком. Он имел доброе имя и славу у всех людей, и он достиг такого уважения через свое ремесло. Пиетер Бекиен арестован в 1567 г. — матрос. Ян Портье. В этом году был арестован в Мессене брат по

¹ Martelaers — «Spiegel der werelose christenens».

имени Ян Портье, родившийся во Фландрии и по своему ремеслу сукновал... Якоб Киркс, по ремеслу портной, подвергался преследованию. В 1569 г. арестован Гендрик Алевайнс, по профессии делатель кошелев. В 1570 г. арестован Фез Диррикс, по профессии токарь стульев. В 1571 г. арестован Иоос Вандер Стратен, по ремеслу токарь стульев. В 1571 г. арестован Гарнс Мизель, ткач. Около 1572 г. в Нимвегене сожжен молодой человек, по имени Ян Блок, богатый именьями... В 1572 г. арестован Гендри, сапожник. В 1591 г. арестован Якоб Платзер, слесарь. В 1605 г. арестованы Маркус Здер, каретник, и Ганс Польтцингер, портной».

Таким образом эти 26 человек, которые охарактеризованы в социальном отношении, представляют собой купцов, богатых ремесленников, имевших слуг и служанок, а также отдельных представителей зажиточной буржуазной интеллигенции. Автора цитированной книги очевидно мало интересовало имущественное положение казенных. Можно предположить, что эти случайно охарактеризованные люди отражают собой социальный состав меннонитских общин, тем более что это подтверждается целым рядом других документов. Так, Grégoire в своей «Истории религиозных сект» пишет: «Во время войны из-за испанского наследства многие меннониты, имея на море торговые корабли, одни вооруженные, другие под охраной военного флота, осуждались своими единоверцами, которым они отвечали: «Позволено защищаться против воров на земле, почему же мы не имеем такого же права на море?» Спор возобновился в начале XIX в.: одни поддерживали, другие отрицали возможность участия в революционной борьбе» (Grégoire — «Histoire des sectes religieuses» 1812, стр. 270).

Итак меннониты очень скоро меняли свои принципы, когда дело касалось торговых операций; необходимо подчеркнуть наличие в среде меннонитов крупного торгового капитала, имевшего собственные торговые суда. Значительное участие в меннонитстве принимала буржуазная интеллигенция. Например виднейшие деятели меннонитства — Гален Авраам де-Хаан, Оке Виллисс Фризий, Самуил Апостол — были врачами.

«Голландские меннониты, — писал Grégoire — в основном образованнее своих братьев-анабаптистов других стран. Они считают почетных людей в своей секте. Голландский Тацит Ваценар, который написал историю своей родины и Амстердама, Вандаля, известный своим трактатом... Густольф, так часто увенчанный в Берлине, Гарлеме... и обществом Стольпа в Лейде... Жером де-Буш, знаменитый по своим латинским стихотворениям... Лозес, писатель и продавец в Гарлеме...»

Менно Симонс в одном из своих трактатов («Прискорбное прошение гонимых христиан к властям») пишет: «...Наши братья во христе... готовы скорее отказаться от доброго имени, з в а н и я, от своих денег, имения и жизни, чем произнести ложное слово или поступить вопреки слову божию» (цитирую по названной книжке А. Brons). Все эти данные, рисующие социальный со-

став меннонитства, свидетельствуют о том, что в основном оно являлось буржуазной организацией.

Помимо непосредственных данных, которые дают возможность судить о составе секты, самым красноречивым доказательством буржуазного характера меннонитства является его конкретная деятельность. В Нидерландах, подобно тому как и в Германии, в период буржуазной революции образовались три фронта: буржуазно-реформистский, консервативно-католический и революционный. Процесс их борьбы и есть история буржуазной революции в Нидерландах. На каком из этих фронтов сражалась меннонитская секта? — Секта меннонитов одновременно вела борьбу на два фронта.

С одной стороны, всеми правилами общественной жизни, установленными меннонитским вероучением, печатными и устными выступлениями против правительства, короля, государства она боролась с абсолютизмом. С особой яростью боролись меннониты против католической церкви как опоры абсолютизма и надежды феодалных слоев общества. В своем трактате о выходе из римской церкви Менно Симонс метал гром и молнии по адресу католического духовенства. Во всей почти меннонитской литературе слова «католическая церковь», «священники» можно найти не иначе, как в сопутствии с самыми резкими выражениями. Совершенно исключителен по своим нападка на католическое духовенство, на католицизм вообще трактат Менно Симонса «Противоречия Вавилона». Все эти примеры говорят за то, что меннониты упорно боролись с абсолютизмом и католицизмом.

От консервативного фронта обратимся к революционному. Выступали ли меннониты в рядах революционной демократии? Изложив причины своего разрыва с католицизмом, Менно в качестве первого пункта собственной программы отмежевывается от революционных сект. «Я был призван, — пишет Менно, — не мюнстерцами, не какой-нибудь другой бунтарской сектой, как меня ложно обвиняли... я был призван народом, который возлюбил справедливость и истину и отвращался от несправедливостей и злобы»... (цитирую по Менно Симонс — «Die vollständigen Werke...» стр. 12). Отмежевываясь во всеуслышание от революционных организаций своего времени, Менно стал вести деятельную антиреволюционную пропаганду. «Мюнстерская секта оказала свое влияние, и в нашем местечке многие благочестивые сердца были ею обмануты... Я выступил с моим смиренным даром против них, проповедуя и действуя, насколько мог. У меня было два собеседования с одним из их руководителей: одно тайное и второй раз официальное, но мои убеждения были безуспешны»... (там же). А. Brons сообщает о том, как Менно Симонс пытался «отговорить» одного из виднейших анабаптистов, некоего Теодора Киппера. «Он (Менно) искал силы, которые могли бы повлиять на этих фанатиков, лично отправился к Теодору Кипперу и вступил с ним в диспут»... («Ursprung, Entwicklung und Schicksale...» гл. 2-я). В своем трактате «О мшени»

Менно Симонс резко клеймил «мерзость и величайшее богохульство Иоанна Лейденского». Он писал, что Иоанн Лейденский «лжепрофет», сравнивая его с Иудой, всячески старался его опозорить и оклеветать. Агитируя против вождя мюнстерской коммуны, Менно Симонс морально присоединился к кровавой расправе над мюнстерскими анабаптистами. Неудивительно, что после всего этого Менно сделался признанным героем буржуазии и был увенчан лаврами контрреволюционера. Говоря о мюнстерских анабаптистах Менно пишет о себе: «Широко вокруг распространился слух, что я могу закрыть рот этим людям. Кто бы ни был, все ссылались на меня»... (Цитирую по книге «Die Bekehrung Menno Simons...» стр. 4). Когда в Германии крестьянские массы начали громить дворянские поместья, когда классовая борьба переросла за рамки буржуазной реформации и превратилась в гражданскую войну против дворян, князей и буржуазии, Менно стал свирепо агитировать против крестьян. «Невежественный народ, — пишет Менно, — дошел до такой безбожной дикой жизни, а узды до того ослабела, что едва ли подобную жизнь можно встретить среди турок и татар. Об этом свидетельствуют распутное поведение, проклятия при виде божественных рая и святых даров. Кровавопролитиям и сражениям нет конца и меры... они... поют при этом: «Цепи разорваны, и мы свободны»... всякому же, кто к ним приходит, чтобы из искренней и преданной любви их увещевать... приходится слышать, что они свитоша, небесный страж, лицемер»... (Цит. по названной книге А. Вронс). Очевидно Менно попробовал выступить в среде революционного народа (он в то время находился у берегов Балтийского моря) и был встречен эпитетами, о которых он сам пишет. Так как иначе, но от разговоров «о дикой жизни», об «ослабевшей узде» и др. ведалеко до призывов к физическому истреблению крестьян, как это сделал в своем манифесте «Против крестьянских разбойничьих шаек» Лотер.

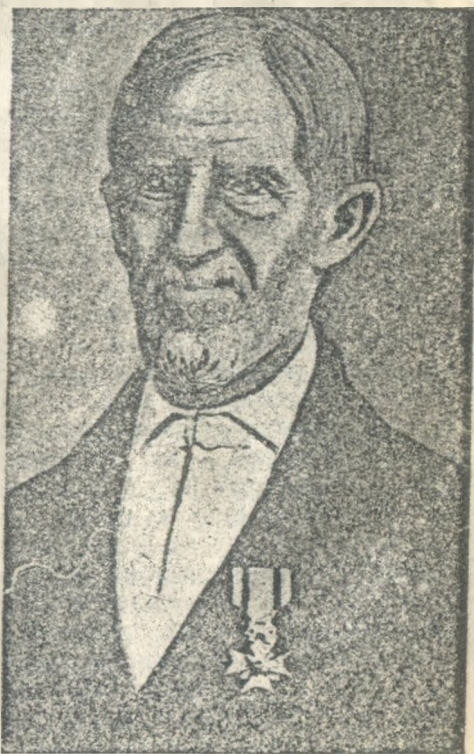
Одновременно Менно всячески боролся с уклонами от своего учения внутри самой секты. Всякое зангрывание с мюнстерцами пресекалось им самым решительным образом. Введен был суровый закон об отлучении, согласно которому отступники от учения немедленно изгонялись из секты, все менновиты вплоть до членов семьи прекращали с ним всякие сношения.

Сам Менно, подводя итоги своей жизни и проповеднической деятельности, счел нужным заявить, что большую часть жизни он посвятил борьбе с революционными сектами. «Да не обвинит меня никто по справедливости, — писал Менно, — в том, что я когда-либо соглашался с учением мюнстерцев, ибо я до сего дня в течение более 17 лет всячески противодействовал им и тайно и явно, и устно и письменно. Всех тех, которые, как это сделали мюнстерцы, отвергают крест Христа, презирают слово господне и под видом благочестия потворствуют мирским страстям, всех тех мы не признаем за своих братьев и сестер» (цитируем по книжке «Кто такие менновиты», стр. 8).

Революционный фронт представлялся меннонитам еще более опасным, чем консервативно-католический. Грегуар выдает меннонитам аттестат следующего содержания: «Это не мюнстерские анабаптисты. Они не представляют себе ни откровений, ни чудес... Уже задолго до нашего времени Менно Симон и Дидрих Фаликс, их первые пасторы, были первыми в борьбе с крайностями и ужасами анабаптистов, их никогда бы не смешали с последними, если бы в первое время они не перекрещивали уже крещеных»... «Histoire des sectes», стр. 106).

Секта меннонитов вела борьбу на два фронта. Из трех существовавших группировок: революционной, консервативно-католической, буржуазно-реформистской — мейнониты боролись против первых двух. Совершенно очевидно, что сами они принадлежали к третьей и с этой третьей группировкой находились в органическом единстве. Когда в Фрисландию, где свила себе гнездо буржуазная оппозиция, подчинившая своему влиянию местную регентшу графиню Анну, пришел в 1544 г. указ, предлагавший усилить репрессии против «еретиков», регентша выселила так называемых батенбургцев, нористов и других сектантов, а мейнонитов оставила. Мейнониты, преследуемые правительством во всем Нидерландах, находили себе спокойный приют в Эмдене, бывшем под покровительством Генеральных штатов — органов буржуазии.

Мы уже указывали, что общая ненависть к абсолютизму соединила разные классовые группировки в одну организацию. Конечно подобное соединение было механическим, и все эти группировки в конечном счете связывало очень немногое. Поэтому как быстро произошло соединение, так же быстро произошло разъединение. Внутри самой секты вспыхнула классовая борьба. Основными противоречиями явились противоречия между крестья-

Известный меннонитский миссионер Петр Янс, награжден нидерландским Королевским орденом льва.

ний, с одной стороны, дворянами и буржуазией — с другой. В начале 50-х годов XVI в. секта меннонитов раскололась на ряд партий по социальным признакам: возникли подсекты меннонитов-фризов, меннонитов-фламингов, меннонитов-ватерландцев, галенистов, апостолистов, эквалистов и многие другие. Основными враждовавшими партиями являлись фризы и фламандцы. Фризы были жителями северных областей Нидерландов, они населяли Фрисландию, Голландию и Зеландию. Фламинги были жителями южных и срединных провинций: Фландрии, Брабанта, отчасти Валлона.

Во второй половине XVI в. буржуазная революция в Нидерландах вышла из периода затишья и вступила в новую фазу развития. От форм безнасиельственной борьбы буржуазия перешла к вооруженному насилию. Центрами буржуазной революции стали Голландия и Фрисландия, — наиболее богатые, наиболее капиталистически развитые провинции. Под предводительством принца Оранского войска северной буржуазии одержали победу. В 1572 г. весь север пылал в огне восстаний. В 1573 г. в Голландии реквизированы были церковные земли и имущества, — это завоевание буржуазной революцией создало мощную базу для дальнейшего развития капиталистического землевладения. Иначе развивалась революция на юге. Разнородный классовый состав южных и центральных провинций, наличие значительной прослойки духовенства, феодалов, дворян, сосредоточенные на юге основной массы испанских войск — все это вместе взятое привело к тому, что южной буржуазии не удалось свалить со своих плеч абсолютизм, как это произошло на севере. Вдобавок по целому ряду причин южная буржуазия не была так революционно настроена, как северная. Со своей стороны север не спешил с помощью. Северно-нидерландской буржуазии было выгодно, что юг находился под властью абсолютизма; абсолютизм, растоптав буржуазию Фландрии и Брабанта, растоптал опаснейших конкурентов северян. Отсюда ясно, что предпосылки для разрыва между меннонитами севера и юга было более чем достаточно. Разделение меннонитов на фризов (северян) и южан явилось выражением противоречий между капиталистическим севером, скинувшим узду абсолютизма, и югом, находившимся под его пятой.

В идеологическом отношении спор между фламингами и фризами разгорелся вокруг вопросов отлучения. Фламинги были сторонниками самого сурового и последовательного применения отлучения ко всем отступникам и требовали установления более строгих требований к членам меннонитских общин. Фризы, наоборот, настаивали на меньшей суровости и меньшей требовательности. Социальная подоплека этих споров очевидна: фризы не могли педантически придерживаться учения Менио о непротивлении, о невоинности оружия, об отказе от государственной службы, от присяги и др. Как только на севере началась буржуазная революция, эти правила могли ее только затормозить. Вполне естественно, что фризские меннонители в ряде случаев игнорировали эти правила.

меннонитства. Эти правила направлены были против государства, поскольку оно было абсолютистским, но в буржуазном государстве вопрос ставился по-иному. При создавшихся условиях фламिंगи, наоборот, ревниво оберегали закон об отлучении. В их руках этот закон становился орудием против фризов, орудием защиты собственных материальных интересов. Впрочем, обе партии вскоре «примирились» на одинаковом толковании отлучения, — обе они взаимно отлучили друг друга.

Вместе с дальнейшим историческим развитием Нидерландов стали эволюционировать взаимоотношения между фризами и фламिंगами. Когда в XVII в. противоречия между севером и югом Нидерландов несколько притупились, сделалось возможным примирение между обеими группировками. В 1630 г. в Амстердаме заключено было перемирие. Результатом амстердамского соглашения явилось издание единой религиозной платформы — исповедания. Однако соглашение было далеко не полным. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1649 г. понадобилось новое соглашение. Мир как будто бы состоялся. Однако разногласия не затихли совсем. Когда в конце XVIII в. меннониты выселились в Россию, они поселились обособленно: фризы отдельно, фламिंगи отдельно. Еще в XIX в. были заметны эти партии, и даже в XX в. в среде меннонитов сохранились следы этой же «партийности».

Что касается других течений раннего меннонитства, то отсутствие источников не позволяет о них судить. Во всяком случае эти разногласия и группировки имели хозяйственную подоснову. Говоря о разногласиях между оквалистами и фламिंगами, современник этих расколов меннонит Герман Шин (Hermano Schyn), доктор медицины, в своей «Historiae mennoitarum plenior deductio»... пишет, что «они находятся в согласии относительно... главных артикулов веры: в отношении же одежды и хозяйства они (эквалисты) ведут менее роскошную жизнь (pinogium rompra)» (назв. соч., глава II). Этот же автор пишет по поводу всех вообще внутрименнонитских расколов: «Почти вся разница между меннонитами не столько в различии догматов веры, сколько в хозяйстве»... (названное сочинение, гл. II). Эта фактическая справка человека, наблюдавшего истоки меннонитских разногласий, подтверждает нашу точку зрения.

В связи со всем изложенным следует остановиться на точке зрения Карла Каутского, высказанной им по поводу секты меннонитов. Каутский пишет: «С конца XVI в. меннониты терпели в Нидерландах, в 1626 г. они официально получили свободу вероисповедания. Они удержались и доныне наряду с «герингутерами», потомками «богемских братьев». Но уже давно сторонники этих сект представляют собой зажиточную мелкую буржуазию, которая не играла никакой роли ни в борьбе пролетариата за эмансипацию, ни в развитии социалистической мысли (К. Каутский — «Предшественники новейшего социализма», ч. II, стр. 290). Это последнее утверждение, если понимать его в смысле «нейтралитета» менно-

нитов, неверно. Меннониты никогда не стояли в стороне от классовой борьбы. Они принимали ярко реакционное участие в борьбе с пролетариатом. Подобно капиталистам-католикам, православным, иудеям, магометанам, баптистам и т. д. и т. п., независимо от их вероисповедания, меннониты боролись с революционно-освободительным движением пролетариата; они глушили малейшие проявления революционной мысли. Меннонитство служило капиталу в его борьбе с трудящимися. Меннонитство, как и всякая другая религия, было и останется орудием классовой борьбы, — в этом его потребительская ценность для капитализма.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ МЕННОНИТОВ.

Религиозное мировоззрение меннонитов представляет собой буржуазную разновидность христианства. Однако само по себе это мировоззрение не является доказательством капиталистического существа меннонитской секты, — оно становится таковым только в связи с общей ролью меннонитства как общественного явления. Секта меннонитов не потому буржуазна, что буржуазно ее мировоззрение, наоборот, ее мировоззрение буржуазно потому, что буржуазна сама секта. «Для общества товаропроизводителей, — пишет Маркс, — характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой единообразной форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.» (Маркс, «Капитал», т. I, кн. 1, стр. 42).

Меннонитство складывалось под несомненным влиянием лютеранства. Взгляды Менно Симонса испытали значительное воздействие со стороны Лютера. В своем автобиографическом трактате Менно Симонс Лютера называет не иначе как «авторитетом». «Лютер помог мне насюлько, — пишет Менно, — что я узнал, что человеческие заповеди не могут обречь к вечной смерти» (цитирую по «Bekehrung Menno Simons...» стр. 2). Напротив, о Мюнцере Менно не мог слышать без отвращения. И это вполне понятно. Социальное сродство предполагает сродство идейное. Меннонитской буржуазии лютеранство было во всех отношениях близким.

В чем заключается основа меннонитского толкования христианства? — В том, что человека спасает вера, а не дела. «Дорогие читатели! — взывает в одном из трактатов Менно, — впишите же слову господню. Внешние деяния и церемонии не могут вас сделать блаженными, ни принести искупления ваших грехов. Это может произойти не иначе, как благодаря вашему покаянию, вере в него и возрождению от него. Все, кто учит вас иному, — это пророки, которые уготовили вам мягкую постель, но конечно вещают не из уст господних» (А. Brons, назв. соч.).

Какова социальная сущность этого учения? Корни учения о спасении верой, о внутреннем возрождении и обращении лежат в капиталистических общественно-производственных отношениях. Частная собственность на средства производства определяет раздробленность людей, замыкание в своем личном мире, который противопоставляется всему миру и ставится над ним. Эгоистические, частные; собственнические интересы выдвигаются на передний план. Отсюда «сосредоточение индивидов на самих себе», заинтересованность индивида своей личностью, своей внутренней сущностью, всеми теми процессами, которые в нем протекают. Если католическая церковь измеряла религиозность человека, степень его веры количеством денег, отдаваемых им церкви, выражением чего явилась хотя бы та же продажа индульгенций, то буржуазия противопоставила учению о спасении делами — учение о спасении верой. В этом учении отразилась наряду со свойственной буржуазии эгоистической заинтересованностью собственной личностью с ее внутренним миром также стремление к сокращению расходов на церковь и наконец желанием оправдать свои дела переключением внимания с дел на веру. Буржуазия противопоставляла делам веру не потому, что предпочитала веру, а именно потому, что уделяла внимание делам. «Оправдание верой» означало возможность заниматься любыми делами (эксплуатацией, надувательством, грабежом, войнами и т. п.) безотносительно к их моральному значению. Ибо в конечном счете перед богом «оправдывают» не внешние дела, а «оправдывает вера», т. е. те внутренние религиозные переживания, которые испытывает субъект. Вот каковы действительные корни учения Менно о спасении «возрождением и обращением», о спасении верой. Это учение — тень капиталистического способа производства. Надо отметить, что учение Менно отнюдь не оригинально. Все деятели буржуазной реформации, Лютер, Меланхтон, Кальвин и др., выставляли этот же самый тезис как фундамент своего положительного религиозного построения. Аугсбургское исповедание — платформа германской реформации — говорило «...мы не можем получить прощения грехов и оправдаться перед богом нашими заслугами, делами и расплатой за грехи; но мы получаем прощение их и очищение перед богом из милости по вере в Христа» («Аугсбургское исповедание», гл. 4). Оно и понятно. «Спасение верой» имело значение для всей буржуазии вообще. Вся буржуазия, пошла ли она за Лютером, за Кальвином, Цвингли или Менно, была классом заинтересована в этом учении. Единство теории Лютера, Кальвина, Менно, действовавших каждый в своеобразной обстановке в других странах, имеет под собой классовую однородность стремлений буржуазии всех стран.

В тесной связи с учением об оправдании верой стоит учение меннонитов о скромности. Роскошь и расточительство католической церкви вызывали со стороны буржуазии глубокое осуждение.

С точки зрения расчетливого, экономного дельца церковная роскошь и расточительность никак не оправдывались, тем более что это были его собственные средства или те средства, на которые он посягал. В противовес католической пышности, роскоши, мотовству буржуазия выдвигает теорию воздержания и скромности. Менно Симонс злобно описывает католическое духовенство, валяющееся на «перьевых подушках», говорит о священниках, которые «за свое служение вознаграждены большими приходами и благоденствием». Менно горячо осуждает пышность церкви, призывает к созданию такой церкви, которая могла бы служить образцом «христианской скромности». Про своих последователей Менно пишет, что «они распинают и умерщвляют плоть свою со всеми ее злыми вожделениями... Алчность, тщеславие, отсутствие целомудрия, роскошь и кичливость, пьянство, прелюбодеяние, блуд, ненависть, зависть, ложь, обман, сору, грабеж, кровопролитие, лжесвятость, идолопоклонство, короче говоря, они (меннониты) ненавидят все нечистые плотские дела, борются с ними и отвергают мир со всеми его вожделениями» («Die Bekehrung...»). В чем дело? Откуда такая резкая по форме аскетическая проповедь? Не надо забывать, что Менно писал все это в том трактате, где им излагались причины разрыва его с католицизмом. В этом трактате он противопоставляет достоинства своего учения и своей организации недостаткам католической церкви. Вот почему Менно так рьяно подчеркивает, что его приверженцы «распинают и умерщвляют плоть». Менно в первую очередь надо здесь показать недостатки католической церкви. Когда он пишет, что меннонитам чужды «алчность, тщеславие» и т. д. и т. п., он хочет этим сказать, что католической церкви все эти свойства присущи. В своих последующих сочинениях Менно, бичуя расточительность церкви, уже меньше призывает к «умерщвлению плоти» и даже осуждает чрезмерную строгость и суровость кальвинизма. Теория скромности и воздержания уходит своими корнями в капиталистический способ производства. Капиталистическое производство требует экономии, строится на принципе «ни одной лишней копейки», на принципе «копейка рубль бережет». Психологии кушца, промышленника, бургера эпохи «первоначального накопления» в высшей степени соответствовала меннонитская проповедь скромности и воздержания. Она становилась сама действенным моментом в общем процессе накопления. Вместе с тем призыв к воздержанию означал требование конфискации церковных имуществ, на которые меннонитская буржуазия смотрела, как лиса на виноград. Таковы земные корни меннонитского учения о скромности. Это учение было свойственно в равной степени и лютеранству и кальвинизму и всем другим течениям буржуазной реформации. Эта теория имеет под собой одинаковую классовую природу буржуазии всех стран. Именно поэтому она могла возникнуть и в Швейцарии, и в Германии, и во Франции, и в Нидерландах.

Обратимся теперь к воззрениям меннонитов на частную собственность и торговлю. Надо сказать, что по этому вопросу материалов сохранилось не много. Зато недостаток количественный исчерпывается, на наш взгляд, качественным содержанием материалов. В упоминавшейся уже книге Германа Шина на 234-й странице читаем следующее: «Об общей собственности. Вопрос: Позволено ли крестьянам покупать или продавать, или владеть собственностью, и нет ли в этом оскорбления любви христианской». На этот вопрос так отвечает меннонит Рауф (Rauf): «Мы признаем, что христианам позволено владеть собственностью, не оскорбляя этим любви христианской, — тем однако, чтобы они помогли бедным в их нужде, во свидетельству апостола Павла (2 Кор. 8, 9). Мы никого однако не принуждаем к этому, но верим, что тот, кто хочет быть настоящим христианином, по своей воле даст от избытка своего бедным и ближним, находящимся в нужде». На страницах 440 и 491 читаем еще раз: «Христианам позволено владеть собственностью, покупать и продавать ее, как это будет требовать ход их дела, но всегда надо помнить сказанное апостолом Павлом (1 Кор. 7)». Какие выводы можем мы сделать из этого отрывка? Совершенно неоспоримым является то, что меннониты в отличие от коммунистических анабаптистских течений, но зато в согласии с буржуазными реформаторами утверждали владение частной собственности, считали частную собственность не противоречащей «любви христианской». Сделав маленькую оговорку о благотворительности, Рауф счел нужным подчеркнуть, что благотворительностью следует заниматься, во-первых, «от избытка», а во-вторых, «по своей воле». Благотворительностью следует заниматься, но к этому «мы никого однако не принуждаем», пишет он.

Еще одна черта характеризует религиозное ханжество меннонитской буржуазии. Закон об отлучении вероотступников, являющийся одним из важнейших законов меннонитства, повелевает прекратить с таковым какие бы то ни было сношения; с отступником никто не смеет заговорить, родная жена и дети должны покинуть его, если не желают сами быть отлученными. Общественное презрение и бойкот — вот удел отступника. Но как поступать, если благочестивый меннонит, воспитанный в духе евангелия и учения Менно, связан с отступником деловыми, например торговыми, отношениями? На этот вопрос ответило висмарское совещание меннонитских деятелей, состоявшееся в 1556 г. В числе принятых им пунктов имеется между прочим такой: «С ренегатами можно вступать в деловые сношения лишь в крайнем случае» (§ 2, A. Brons, назв. соч., гл. 2). В крайнем случае, но можно. Таким образом, если с отлученными запрещались всякие сношения, то для «дел» сделано было исключение. Дела — выше всего. Такого решения этого вопроса следовало ожидать. Дела — вот что было истинным богом меннонитов.

Из утверждения меннонитами частной собственности выте-

кало их отрицание коллективной собственности. С ужасом говорит Рауф о коллективной собственности в сектах анабаптистов. Рауф категорически заявляет, что «она не может быть основана на слове божием».

В том же духе меннониты рассуждают о государственном устройстве, военной службе и др. В XVI артикуле меннонитского исповедания, приводимого Германом Шинном и сверенного мной с соответствующим артикулом в книге «Bekentnisse der geloof van Godes Neglise Wordt» (Haerlem, 1632) говорится: «Так как многие... соблазны могут быть связаны с должностью правителя, то мы боимся занимать такие должности» (Hermano Schyn—«Historiae mennonitarum plenior deductio...» Amsteraadami, гл. 2 я 1729). В доказательство меннониты приводят до 17 выдержек из священного писания. В основе меннонитского отказа от государственной службы лежат конечно не религиозные мотивы. Приводимые ими цитаты из «священного» писания имеют своей целью прикрыть действительные мотивы меннонитского отношения к государственной службе. В сухих и коротких строчках меннонитского исповедания встает фигура молодой буржуазии, уверенно изрекающей гибель абсолютизму, но еще бессильной сломить его в открытом бою. Отказ от государственной службы — пассивная борьба с государством. Отказ меннонитов от несения светских правительственных должностей совпадает с отказом от всяческих военных обязательств. По поводу участия в войне, ношения оружия меннониты заявляют следующее: «Мы веруем и исповедуем, что нашей природе противно мщение и воздаяние за несправедливость... Господь наш Иисус христос, когда он восхотел создать духовное и небесное царство, запретил своим последователям не только мщение, но и стремление к мщению, как это делали и его апостолы. Поэтому мы считаем употребление оружия и войну для принесения вреда нашим врагам, а что еще печальнее — невинным творениям, которые нас не обижали, неприличным и несвойственным последователям христовым. Отсюда мы считаем необходимым воздержаться от всех воинских орудий и от всех враждебных противодействий» (С. Ris—«Die Glaubenslehre der wahre Mennoniten».—Hamburg, 1766, art. XXIX).

Основываясь на этом рассуждении, меннониты отказывались от военной службы. Корень этого отказа все тот же. Эта сторона меннонитского учения дополняет меннонитское отношение к государству.

Наконец еще один пункт их исповедания, пункт о клятве, венчает все здание. Меннониты категорически отказывались давать присягу правительству. Этим меннониты развязывали себе руки по отношению к правительству. Взгляды меннонитов на государство являются религиозным выражением их политических настроений.

Так как приверженцы секты насчитывались десятками тысяч, то такая теория становилась весьма ощутительной материальной силой. Однако как далеко заходило отрицание меннонитами го-

сударства? Отрицали ли меннониты государство вообще? В отношении этого не следует заблуждаться. Меннониты отрицали не вообще государство, а только его данную конкретную форму. Они отрицали абсолютистское государство. Буржуазия не может отказаться от государства, ибо сама нуждается в аппарате классового насилия. Чем дальше развивалась борьба буржуазии с абсолютизмом, чем победоноснее она разворачивалась, чем больше у буржуазии появлялось предпосылок для построения собственного государственного аппарата, — тем больше меннониты подчеркивали, что они не против власти вообще. Отношение меннонитов к властям охарактеризовано Грегуаром, описывавшим меннонитов в ту эпоху, когда в Нидерландах уже сложился капиталистический государственный аппарат: «Они признают, что власти были установлены богом, чтобы покровительствовать добру и наказывать злых. Они прибивают, что без этого... земля вскоре представляла бы собой не больше чем логовище диких зверей, где слабая и безоружная невинность сделалась бы жертвой силы и несправедливости. Вот почему, — говорят они, — бог, заботясь с отеческой добротой о благополучии людей, утверждает институт принцев (вообще властей. — *Ал. К.*)... Они считают необходимым слушаться начальства во всем, что не противоречит слову божью, оказывать ему глубокое уважение, платить налоги, которые оно устанавливает, и молиться за него» (Grégoire — «Histoire des sectes religieuses», стр. 106). В артикуле XVIII меннонитского исповедания, где говорится «о церковной дисциплине», мы читаем: «В государстве те постановления, которым не сопутствуют наказания, не исполняются, поэтому господь не забыл присоединить к своим законам наказания»... (Hermano Schuy, назв. соч., гл. 2).

Фраза эта чрезвычайно характерна. Написав на своем знамени «миролюбие», называя всякое насилие мерзостью, меннониты выступают здесь в качестве апологетов насилия. Они чрезвычайно одобрительно относятся к тому, что всяким законам должно сопутствовать наказание? Они считают это условием соблюдения законов. Мы видим, что как бы далеко буржуазия ни заходила в своей ненависти к абсолютистскому государству, тем не менее совсем отказаться от государства она не может.

Учение меннонитов о миролюбии, о всеобъемлющей христианской любви само является необходимым дополнением к общей системе буржуазного насилия. Меннонитская теория мира — это теория классового мира. Задача смягчения, затушевывания классовых противоречий, все более разворачивающихся как вне, так и внутри меннонитской секты, выдвинула перед меннонитами учение о смирении и мире. Крайним выражением учения о смирении является меннонитский обряд омовения ног. «Так, например нас часто посещают сотоварищи, — пишут меннониты, — мы, согласно обычаю ветхого завета и по примеру Христа, должны омыwać им ноги, предстая таким образом перед богом и перед ближним в смирении. Это нужно для того, чтобы господь ежедневно укре-

появил нас в смиреннии»... (Schuyt, гл. 2). Это смирение перед богом и перед ближним — яркий продукт разветвлявшихся классовых противоречий. Такое учение могло возникнуть только в буржуазной секте, для которой классовый мир был необходим, как воздух.

Взгляды меннонитов на собственность, общество, государство отражали классовую принадлежность меннонитов; точно так же на «чисто религиозных», казалось бы, теориях меннонитства лежит печать производственного положения их творцов. Возьмем хотя бы такой момент, как вторичное крещение, практиковавшееся меннонитами. В условиях тогдашнего общества вторичное крещение играло роль общественного протеста. Поскольку в государстве церковь занимала положение важнейшей опоры, крещение являлось символом приобщения родившегося к данному государству, в особенности после всестороннего проведения в жизнь принципа *cujus regio, ejus religio* (чья страна, того и вера). Отказ от крещения в детстве, а тем более прекращение, становились актом оппозиции государству, антигосударственной демонстрацией. Недаром в XVI в. слова «перекрещенец» и «революционер» в глазах правительства сливались воедино. Это имело свои основания. Революционеры XVI в. боролись под знаменем перекрещенства, под знаменем анабаптизма. Перекрещенство в XVI в. перестало быть религиозной оболочкой, прикрывающей революционное содержание, оно само стало революционным лозунгом, а его религиозный смысл был отодвинут на задний план. Как отмечает большинство историков меннонитства (Ведель, Бронс и др.), включение меннонитами в свое исповедание акта перекрещения служило поводом для особенно сильных гонений на меннонитов со стороны правительства.

Хотя для меннонитов перекрещение являлось не боевым революционным кличем, а религиозной ширмой, скрывавшей буржуазную оппозицию, однако дух буржуазной оппозиции сказывался в религиозных положениях. Возьмем например ту часть меннонитского исповедания, которая трактует о боге. В ней нет ничего, что бы отличало ее от обычного христианского понимания бога. Однако и от нее веет оппозицией абсолютизму и католицизму.

Когда меннониты говорят, что только богу «подобает воздавать божественные почести», что только «он требует страха, любви и послушания» и что «эги почести не подобает воздавать... ни людям... ни земным творениям», то здесь религиозная шелуха совсем прозрачно скрывает оппозиционное ядро. Из этих рассуждений можно сделать вывод, и меннониты его делали, что в отношении широких мирских властей не надо быть «послушными», их не надо бояться, их не надо любить, им не надо воздавать почестей.

Религиозная система меннонитства вооружала буржуазию в ее борьбе с абсолютизмом и католической церковью. Меннонитство — идеологическое орудие буржуазии. Что сделал Менно? К нему можно отнести слова, высказанные однажды Марксом по поводу

Лютера, где Маркс со всей глубиной диалектической логики оценил значение Реформации. Маркс писал: «Лютер победил рабство по обету потому, что на его место поставил рабство по убеждению. Он разбил веру в авторитет потому, что реставрировал авторитет веры... Он освободил человека от внешней религиозности потому, что сделал религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков потому, что надел оковы на сердце». Это же мы можем повторить, говоря о значении меннонитства. Таковы те выводы, к которым мы приходим в результате анализа мировоззрения меннонитов.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ МЕННОНИТСТВА XVI—XVIII вв.

Подоплекой истории меннонитства является история классово-вой борьбы.

Мы видели уже, что свое прогрессивное значение для развития производительных сил абсолютизм утратил окончательно уже в царствование Карла V. Когда кризисное состояние хозяйства Испании продиктовало последней необходимость прекращения вывоза в Нидерланды шерсти и заставила ее наглухо закрыть колониальные рынки для нидерландского купечества, то оппозиция последнего превратилась в бурное революционное движение. Волнением охвачены были широчайшие массы. Ибо закрытие рынков и прекращение ввоза шерсти Испанией означало сокращение производства и торговли в Нидерландах, означало экономический крах для ряда капиталистических предприятий, разорение и обнищание для масс. Разнообразнейшие слои поднялись против «испанского владычества». Лозунги борьбы с «испанским абсолютизмом» сделали наиболее популярными не только в купеческой среде, но и среди прочего населения. Антверпенские купцы начали принимать меры к организации национальной армии, масса рабочего и ремесленного люда громила церкви, изгоняла католическое духовенство, справедливо усматривая в католической церкви верное орудие абсолютизма. Абсолютизм, конкретизировавшийся в глазах массы в лице Филиппа II и Маргариты Пармской, стал предметом национальной ненависти. Однако, руководимое высшим дворянством, это революционное движение не представляло собой серьезной угрозы существовавшему строю. Дворянство, трепетавшее перед образами великой крестьянской войны 1525 г. и мюнстерской коммуны, боялось, как бы возглавляемое ими движение не поглотило его самого. В ряде случаев дворянство само помогало местнице Филиппа II Маргарите Пармской расправляться с восставшими. Филипп II воспользовался нидерландским восставшим для пополнения испанской казны.

В Нидерланды во главе с герцогом Альбой отправлена была карательная экспедиция. Беспощадный грабеж — вот какое зада-

ние было дано герцогу. Альба заставил нидерландское население оплатить Испании все затраты, произведенные на организацию расправы с Нидерландами. Сверх того иредостояло привезти в Испанию большие денежные суммы. Лучшим методом пополнения испанского кошелька Альба считал казни нидерландцев с последующей конфискацией всего имущества казненного в пользу испанского государства. Между количеством казней и количеством добычи существовала прямая пропорция. Поэтому Альба четвертовал, вешал, давил, как можно было больше. Одновременно Альба ввел жесткую систему налогов. Так, нидерландское население обязывалось платить 1 процент со всего его движимого имущества и кроме того собирать в течение двухгодичного срока 4 миллиона гульденов для Испании. Некоторое время спустя Альба дополнил свою систему налогов двумя новыми. Он распорядился взимать в пользу Испании 10 процентов при переходе движимого имущества от одного владельца к другому и 5 процентов при продаже земельной собственности. Буржуазии ничего не оставалось как ответить на действия Альбы всеобщей забастовкой, закрыть все свои предприятия, прекратить всякую торговлю. Хозяйственная жизнь замерла. Процветания самых широких слоев населения пошел небывалыми темпами. Альба еще активнее продолжал свои убийства, ибо после забастовки буржуазии прямой грабеж стал последним источником дохода.

В какое положение попали при этом меннониты? На предложение вооруженного сопротивления они не встали. Между тем Альба разграбил и грабил меннонитов едва ли не в первую очередь, так как они представляли собой зажиточную часть населения. «Martelaers Spiegel» приводит биографии многих меннонитов, замученных Альбой. Вот некоторые из них: «Данисль Кальвер, родившийся в Тольте во Фландрии, в 1564 г. был схвачен за исповедание истинной веры в Арментире и оттуда направлен в Брюссель, но после некоторых пыток и мучений снова отправлен в Арментир с 40 служителями христовой общины и там по приговору магистрата осужден на сожжение живым до пепла; и эта жертва была смело принесена. И там, вблизи Арментира (в Лей), был брошен его пепел». Подобные биографии меннонитов и крещенцев, замученных, а впоследствии ограбленных Альбой, «Martelaers Spiegel...» приводит 800. И так как меннониты, благодаря своему трудолюбию, — читаем в меннонитской книге «Кто такие меннониты», — в общем были зажиточны, то герцог их особенно преследовал, чтобы поживиться за счет их имущества (стр. 12).

Основная масса меннонитов жила в северных провинциях Нидерландов, в Голландии, Фрисландии, Зеландии, остальные преимущественно населяли Фландрию и Брабант — северные провинции южных Нидерландов. Эти провинции являлись экономическими центрами Нидерландов. Вполне естественно, что эти районы подверглись наибольшему опустошению.

Меннониты не остались в стороже от революционно настроенной нидерландской буржуазии. Все виды антиабсолютистской агитации и пропаганды использовались меннонитской буржуазией. Менно проклинал и клеймил «кровожадных тиранов». Меннониты выражали уверенность, что они «покорят кровожадных, жестоких тиранов со всеми их мучениями, пытками, наказаниями, ссылкой, разорениями, столбами, палачами» — силой своей веры («Трактат о реинкарнации или новом рождении», соч. Менно, т. I, стр. 241). Меннонитская буржуазия не могла не возмущаться тем, что Альба налогами и реквизициями разрушал в стране товарное производство — позвоночный столб меннонитского капиталистического существа. Меннониты боролись с абсолютизмом. В свою очередь абсолютизм боролся с меннонитами. Специально против меннонитов и Менно Симонса, их идеолога, вышел ряд королевских указов. Лицам, которые предоставили бы приют меннонитам, грозила немедленная казнь. В декабре 1543 г. был выпущен королевский эдикт,

«в силу которого всем преступникам, даже убийцам было обещано прощение их злодеяний, милость императора, свобода и кроме того 100 гульденов Карла за предоставление в руки палача Менно Симонса. Чтобы скорее достигнуть своей цели, они прибили на церковных дверях описание его личности, одежды и роста»... («Die Bekehrung Menno Simons und sein Ausgang»...)

В то время как агенты Альбы вылавливали и казнили меннонитов, буржуазия и феодальная знать, страдавшие от абсолютизма, покровительствовали им. Так, значительная часть меннонитов скрывалась в восточной Фрисландии под прямым покровитель-

„Зерцало мертвецов“ — книга, изданная меннонитами в 1631 г. в Гарлеме. Здесь впервые опубликовано исповедание меннонитов и приведен список меннонитов, убитых экспедицией Альбы.

ством графини Анны и знатного дворянина А-Ласко. Сам Менно с группой единомышленников нашли себе приют неподалеку от Ольдеслона в дворянском имении Фризенбург. Впоследствии там даже образовалась меннонитская община.

Большинство нидерландской буржуазии, в том числе и многие меннониты, вступили в революционную борьбу с абсолютизмом и в итоге добились победы. Основные же кадры меннонитов испробовав все методы «мирной» агитации против абсолютизма и убедившись в их непригодности, решили сдаться. Начиная с конца первой половины XVI в., меннониты массами эмигрируют в Германию, Пруссию, Гольштинию, Польшу.

Мы назвали уже главные районы меннонитской эмиграции. Из них Западная и Восточная Пруссия привлекли к себе наибольшую часть эмигрантов. Западная Пруссия в эпоху переселения меннонитов составляла польское владение и управлялась польскими королями; что же касается Восточной Пруссии, то она представляла собой самостоятельное герцогство. Единственное, что могло привлечь внимание меннонитов Восточной и Западной Пруссии, это — незаселенные земельные площади. Меннониты сразу по прибытии занялись организацией капиталистических сельских хозяйств. Меннонитские эмигранты, прибывшие в Польшу (Западную Пруссию), расположились вдоль Вислы возле города Эльблонга (Эльбинга), Гданска (Данцига), в Мариенвердской низменности, расположенной между ними, а также в окрестностях городов Грудзюньжа (Грауденца), Торуна (Торна), Кульма и Швеца. Таким образом главными центрами меннонитской эмиграции стали Мариенбургский, Эльбинский и Данцигский округа.

Болотистая солончаковая местность во многом напоминала обычные нидерландские пейзажи. Здесь переселенцы, используя значительные средства, вывезенные из Нидерландов, а также большой опыт в борьбе с болотами и песчаником, провели ряд сложнейших осушительных и заградительных работ, построили сложную систему плотин, установили ряд мельниц и в результате превратили мариебургские болота в плодородную, цветущую местность, в образец капиталистического землевладельческого хозяйства.

Местные и центральные польские власти с удовлетворением смотрели на меннонитское строительство. В самом деле, хозяйства меннонитов способствовали подъему производительных сил Польши, и поэтому неудивительно, что меннониты встречали у польского правительства поддержку всем их хозяйственным начинаниям. Польские короли предоставляли меннонитам всякого рода привилегии. В грамоте от 22 декабря 1642 г. польский король Владислав IV, обращаясь к меннонитам, писал: «Мы, Владислав IV, божией милостью король польский (следует полный титул Владислава), объявляем настоящей нашей грамотой всем и каждому, к кому относится, так как всякий труд и всякое старание на общую пользу достойны милости и защиты князей и дам хороших».

известно, какие льготы, права и вольности были дарованы предками нашими меннонитами, которые... поселились тогда в пустынных, болотистых и непригодных местах и с большим старанием и многими расходами по осушке болот и наводненных мест, по возведению плотин против разлития Вислы, Ногаты, озера Друзена, Тафа, Тиге и других рек, сделали их пригодными и плодородными и оставили своим потомкам пример отличного трудолюбия: то мы, по подданнейшей просьбе означенных жителей наших мариенбургских вердеров все без исключения права, привилегии и вольности, которые им дарованы были нашим прадедом августейшим Сигизмундом Августом и были подтверждены нашими королевскими предшественниками—августейшими Стефаном и Сигизмундом и которыми (правами и привилегиями) они доньше пользовались, настоящей нашей грамотой вновь утверждаем на вечные времена. Так как они как верные подданные показали свою покорность поднесением определенной суммы денег для нашего употребления, то настоящей нашей грамотой мы не только свидетельствуем получение этой суммы, но и обещаем за нас и наших августейших преемников, что мы и наши августейшие преемники означенных жителей наших обоих мариенбургских вердеров освобождаем впредь и на вечные времена от подобных налогов и намерены не допустить, чтобы кем-нибудь от них требовалось что-либо подобное. В удостоверение чего мы настоящее собственноручно подписали и подкрепили государственной печатью. Варшава, 22 декабря месяца 1642 г. Царствования нашего в Польше в десятое, в Швеции в одиннадцатое лето. Владислав. Король». Помимо того, что грамота содержит в себе характеристику производственной деятельности меннонитов в Польше и отношения к ним правительства, она интересна еще и в том отношении, что свидетельствует, во-первых, о материальной обеспеченности первых переселенцев-меннонитов, указывая на «многие расходы», произведенные ими на благоустройство мариенбургских вердеров. Во-вторых, грамота отмечает финансовую поддержку, оказанную меннонитами правительству, а также характеризует политическую настроенность меннонитов, поскольку о них говорится как о «верноподданных, показавших свою покорность».

Некоторое время спустя, в 1694 г., политическая благонадежность меннонитов и покровительственное отношение к ним правительства отмечены были в особой грамоте Яном Собеским. Он писал: «Ввиду того, что жители города Эльбинга, Мариенбургского вердера и наших поместий Тигенгоф и Бервальде, называемые меннонитами, показали большое усердие и оказали нам великие услуги, то мы нашли достойным и должны сохранять и защищать все права, привилегии и обычаи, дарованные им нами и нашими предшественниками». Эта грамота показывает, что меннониты являлись одной из опор польского правительства, которой последнее очень дорожило.

Наконец в 1732 г. король Август II в специальной грамоте

обещали «старания и труд» меннонитов, их заслуги в том, что они не перестают работать и делать расходы для улучшения наших поместий», и в заключение даровал им ряд дополнительных привилегий.

Однако когда польское шляхетство само экономически окрепло и меннониты могли составить ему конкуренцию, оно отказалось от меннонитской помощи. Грамоты меннонитам стали выдаваться все реже, и хотя накануне первого раздела Польши (в 1764 г.) Станислав Понятовский снова обратился с грамотой к меннонитам, тем не менее взаимоотношения между меннонитами и, с другой стороны — помещиками, промышленниками и властями приняли нагянутый и напряженный характер.

Подобную же эволюцию проделали меннониты в Восточной Пруссии, хотя своеобразие исторического развития Пруссии внесло сюда свои, местами существенные поправки. Расселившись в прусском курфюршестве, меннониты, подобно своим польским единомышленникам, прежде всего принялись за необходимое сельскохозяйственное обзаведение. К тому времени, когда Пруссия, значительно расширив свою земельную территорию, объявила себя королевством, меннониты в хозяйственном отношении стояли уже очень высоко. Несмотря на естественные препятствия — песчаную, неплодородную почву, меннониты добились создания крепких, высокопроизводительных хозяйств. Они участвовали своей продукцией почти во всех статьях прусского экспорта, сбывая большие партии шерсти, льна и разного рода сельскохозяйственных изделий. К концу XVII в. Пруссия представляла собой абсолютную монархию, выражавшую интересы дворянства и осуществлявшую диктатуру дворянства над крестьянством, а частью и над буржуазией. Промышленность находилась в зачаточном состоянии, значительных торгово-промышленных центров не существовало. Если в начале второй половины XVIII в. в Берлине насчитывалось 120 000 жителей, то в XVII в. население Берлина выражалось в скромной цифре — 24 000 человек, в цифре, в 5 раз меньшей. Основным занятием подавляющего большинства пруссаков было земледелие. Помещики, вешадно эксплуатируя крестьян, звели барщинные хозяйства. В общем хозяйстве страны удельный вес меннонитской продукции был очень высок. Соответственно этому меннониты представляли собой большую социально-экономическую силу, с которой приходилось считаться в общей государственной политике. Курфюрст Фридрих Вильгельм I, а впоследствии его сын король Фридрих I в своем стремлении освободиться от французской и польской опеки и создать самостоятельное государство нашли опору в лице меннонитов. Вполне понятно, почему меннониты поддерживали прусское правительство в его стремлениях создать самостоятельное государство. Меннонитскому капитализму это было необходимо, ибо только в этом случае он мог рассчитывать на получение достаточного внешнего и внутреннего рынка. О высоком значении меннонитов в прусском государстве

говорит тот факт, что Фридрих I вызвал в Пруссию множество швейцарских и польских меннонитов и предоставил им широкие льготы. В начале XVII в. рост меннонитского землевладения был в интересах прусского дворянства: он укреплял экономически Пруссию, способствовал упрочению прусской независимости, и вместе с этим хозяйственному росту прусских помещиков. В этом заключалось значение меннонитов в Пруссии со времени их переселения до начала XVII в. Они были толкачом экономического роста прусского помещичьего класса.

Однако в XVII в. значение прусского меннонитства стало обратным. Пруссия представляла собой страну с экстенсивным способом земледелия. Развитие экстенсивного земледелия при одних и тех же внешних границах неизбежно вело к земельному кризису. Так оно и было. В XVII в. всю страну охватила жесточайший земельный голод. Чтобы ликвидировать кризис, дворянство попыталось методами прямого насилия захватить крестьянские земли. Оно безнаказанно сносило крестьянские дворы и т. д. Между самими обуржуазившимися дворянами начались бесконечные тяжбы по земельным вопросам. Вместе с тем и внешняя политика Пруссии в основном определялась этим земельным голодом. Он принуждал прусское правительство держать постоянно наготове большую, хорошо вооруженную армию. Во всей Европе не было таких воинственных королей, как в Пруссии. Это и понятно. Иного выхода, как агрессивная внешняя политика у прусского дворянства не имелось. Первыми жертвами прусских помещиков явились Польша, Австрия, Швеция, у которых Пруссия отрезала жирные куски. К концу XVIII в. Пруссии удалось добиться передела Польши, в результате которого вся так называемая Западная Пруссия вместе со всеми жившими в ней меннонитами (польскими) отошла к прусскому королевству. Тем не менее земельный кризис не был изжит. И если во внешней политике он отражался в беспрестанных войнах, то отражением его в области политики внутренней был грабеж разных групп землевладельцев в пользу дворянства. С одной стороны, шел процесс резкого обезземеливания крестьянства, с другой стороны — правительство стало на путь репрессий по отношению ко всему недворянскому землевладению. В условиях земельного кризиса дальнейший рост меннонитского землевладения вставал в прямое противоречие с интересами прусского дворянства. Если раньше меннонитское землевладение вело к упрочению хозяйственного благополучия дворянства, то сейчас оно конкурировало с ним. Из толчка экономического развития прусского юнкерства меннонитство сделалось тормозом его роста. Интересы прусского землевладения настойчиво требовали устранения меннонитской конкуренции. Меннонитские поместья привлекали к себе жадные взоры юнкерства. Соответственно этому короли перешли к постепенной ликвидации всех предоставленных меннонитам привилегий и ко всякого рода репрессиям, направленным против меннонитского землевладения.

Как сообщает С. Н. Wedel («Abriss der Geschichte der Mennoniten», Newton, Kansas), уже Фридрих Вильгельм I (1713 — 1740) приступил к постепенной отмене предоставленных ранее меннонитам льгот. Так, в 1723 г. военные агенты Фридриха пытались завербовать в армию некоторых литовских меннонитов, хотя меннониты были освобождены от несения воинской повинности. Когда ряд меннонитских обществ обратился по поводу этих действий с протестом к правительству, последнее использовало протест как повод для усиления антименнонитских репрессий. Фридрих так изобразил дело, будто меннониты являются неблагонадежной в смысле преданности государству организацией. Фридрих специальным указом повелел выселить всех меннонитов, занимающихся сельским хозяйством, из Пруссии и разрешил остаться только городскому промышленному населению. Когда же меннонитское население, в том числе и городское, обеспокоенное репрессиями, вступило в оппозицию Фридриху, он распорядился (указ от 22 февраля 1723 г.) в 3-месячный срок выселить всех вообще меннонитов за пределы прусского королевства. Указ этот полностью реализован не был. Выселено было около 100 семейств, которые выехали в Голландию, где с установлением буржуазного государства все репрессии в отношении к меннонитам окончательно прекратились. Среди выселенных были почти исключительно землевладельцы. Несмотря на королевский указ, с выселением меннонитов-горожан медлили. Сам Фридрих например разрешил 17 проживавшим в Кенигсберге меннонитским семействам остаться в Пруссии, чтобы они организовали производство сукон, шерсти и материи. Итак, правительство преследовало меннонитов-землевладельцев — конкурентов национальному помещичьему землевладению. Что же касается меннонитов-промышленников, то Пруссия со своим чахлая производством не могла отказаться от меннонитской помощи.

В меннонитском отказе от несения военной службы, привлекавшей измученное непрерывными войнами крестьянство, Гогенцоллерны усматривали прямой подрыв своим военным интересам. Хотя антимилиитаристская пропаганда меннонитов не имела реальных результатов, тем не менее при известных условиях она могла бы собрать вокруг себя недовольное, уставшее от войн население. Этот момент подогревал вызванные земельным кризисом антименнонитские настроения правительства.

Отношение следующего прусского короля Фридриха II к меннонитам последние называют «доброжелательным». «Фридрих II отличался веротерпимостью и поэтому меннонитов не притеснял» — пишут они («Кто такие меннониты», стр. 21). Это заявление не совсем соответствует действительности. Мы ниже приведем ряд указов ограничительного характера, изданных Фридрихом II относительно меннонитов. Тем не менее по сравнению со своими предшественниками Фридрих II действительно был «веротерпим». Так, он отменил указ Фридриха Вильгельма I о выселении всех меннонитов, согласился освободить меннонитов от несения воен-

ной службы с заменой ее ежегодным взносом в 5 000 талеров на содержание кадетского корпуса в Кульме. Однако «веротерпимость» Фридриха II имела весьма реальные корни. При нем Пруссия приобрела ряд новых земель, при нем осуществлен был первый раздел Польши, в результате которого вся «Западная Пруссия», исключая Данциг и Торн, отошла к Пруссии. Острота земельного голода несколько смягчилась. На этой основе ограничительная политика прусского правительства в отношении меннонитского землевладения временно утратила свои резкие формы. Что же касается городского меннонитского населения, державшего в своих руках значительную часть прусского суконного и шерстяного производства, то Фридрих II («Великий») — лучший полководец своей эпохи, прошедший в боях большую часть своего царствования, имел в лице меннонитских шерстяников и суконщиков прекрасных поставщиков для армии. Прусские войска были одеты в меннонитские сукна. Этого было достаточно, чтобы Фридрих II оставил в покое промышленников-меннонитов. Вместе с тем торгово-промышленная деятельность меннонитов играла заметную роль в меркантилистической политике Фридриха II.

Несколько иначе обстояло дело с меннонитским землевладельческим капиталом. Если Фридрих II не пытался одним ударом с корнем уничтожить меннонитское землевладение, как Фридрих I, то он стремился к тому же самому путем постепенного систематического стеснения хозяйственной деятельности меннонитов-землевладельцев. В указе от 14 июня 1723 г. Фридрих II разрешал меннонитам приобретать новую земельную собственность только в случае согласия на то специальных государственных органов. Каждая сделка только тогда становилась законной, если имела визу последних. В 1774 г. Фридрих издал новый указ мариенбургскому управлению, под надзором которого находилось большинство прусских меннонитов. Согласно этому указу приобретение меннонитами земель у прочего населения допускалось лишь при условии, что эта сделка не отражалась отрицательно на хозяйственном положении продавца или что меннониты покупали одну часть поместья, а другой частью владели люди, «обязанные военной службой». Одновременно этим указом вводился в действие ряд условий, делавших невозможным новое поселение меннонитов в Пруссии. Этот указ фактически ликвидировал меннонитское землевладение. Государственная бюрократия всегда имела возможность любую сделку признать невыгодной для продавца. С другой стороны, указ прекращал дальнейшую иммиграцию меннонитов. Он был введен целиком в интересах прусского помещичьего землевладения. После 1774 г. начинается массовый отлив меннонитов из Пруссии.

Новый король Фридрих Вильгельм II продолжал политику Фридриха II. Меннониты ответили массовым переселением в Россию. Указывая на причины своего переселения из Пруссии в Рос-

сию, меннониты неизменно ссылаются на религиозные преследования. Но «религиозные преследования» здесь не при чем. Основная причина гонений на меннонитов лежит в конкуренции, которую меннониты делали прусскому дворянству в условиях земельного голода. Меннонитский капитал вступил в борьбу с прусскими помещиками и борьбу проиграл.

ПОЯВЛЕНИЕ МЕННОНИТОВ В РОССИИ.

Вопрос о переселении стал у меннонитов буквально на острие ножа. Дальнейшее пребывание в Пруссии грозило полным хозяйственным крахом. Надо было переселяться, но куда? Переселиться следовало только в такое государство, где бы имелась большая земельная площадь и капиталистическое развитие не достигло такой высокой ступени, не могло бы конкурировать с меннонитским капиталом. Россия больше любой другой страны удовлетворяла обоим этим условиям. Переселенческие стремления прусских меннонитов как-раз совпали с тем временем, когда русское правительство в связи с развитием капиталистических отношений приступило к колонизационной политике.

После робких шагов по организации иностранных поселений, предпринятых в 1783 г. в отношении армян и грузин и продолженных в 1751 г. в отношении сербов, русское правительство перешло к более энергичным действиям в этой области. Екатериной II в 1763 г. был издан «колонизационный» манифест. Русское правительство призывало иностранцев «въезжать и селиться, где только пожелают, во всех наших губерниях». Малоимущим обещалось, что они будут «на иждивении нашем немедленно в Россию отправлены» и кроме того «путевыми деньгами удовлетворены». «Созволялось» всем новоприбывшим «иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам». Все иностранцы освобождались от воинской повинности, от казенных податей (от 5 до 30 лет в зависимости от рода деятельности места поселения. — Ал. К.). Им предоставлялось право свободной внутренней юрисдикции с тем однако, чтобы она не противоречила общим установкам русского гражданского права. Но совершенно особое покровительство оказывалось землевладельцам и фабрикантам. В манифесте Екатерины писалось: «Склонным к хлебопашеству... и к заведению мануфактур, фабрик и заводов не только достаточное число отведено способных и выгодных к тому земель, но и всякое потребное сделано будет вспоможение по мере каждого состояния, усматривая особливо надобность и пользу вновь заводимых фабрик и заводов, а наипаче таких, коих донныне в России еще не

учреждено. На построение домов, на заведение к домостроительству равного скота, на потребные к хлебопашеству и к рукоделию всякие инструменты, припасы и материалы выдавано будет из казны нашей потребное число денег без всяких процентов, но с единою заплакою, и то по прошествии 10 лет в 3 года по равным частям... Всякому желающему иностранному в России на поселение позволяем имение свое ввозить, в чем бы оное ни состояло без всякого платежа пошлин... (Кто из поселившихся в России иностранных заведет такие фабрики, мануфактуры или заводы и станет на оных делать товары, каких в России доньше не было, то позволяем оные продавать и отпускать из нашей империи 10 лет без всякого платежа внутренней, портовой и пограничной пошлины; если же кто из иностранных капиталистов собственным своим иждивением заведет в России мануфактуры, фабрики и заводы, таковому позволяем покупать надлежащее число к тем мануфактурам, фабрикам и заводам крепостных людей и крестьян; поселившимся в империи нашей колониями и местечками позволяем устанавливать, по собственному их благорассуждению, торги и ярмарки без всякого побора и платежа пошлин в казну нашу». Манифест был переведен на иностранные языки. За границу правительство отправило специальных вербовщиков. Один из них, некий фон-Траппе, прибыл к данцигским меннонитам.

Почва для успеха вербовочной деятельности Траппе была всецело подготовлена затруднительным положением меннонитов. Екатерининский манифест как нельзя больше пришелся по вкусам меннонитов. Предоставлялась реальная возможность приложить свои капиталы и хозяйственные навыки к русской земле. В Россию были отправлены делегаты-меннониты Гейнер и Бартч. Им поручалось выявить наиболее удобные участки земли, а также точно определить совместно с русским правительством условия переселения меннонитов. В письме к Потемкину Гейнер и Бартч предупреждали, что им потребуются рабочие и батраки. «Обнадеживаемся мы вывезти с собою обоего пола рабочих людей», — писали они. Выбирая место для будущих поселений, Гейнер и Бартч имели в виду, как они сами говорили, «намерение, которое себе за предмет имеет не только размножить земледелие, но и отчасти также распространить некоторый торг», соседство «с Черным морем, — писали они, — и лежащими вблизи нас городами, как-то Никоподем, Бериславом, Херсоном и Перекопом, а в которых, и самый Днепр доставит нам величайшую выгоду тем, что мы в состоянии будем все наши произведения легчайшим способом... с рук сбывать. Производимую нами по берегам оного рыбною ловлею снищем мы новую отрасль пропитания»... (прошение Гейнера и Бартча на имя Потемкина от 22 апреля 1787 г. из Кременчуга, цитирую по Писаревскому «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.» в «Записках Московского археологического института», т. V, стр. 297). Делегатов встретили в Рос-

сия очень приветливо, они «удостоились» приема у Екатерины II, которая была с ними чрезвычайно любезна и обещала свое постоянное покровительство. Местом поселения делегаты избрали землю, расположенную в Херсонской губернии, неподалеку от города Бериславля. Ходатайство о предоставлении им этого участка, а также ряд других просьб они изложили в 20 пунктах так называемых «просительных статей» и представили эти статьи на рассмотрение русских властей. Правительство утвердило почти все пункты прошения. Так, меннонитам отводилась в просимой ими местности земля по 65 гектаров на семейство, не считая неудобной. Для сенокоса отводилась часть острова Тавани; в прилежащих водах меннонитам передавалась «полная власть в рыболовстве»; часть лесов, находящаяся на острове Каире, отдавалась меннонитам на топливо и строительство. На десять лет они освобождались от всяких налогов и «на вечные времена» от военной службы. Меннонитам предоставлялось право «заводить фабрики», «вступать в торговлю», «беспрепятственно... рукоделие свое продавать». Всем въезжавшим меннонитским семействам правительство обязалось: 1) выдать ссуду по 500 рублей каждому, 2) предоставить семенную ссуду, 3) каждому семейству дать по 120 2-метровых бревен на строительство жилищ, 4) снабдить лесом и камнями для постройки двух мельниц, 5) отвести временные жилища и палатки «доколе не построятся дома», 6) полностью оплатить и обслужить переезд из Данцига до Бериславля, 7) выдать по 10 к. на человека до первого урожая, 8) предоставить свободу вероисповедания. Со своей стороны меннониты обещали: 1) платить казне спустя 10 лет после приезда по 15 коп. с десятины удобной земли, 2) в течение 3 лет по прошествии льготного срока возвратить ссуду, 3) содержать в порядке мосты и дороги, расположенные на их землях, 4) предоставлять подводы и помещения проходящим через колонии правительственным войскам.

Таковы в основном условия, на которых меннониты переселились в Россию. Эти условия складывались в прочный фундамент, дававший возможность меннонитам строить на капиталистический лад свои хозяйства.

Первая партия меннонитов в составе 228 семейств прибыла в 1789 г. в Россию. Приехавшие в материальном отношении представляли собой наименее обеспеченную часть меннонитов. Мелкие собственники, владевшие по 15—30 гектар земли, обладатели мелких молочных ферм, ремесленники, имевшие самое незначительное число учеников, а подчас и одиночки, таков был в основном состав первых переселенцев. Это и понятно. Наименее состоятельные, они были наиболее эксплуатируемыми. Они страдали от кабалы своих зажиточных «братьев по вере», результаты конкуренции между прусскими и меннонитскими землевладельцами в конечном счете ложились на их плечи. Когда прусское правительство стало усиленно нажимать на них, эти меннонитские семьи поспешили выселиться в Россию.

Прибывшие меннониты очевидно основывали свои расчеты на том, чтобы израсходовать на первоначальное обустройство обещанную русскими властями ссуду в 500 рублей, а привезенные в незначительном количестве сельскохозяйственные орудия, скот и денежные сбережения приложить к земледелию и скотоводству. Однако расчеты эти не оправдались. По ряду причин политического характера меннониты не были поселены возле Бериславля, как это им было обещано вначале, и не получили обещанной ссуды. Правительство отвело меннонитам землю в Хортицком урочище и остров Хортицу Екатеринославской губернии. Каждое семейство получило по 65 гектар. Что же касается ссуды, то истощенные войной русские финансы не позволяли сразу выдать такую большую сумму. Ссуда выдавалась мельчайшими долями, на протяжении длинных сроков. Выдаваемая таким порядком, она не имела для меннонитов никакого значения. Она едва удовлетворяла их потребительские нужды и никакой производственной роли играть не могла. Также неаккуратно и в недостаточном количестве выдавался обещанный меннонитам строевой лес. Хортицкая земля была мало пригодна для земледелия. Совокупность этих обстоятельств не позволила меннонитам создать, как они рассчитывали, в короткий срок крепкого хозяйства.

В течение 3 лет, начиная с 1793 г., в Россию переселилась еще 118 меннонитских семейств. На этот раз выехала уже более зажиточная группа. «Меннониты второго водворения, — пишет Гр. Писаревский, — прибыли в Россию со значительными денежными средствами и привезли с собой более 400 голов лошадей и некоторое количество рогатого скота... Они своевременно получили и обещанную правительством ссуду». Новая группа переселенцев, обладавшая солидными средствами, довольно уверенно почувствовала себя на новом месте. Так как для всех меннонитских эмигрантов в Хортицком районе нехватало земли, то «братолюбивые» меннониты сделали недвусмысленное предложение правительству: выселить из пределов Хортицкого района всех русских крестьян и предоставить все жилища и землю им — меннонитам. Предложение это полностью не было осуществлено. Часть приехавших меннонитов была размещена на оставшейся Хортицкой площади, часть поселилась возле города Александровска и в Новомосковском уезде Екатеринославской губернии. Все колонии меннонитов первых двух водворений были объединены в Хортицкий меннонитский округ.

Следующий большой меннонитский транспорт последовал в Россию в 1803 г. Он состоял из 150 многочисленных семейств. В течение ближайших 3 лет (до 1806 г.) в Россию прибыло еще 212 семейств. Приток меннонитов на этом не остановился. В период с 1806 по 1820 г. в Россию переселилось из Пруссии свыше 350 меннонитских семейств. Все они получили по 65 гектаров¹ на терри-

¹ Десятин — в тогдашних мерах.

тории, расположенной в Бердянском уезде Таврической губернии, возле Молочных Вод. В числе общей массы этих переселенцев, уровень материального состояния которой был очень высок, находились самые богатые меннониты. Об общем материальном состоянии переселенцев можно судить хотя бы по тому, что правительственным решением от 20 февраля 1804 г. (большинство меннонитов поселилось после этого срока) к въезду в Россию допускались одни только «порядочные хозяева», имевшие не менее 300 гульденов капитала. Все эти меннониты образовали второй меннонитский округ, получивший название Молочанского.

Между тем число колоний все продолжало увеличиваться как пополняясь новопривывшими, так и путем внутреннего роста меннонитского населения. Если в Хортицком меннонитском округе в 1790 г. насчитывалось 8 колоний, то в 1824 г. их уже было 18; если в Молочанском округе меннониты к 1806 г. основали 18 колоний, то в 1866 г. там же их имелось 57. К 1835 г. Хортицкая территория уже не вмещала в себя всего народившегося населения. Правительство отдало семействам хортицких меннонитов земельную площадь в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии. Так возник третий, Мариупольский меннонитский округ.)

В 1825 г. правительство закрыло в дальнейшем доступ иностранным колонистам в Россию. Хотя меннонитам были предоставлены в этом отношении некоторые привилегии, тем не менее темпы меннонитской колонизации резко упали. Новые значительные партии меннонитов появились в России только спустя 18 лет. Условия их переселения были несколько иными. Для получения разрешения на въезд в Россию каждое семейство должно было внести в «обеспечение водворения» по 350 прусских талеров. Кроме того от воинской повинности они освобождались не на «вечные времена», а всего на 20 лет. По прошествии этого срока казна облаживала меннонитов особым сбором. Смысл этих мер заключался в том, чтобы не допустить к эмиграции в Россию малосостоятельных меннонитов. Тут имело значение не только то, что правительство боялось расходов на водворение малосостоятельных хозяйств и не желало увеличения малосостоятельного класса. Напуганный революцией 1825 г., Николай I боялся, как бы бедняки-меннониты не занесли из Европы духа буржуазных революций. Однако 19 ноября 1851 г. Николай I «высочайше соизволил» разрешить 100 меннонитским семействам въехать в Россию. Прибывшие меннониты обосновались в Новоузенском уезде в Самарской губернии. Здесь они образовали четвертый, Малышинский меннонитский округ. Некоторое время спустя приехал еще один меннонитский транспорт. Он расположился 8 колониями в Самарском уезде Самарской же губернии. Возник пятый меннонитский округ, названный Александртальским.

На этом (опуская единичные случаи) закончилась меннонитская колонизация России. Таким образом к 1873 г. в России насчитывалось 5 меннонитских округов: Хортицкий, Молочанский,

Мариупольский, Малышинский и Александртальский. Из них в Моло-
чанском округе были сосредоточены основные и наиболее зажи-
точные меннонитские массы. Выше мы отметили ряд причин, в
силу которых хортицкие меннониты первого водворения, а ча-
стично и второго, не могли успешно развиваться в хозяйственном
отношении. Многие из них разорились настолько, что вынуждены
были продавать на сторону строевой лес, предоставленный вла-
стями для строительства жилищ. Сохранился характерный отзыв
о бедственном положении меннонитов статского советника Ко-
стениуса, посетившего в 1798—1800 гг. хортицкие поселения мен-
нонитов. Костениус пишет: ... «Суммы (имеется в виду правитель-
ственная ссуда в 500 рублей. — Ал. К.), весьма раздробительно и
малыми частями выданные... послужили им (меннонитам. — Ал. К.)
только к одному прокормлению и доныне отнимали от них спо-
собы прочного устройства себя, так что многие дома доселе ими
отстроены худо или не окончены, 38 же семейств и совсем
не имеют оных».

Правительство, вызвавшее меннонитов в Россию, сделало это
отнюдь не с тем, чтобы умножить меннонитами кадры бездомного
и нищего крестьянства. Нищими крестьянами Россия была пере-
полнена и без того. Первоначальный план правительства сводился
к тому, чтобы использовать личные капиталы, высокую по тому
времени европейскую технику и хозяйственные навыки меннони-
тов для создания хозяйства, основанного на крупной капита-
листической базе. Для правительства переезд малосостоятельных мен-
нонитов явился неожиданностью. Получился просчет, который
следовало безотлагательно сгладить. Правительство принимает
ряд мер, имевших задачей обеспечить быстрый подъем хозяй-
ственного благополучия хортицких меннонитов. Отдается рас-
поряжение выдавать наиболее малоимущим меннонитам прови-
зию из правительственных магазинов. Учреждается «Экспедиция
государственного хозяйства, опекунства иностранных поселенцев
и сельского домоводства» — специальный орган для непосред-
ственного наблюдения за жизнью колоний, имевший прямой целью
предоставить наилучшие условия для их капиталистического
подъема. Правительственный сенат делает специальную информа-
цию Павлу I о положении хортицких меннонитов. По сенатскому
докладу Павел I распоряжается: 1) приобрести за государствен-
ный счет удобную земельную площадь для переселения из Хор-
тиц полутора ста меннонитских семейств; 2) передать освободив-
шуюся землю в пользование оставшегося меннонитского населе-
ния, взяв за прошествии льготных сроков в казну по 2,5 коп.
за десятину; 3) отложить сроки платежа за пользование земель-
ным наделом меннонитам, остающимся в Хортице, на 5 лет, отъез-
жающим — на 10; 4) рассрочить уплату ссудного долга после исте-
чения льготного периода меннонитам, остающимся в Хортице, в
течение 10 лет, отъезжающим — в течение 20; 5) сложить целиком
с меннонитов долг за их дорожное содержание в размере

22 738 р. 22 к.; 6) предоставить экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных поселенцев и сельского домоводства весь ссудный долг меннонитов в сумме 358 237 руб. для израсходования его на поддержку их же хозяйства («Полное собрание законов» 6 апреля 1806 г. № 19372). Вскоре в исполнение приведенного распоряжения казна приобрела по указанию самих меннонитов участок земли площадью около 12 000 гектар. В 1803 г. правительство освободило всех хортицких меннонитов от почтовой повинности. Результаты этих действий быстро сказались. Капиталистическое развитие хортицких меннонитов бурным темпом двинулось вперед.

Царское правительство уделяло не меньшее внимание и другим меннонитским водворениям. Несмотря на высокую степень материальной обеспеченности молочанских меннонитов, казна выдала им при поселении (1803 г.) пособие в 15 000 руб. Им же правительство открыло (к 1806 г.) кредит размером около 500 000 руб. на хозяйственное обзаведение. На продолжение меннонитской колонизации на Молочных Водах правительство отпустило 300 000 руб. (приблизительно в 20-х годах XIX в.).

В целях наискорейшего разрешения разнообразных хозяйственных и других вопросов, возникавших у меннонитов, правительство стремилось возможно ближе придвинуть к меннонитским капиталистам свой аппарат. С этой целью была создана «Контора опекунства Новороссийских иностранных поселенцев». В отличие от Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных поселенцев и сельского домоводства она занималась специально и исключительно делами колонистов. Контора опекунства была подведомственна Экспедиции государственного хозяйства, впоследствии эта контора преобразовалась в «Попечительный комитет об иностранных поселенцах».

Деятельность комитета имела большое значение для капиталистического роста меннонитских колоний. Верный правительственным инструкциям Попечительный комитет делал все, что только мог, в этом направлении. Наконец правительство предоставило меннонитским колониям самоуправление. Схема его была в основном такова. Общее собрание всех колонистов каждой данной колонии (сход) избирало из своего числа сельский приказ в составе старшины или председателя (Schulz'a) и двух, иногда трех заседателей (Beisitzer'ы). В состав приказа входил также писарь, обычно не избираемый, а нанимаемый. Сельский приказ обязан был следить за «благочинием в колониях», чтобы нигде не происходило чего-либо такого, что противоречило царским законам или было неудобно хозяевам. Сельский приказ должен был отвечать за своевременное поступление налогов. В случае неподчинения сельский приказ имел право подвергать колонистов различным взысканиям. Высшею властью в пределах колонии являлся общий сход. Сход имел право исключать из колоний, определять всевозможные сборы, разрешать основные вопросы жизни коло-

ний и т. д. и т. п. Совокупность колоний, лежавших в границах одной территории, называлась колонистским меннонитским округом. Каждый сельский приказ посылал либо старшину, либо кого-либо из заседателей на так называемый Kreis-Versammlung (окружной сход). Здесь избирался окружной приказ в составе окружного головы 3 или более окружных заседателей. Для технической работы привлекался по найму необходимый штат писарей. Окружной приказ и окружной сход ведали вопросами окружного значения и обладали соответствующими прерогативами власти.

Наличие самоуправления в огромной мере содействовало росту капитализма в колониях. Все решения, какие нужны были хозяевам, немедленно принимались, ибо как сход, так и сельский и окружной приказ сплошь состояли из хозяев. Между тем все их решения были совершенно обязательны для населения колоний. Правительственная инструкция о выборах совершенно определенно говорила: «Выборы производятся по большинству голосов, из совершеннолетних колонистов, имеющих собственное свое хозяйство, добрых в поведении, прилежных и примерных в хозяйстве» («Свод учреждений и уставов о колониях иностранных в империи», § 28). Безземельные и малоземельные таким образом лишались права быть выбранными в самоуправление. Больше того, согласно законам, только обладатель «хозяйства» вообще мог участвовать на сходе. Всем этим не пользовались безземельные и малоземельные. Однако все без исключения решения сходов, сельских и окружных приказов были совершенно обязательны для всех. Экономически сильные хозяева закреплялись и в административном отношении. Созданные ими приказы играли роль аппаратов классового насилия. Хозяева позаботились о том, чтобы создать в трудовых колонистских массах благоговейный страх перед приказами — органами своей диктатуры.) Инструкция правительства определила целый ритуал, который должен был выполнять каждый колонист, имевший какие-либо сношения с приказом. «По требованию окружного или сельского приказа, — писала инструкция, — всякий колонист должен явиться в оный немедленно; по прибытии же призванного колониста в ту комнату, в которой шульцы и бейзицеры отправляют свою должность, имеет он с должным уважением без шляпы, подошед к сельскому начальству, просить позволения в своем деле объясниться и явотом благопристойным образом и без всякого шума представлять свою нужду; когда же по выслушании велено ему будет из комнаты выйти, то должен тотчас же исполнить и ожидать пока будет позван» («Свод учреждений и уставов о колониях иностранных в империи», § 47). Предоставлением такого рода самоуправления правительство развязывало руки крупнейшим хозяевам колоний в отношении всех других групп меннонитов, в особенности в отношении меннонитского батрачества и беднейших ремесленников. Одновременно правительство предоставляло меннонитам-хозяевам установление таких распорядков, какое

Гудирование хозяйственной и общественной жизни колоний, которое отвечало наиболее быстрым темпам капиталистического развития их хозяйства. Это бурное развитие темпов основывалось целиком на неудержной эксплуатации меннонитами-хозяевами нищих и малоимущих меннонитских и окрестных масс.

Меннониты появлялись в России отдельными партиями, по своему классовому составу не однородными. В этом смысле можно говорить о двух этапах в истории переселения меннонитов в Россию.

Первый этап — 1798 — 1803 гг. характеризуется переселением в Россию бедняцких и малосостоятельных меннонитских слоев, бежавших от эксплуатации своих «собратьев»-капиталистов и от правительственных репрессий в Пруссии. Второй этап охватывает весь период времени после 1803 г. Он характеризуется переселением зажиточных меннонитских хозяев, проигравших в конкуренции с прусской буржуазией и стремившихся на русской территории возместить потерянное. Вся история меннонитской секты шла, как мы показали, под знаком заботливейшего отношения к секте самодержавного правительства. Это и понятно. Секта меннонитов во всех отношениях составляла противоположность русским сектам. Русское сектантство того времени представляло собой, хотя и пассивную, но все же оппозиционную самодержавию силу. Русские Сектантские движения являлись в большинстве случаев движением крестьян, на которых тяжело давила помещичья кабала. Секта меннонитов была движением зажиточных сельских хозяев, капиталистов-землевладельцев, непосредственно заинтересованных в осуществлении царских законов. Она была силой, способствующей правительственной политике, и сама являлась в этой политике немаловажным звеном.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЙ.

Все предпосылки для построения меннонитами капиталистических хозяйств были налицо. В руках хозяйской группы меннонитов концентрировались значительные средства производства. В 1866 г. одна наделная земля молочанских, хортицких и маршупольских меннонитов-хозяев представляла собой огромную площадь в 143 000 гектар. Сюда следует прибавить значительные арендные территории, используемые меннонитами, площадь которых исчислялась приблизительно в 24 000 гектар, и наконец частные земли. Частная земельная собственность 32 крупнейших молочанских землевладельцев составляла в том же 1866 г. около 1 200 000 гектар. В общем земельная собственность русских меннонитов составляла в 1866 г. около 300 000 гектар удобной земли.

В 1860 г. у меннонитских землевладельцев уже имелись так называемые технические усовершенствования, как веялки, соломорезки, однокорпусные металлические плуги, бороны с железными зубьями и т. д. и т. п. Наряду с средствами производства хозяева-меннониты обладали большими резервами денежного капитала. Многие из них привезли с собой еще из Пруссии капиталы, которые долгое время находились в некоторое время неиспользованными, так как первоначально обзаведение полностью обеспечивали правительственные субсидии. Вдобавок открытый меннонитам-хозяевам правительственный кредит в размере 500 000 руб. не только позволил сохранить привезенные денежные фонды, но предоставил даже возможность пополнить их. Кроме того меннонитские хозяева могли пользоваться так называемыми «общественными суммами». Эти суммы складывались главным образом из доходов, приносимых эксплуатацией «запасных земель» (предназначавшихся для расселения новых меннонитов). Некоторые исследователи оценивают общественные капиталы одних хортицких меннонитов примерно в 1 200 000 руб. Официально капиталы эти предназначались для приобретения земель неимущим меннонитам, но закупка земель шла крайне медленно, а фактические хозяева общественных капиталов — крупнейшие меннонитские землевладельцы — имели возможность маневрировать

вать ими по своему усмотрению. Таким образом у меннонитских хозяев собрался значительный запас требовавшего себе применения свободного капитала.

С другой стороны, в меннонитских колониях появился все расширявшийся контингент меннонитов, не имевших ни средств производства, ни средств существования, свободных юридически. В 1841 г., когда процесс классового расслоения еще не проявился со всей силой в меннонитских колониях, на 1 478 семейств богатых хозяев в хортицком и молочанском меннонитских округах приходилось 1 713 безземельных семейств, влачивших голодное существование. Свыше половины меннонитского населения представляло собой свободную рабочую силу, готовую трудиться на любых условиях. Налицо, как видим, имелись все предпосылки для капиталистического развития меннонитских хозяйств: лишенная средств производства рабочая сила, свободные капиталы и средства производства, сосредоточенные в руках меннонитов-землевладельцев. Этого было вполне достаточно.

Процесс роста капиталистических отношений пошел в меннонитских колониях исключительно быстро. На одном полюсе выкристаллизовывалась крупнейшая землевладельческая и фабричная аристократия вкупе с прочими меннонитами-хозяевами, собиравшая громадные капиталы на эксплуатации батрачества, рабочих и на разорении мелких собственников; на другом полюсе вокруг нарождавшегося промышленного пролетариата и батраков концентрировались безземельные и отчасти ремесленные массы, все больше и больше нивдавшие под тяжестью капиталистической кабалы.

Быстрому развитию меннонитских хозяйств способствовала система землепользования. Земля, составлявшая надел меннонита, нарезывалась таким образом, «чтобы каждая семья получила все, угодья нормального надела на одном обрубке» (А. Клаус «Наши колонии», стр. 124). Вместе с различными хозяйственными пристройками, амбаром, сараем, пгичником и др., такой надел составлял «двор-хозяйство».

Опасность, стоявшая перед хозяевами, была опасность дробления 65-гектарных участков в результате роста населения. Дробление вело к неизбежному и быстрому разорению, живым примером этого служили крестьянские общины. В части крестьянских дворов существовала так называемая общинная система землевладения: каждый член общества владел определенным пашем угодий, который беспрестанно менялся с увеличением населения. В самом деле, рост населения при прочих равных условиях означал пропорциональное ему уменьшение пая. В другой части крестьянских дворов существовала так называемая подворная система землепользования. Каждый владелец участка обладал правом дробить его на разные части. Это право применялось главным образом при наследовании семейством надела. Своим прямым результатом обе эти системы приводили к резкому обеззе-

мелению крестьянства. В «Обзрении деятельности министерства государственных имуществ по заведыванию государственными крестьянами и южными поселенцами с 1838 по 1866 год» на стр. 14 читаем, что «в 1837 г. более 275 000 крестьян имели землю по 2 десятины на душу, 212 000 душ по 1 десятине, 56 740 душ менее 1 дес. и до 63 душ не имели ни двора, ни обзаведения». Очевидно, что подобные системы привели бы и меннонитские хозяйства к полнейшему упадку.

✓ Меннониты построили свое землевладение по-иному. В основу своей системы они положили принцип недробления. При поселении меннонитов каждая семья получила независимо от числа членов 65-гектарный земельный надел. Право на дробление или продажу надела хозяину не принадлежало. Земля находилась в его единоличном потомственном пользовании, но в качестве земельного собственника выступала вся колония (все хозяева) в целом. В случае смерти хозяина его участок не подлежал делению между наследниками. Между прямыми наследниками умершего делилось только его движимое имущество. В состав движимого имущества входили: «наличный капитал, долговые требования, скот, хозяйственные и землевладельческие орудия и всякого рода домашняя утварь, а также ремесленные и промысловые орудия и т. п.» (Правила опеки и наследования меннонитского братства в России, § 3). Это делилось. Что же касается недвижимого имущества, к которому относилась земля со всеми находящимися на ней «жилыми и хозяйственными строениями», то она переходила в пожизненное пользование того из наследников, кто предлагал за нее выплатить другим наследникам наибольшую сумму. «Самый 65-десятинный участок, — читаем мы в правилах наследования, — казенного надела хотя и не может, по закону, войти в оценку, как частная собственность в полной его стоимости, но тем не менее новый владелец хозяйства обязан вознаградить наследников за приобретаемое им право пользования участком, за лесные и другие насаждения на нем, за участие, в качестве участкового владельца, в имуществах и угодиях общественного пользования и т. п. Соответственная всем этим выгодам сумма включается в оценку недвижимого имущества» (Правила опеки и наследования меннонитского братства в России, § 2, п. «а»).

Отвечая запросам экономически могущественной группы меннонитов, в ущерб интересам малоимущей, эти узаконения нашли себе закрепление в области религии. Вот что заявляли о своих законах молочанские меннониты: «Мы не можем поступиться нашими правилами наследования даже в малейших частностях. С одной стороны, правила эти самым тесным образом связаны с нашими религиозными воззрениями и порядками и даже основываются на них (разрядка вша. — Ал. К.). С другой стороны, правила эти содействуют нашему хозяйственному преуспеянию» (цитирую по А. Клаусу «Наши колонии», стр. 159).

В 1810 г. «Северная почта, или новая Санкт-Петербургская газета» так описывала меннонитские колонии: «Меннониты особенно могут хвалиться своим благоденствием... они завели у себя хорошие фруктовые, а некоторые и виноградные сады; занимаются разведением шелковичных деревьев и даже выделкою шелка; имеют лучшей породы лошадей и рогатый скот, который еще с собой привели и почти ежедневно вновь выписывают для размножения; принялись притом и за овцеводство, чему правительство оказало им нарочитое пособие подарением до 100 овец гишпанской породы. Пчеловодство составляет также важную статью в сельском их хозяйстве... Продукты свои сбывают они в ближайших городах за весьма выгодную для себя цену. Промышленность же меннонитов столь далеко простирается, что они строят уже суда и плавают на них до Одессы по Черному морю со своими произведениями, которые отвозят также сухопутно в портовый город Таганрог, за 500 верст от них отстоящий» («Северная почта, или новая Санкт-Петербургская газета», 1810 г., № 23).

Помимо наиболее совершенных приемов капиталистической эксплуатации, помимо системы землепользования одной из важных причин экономической эффективности меннонитских хозяйств следует считать их техническую вооруженность. Наличие большого числа усовершенствованных орудий труда с самого начала выделяло меннонитские хозяйства из среды тогдашних помещичьих и крестьянских хозяйств. К сожалению не сохранилось исчерпывающих данных, характеризующих в техническом отношении меннонитские хозяйства первой половины XIX в. Отдаленнейшие (и неполные) данные, которыми мы располагаем, относятся к 1860 г. Так, меннониты Малышинского округа (волости) в 1860 г. имели в своем распоряжении следующие орудия:

№ по пор.	Наименование инвентаря	Количество
1	Деревянные бороны	22
2	Дер. вязные бороны с железными зубьями	152
3	Деревянные плуги	83
4	Металлические однокорпусные плуги	88
5	Буккера	22
6	Молотильные камни	70
7	Веялки	3
8	Соложорезки	10

Таким образом еще в 1860 г., когда русские крестьяне сплошь возделывали землю деревянными плугами, у малышинских меннонитов наряду с 83 деревянными плугами работало 88 однокорпусных железных. Русский крестьянин боронил до самого последне-

го времени деревянной бороной с деревянными зубьями, а у малышинских меннонитов еще в 1860 г. подавляющее большинство борон (152 и 174) было вооружено железными зубьями.

К 1887 г. малышинские меннониты обладали конными и даже паровыми и молотильными машинами, которых в общей сложности насчитывалось до 22. А разбросные сеялки (86 шт.), соломорезки (10 шт.), сенокосилки (3 шт.), жнейки-сноповязалки и т. д.— обо всем этом русский крестьянин и не слышал. К 1910 г. в хозяйствах малышинских меннонитов осталось только 16 деревянных плугов. Плуг деревянный был изжит 2-корпусным металлическим. Их в 1910 г. малышинские меннониты насчитывали 723.

Деревянная борона была вытеснена железнозубой: в 1868 г. меннонитские поля вырезывали 152 бороны с железными зубьями, а 50 лет спустя (в 1910 г.) их уже имелось 1 543. Авторитетное место завоевал себе нефтяной двигатель.

Из приведенной таблицы мы видим не только количественные, но и качественные движения в сельскохозяйственной технике меннонитов. Их инвентарь все время совершенствуется. И это не только у малышинских меннонитов. Наличие больших технических средств характерно для меннонитского хозяйства вообще. Вот данные о технической вооруженности хозяйств двух меннонитских волостей б. Таврической и Екатеринославской губерний за 1914 г.

№№ по пор.	Наименование инвентаря	Количество	
		Хортицкая вол. б. Екатеринос. г. (1382 двора)	Гальбштатская вол. б. Таврич. г. (1294 двора)
1	Рабочие брички и маджары	2816	2465
2	Крытые фургоны	59	585
3	Автомобили	12	27
4	Моторные двигатели	42	134
5	Плуги однолемешные и многолемешные	1820	2790
6	Бороны и сеялки	2734	2182
7	Культиваторы	—	14
8	Дряля	694	203
9	Сноповязалки	441	387
10	Косилки и лобогрейки	630	691
11	Паровые молотилки	6	6
12	Моторные молотилки	30	142
13	Конные молотилки	600	425
14	Веялки и элеваторы	892	1888
15	Футеля	168	381
16	Соломорезки	259	335
17	Сепараторы	467	910
18	Конные	827	1067
19	Сеялки рядовые	—	203
20	Самоскидки	3	—
21	Кукурузные молотилки	567	66

Наряду с технической обеспеченностью эффективность меннонитских хозяйств значительно повышалась правильным использо-

ваннем меннонитами своих земельных угодий. «Журнал Министерства государственных имуществ» за 1854 г. так описывает меннонитскую обработку земли. «Меннониты поля свои обрабатывают отлично... уваживание они употребляют в определенном порядке; паровое поле перепашивается в год до 4 раз, боронится и изобретенным ими легким и удобным экстирнатором очищается от сорных трав». Такие же рациональные методы применялись меннонитоми-хозяевами в скотоводстве, лесоводстве, фруктоводстве и других хозяйственных отраслях. Применение технических средств, культурные приемы ведения хозяйства и в особенности рационализация труда, увеличивавшая эксплуатацию рабочих, — все это вместе взятое служило источником обогащения меннонитоми-хозяев. Многие из них имели доходы, доходившие до 100 000 руб. «Журнал Министерства государственных имуществ» за 1842 г. № 2 пишет: «Некоторые меннониты, имеющие свои крупные земли или нанимающие их, получают еще особенный весьма значительный доход. Замечательнейшие по величине получаемого дохода: 1) Вильгельм Мартенс, получающий до 100 000 руб., 2) Иван Корнис — до 60 000 руб. Некоторые от 10 000 до 20 000 р.»

(Результаты капиталистического развития меннонитских хозяйств начали сказываться в 40-х годах прошлого столетия.) К этому времени уже намечается классовое расслоение на хозяев и безземельных. Прежде всего оно обозначалось в Молочанском округе — этом капиталистическом первенце русского меннонитства. В 1841 г. там было 7 крупных землевладельцев, задававших тон всему округу; это были: Корнис, владевший помещьем в 5 864 гектара; Мартенс, имевший 33 691 гектар; Янцен — 3 318 гектаров; Ванц — 3 000 гектаров; Шредер — 3 000 гектаров; Классен — 1 300 гектаров. (Но например в Хортицком округе крупное землевладение еще не развилось. Крупнейшим из тамошних владельцев был Классен, имевший помещье в 500 гектаров земли.) В 1841 г. в Молочанском меннонитском округе насчитывалось 2 751 семейство, из них владевших земельным наделом 1 033, остальная масса падала на безземельных и ремесленников. В это время меннониты Молочанского округа владели 8 688 лошадьми, 10 431 головами рогатого скота и 104 875 головами овец улучшенной породы. Львиная доля всего этого скота находилась в неотъемлемом владении отдельных хозяев. Если бы разделить это количество скота поровну между всеми наличными меннонитскими семьями, то на каждую отдельную семью пришлось бы: лошадей 3,1 голов, рогатого скота 3,8 голов и по 38 голов овец улучшенной породы. Этим скотом можно было обеспечить (и притом очень хорошо обеспечить) все меннонитское население округа. Между тем весь почти скот безраздельно принадлежал составлявшим немного более трети населения хозяевам, а две трети населения голодало.

В руках хозяев сосредоточено было и все лесоводство и садоводство, достигшее уже к 1841 г. значительного расцвета. На хозяйских плантациях и в садах росло 105 394 фруктовых дерева,

80 760 тутовых и 116 787 лесных деревьев. Все это лесное имущество приносило громадные доходы. Хозяева земельных наделов — единственные владельцы хлеба в колониях — продавали из коммерческого расчета весь хлеб на сторону; в 1841 г. они выручили за него 83 000 руб. серебром; сверх того в хозяйских хлебных магазинах лежало 5 277 четвертей запаса, а большинство населения колоний страдало от отсутствия хлеба и вынуждено было либо голодать, либо переплачивать своим «братьям по вере». «Меннониты, — писал «Журнал Министерства государственных имуществ», — сбывают хлеб только в самое выгодное для продажи время». «Продукты развозят они в ближайшие города и селения, — писала «Северная почта, или новая санкт-петербургская газета», — и получают весьма хороший барыш» (1810 г., № 25). Большая же часть населения жила впроголодь. Вот какое описание положения меннонитских колоний дает «Журнал Министерства государственных имуществ» за тот же 1841 г. (т. I, кн. 2, стр. 553—562): «Въезжая в колонии меннонитов, чувствуешь себя как-будто перенесенным в другой край. Видимое здесь во всем устройство находится в резкой противоположности с бытом прочих поселян. Селения расположены правильно, с достаточными интервалами. Впереди между домами и позади оных находятся фруктовые сады, а около селений лесные плантации, весьма удачно возвращенные. Дома большею частью каменные... Состояние некоторых возвышается от 15 до 20 тыс. руб. серебром годового дохода... Меннониты... ежегодно нанимают множество русских работников для содействия им в полевых занятиях» (Подчеркнуто нами. — Ал. К.) Спустя 10 лет, в 1851 г., полотно капиталистического развития меннонитских хозяйств обогатилось новыми красками. В Молочанском округе общее число деревьев, составлявших собственность хозяев, в том числе тутовых, фруктовых и лесных, доходило до 80 000 000 против 302 941 в 1841 г. — рост более чем на 2 500%. В среднем на каждого хозяина приходилось по 2 343 дерева. Шелководство, фруктоводство и садоводство приносили ежегодно до 95 000 руб. дохода. Так же поднялось скотоводство. А. Клаусс высчитал, что в 1851 г. «каждый хозяин имел 20,4 голов скота» (считая каждые две штуки молодого скота и каждые 5 овец за голову) (А. Клаусс «Наши колонии», стр. 162). Значительную часть доходов хозяева обращали на строительство каменных домов (в 1866 г. в Молочанском округе имелось 1 263 каменных дома). В 1851 г. в местном страховом обществе меннонитских строений было застраховано на сумму 1 435 151 руб. Как свидетельствует А. Клаусс, безземельные... «844 семейства, не имея ни усадьбы, ни полевого надела, проживали в наемных квартирах». Помимо всего этого ряд меннонитов владел фабриками и крупными мастерскими и имел в них десятки и даже сотни наемных рабочих.

Капиталистическое развитие меннонитских колоний достигло

в 1916 г. своей зенигной точки. В отчете меннонитских лесных команд за 1913 г., составленном меннонитом Классеном, имущество всех русских меннонитов оценивалось в 276 000 000 руб.)

В 1913/14 г. в России насчитывалось 9 000 меннонитских семейств, представлявших 80 000 меннонитов. Какую часть из них составляли безземельные, какую хозяева — с точностью трудно определить. Процесс классовой дифференциации безостановочно углублялся и расширялся, охватывая все большие и большие массы. Росло число безземельных, росло число крупных хозяев; класс средних и мелких собственников рассасывался, служа источником обем основным классовым группировкам. В 60-х годах XIX в. безземельные представляли приблизительно $\frac{2}{3}$ меннонитского населения. Предположив, что количество безземельных застыло на уровне 60-х годов (что является явным преуменьшением), мы найдем, что в таком случае число безземельных семейств в 1914 г. составляло 6 000. По некоторым сведениям (очевидно весьма преувеличенным), каждое безземельное семейство в среднем владело имуществом, ценностью в 1 000 руб. Исходя из этих данных, мы получаем: на одной стороне — массу безземельного населения, владеющую имуществом ценностью в 6 000 000 руб., на другой стороне мы имеем численно вдвое меньшую массу хозяев, владеющую имуществом, ценностью в 270 000 000 руб. Если стоимость имущества семьи безземельного принять за 1 000 руб. (допуская несомненное преувеличение), то стоимость имущества семьи хозяина соответственно выразится в сумме 90 000 руб., иными словами в 90 раз большей.

Приведенные здесь цифры доказывают, что пресловутое меннонитское «братство» не что иное как миф.

Мы наблюдали концентрацию в лагере зажиточных меннонитов значительных накоплений. Само собою разумеется — эти накопления не лежали мертвым грузом в сундуках меннонитских хозяев. Раз приобретенные, они вновь пускались в дело. В первую очередь они расходовались на приобретение новых средств производства, главным образом земли. В 1841 г. общая площадь меннонитского землевладения (и надельная и пенадельная) включала в себя приблизительно 220 000 десятин. По подсчетам С. Д. Бондаря к 1916 г. в меннонитском владении находилось 1 000 000 гектар земли. Мы имеем рост земельной собственности за 50 лет на 348%, в среднем это увеличение составляет около 7% в год. Иначе говоря, темпы возросли по сравнению с первым 25-летием более чем в 5 раз.

Рост меннонитского землевладения пошел по двум направлениям. С одной стороны, наблюдалось пополнение кадров меннонитов-хозяев из числа безземельных. Меннонитам — торговцам и ремесленникам, не имевшим наделов, просто безземельным, удалось использовать общественные и некоторые личные капиталы для приобретения участков в 65 и 32,5 гектара. Классовые взаимоотношения внутри колоний, основанные на их капиталистическом

развитии, достигали такой степени остроты, что меннонитским хозяевам пришлось поступиться частью общественных капиталов. Общественные капиталы в значительной части (однако далеко не полностью) были израсходованы для удовлетворения земель некоторой группы безземельных. Безземельные меннониты Хортицкого округа на личные и общественные средства приобрели в течение 45 лет (1868 — 1913 гг.) 70 000 с небольшим гектар.)

Безземельные Молочанского меннонитского округа за срок в 29 лет приобрели во владение около 90 000 гектар. Кроме того довольно значительные площади находились у безземельных под арендой. Это — с одной стороны. С другой стороны, внутри самого класса землевладельцев шел процесс передвижения меннонитов-хозяев из категории мелких и средних в категории средних и крупных. В количественном отношении меннонитские земли сравнялись с крупнейшими русскими помещичьими владениями. Так, в Самарской губернии имелись два меннонитских поместья, площадью каждое свыше 3 000 гектар, одно поместье — величиной в 1 500 гектар, семь поместий размером по 1 000 гектар и 43 «мелких» имения, из которых самые маленькие насчитывали по 100 гектар. Однако самое крупное землевладение сосредоточилось в Молочанском меннонитском округе, с самого начала выделявшемся своей зажиточностью. В нем находилось два имения, каждое площадью свыше 10 000 гектар, одно охватывало 15 000 гектар, другое 7 000, третье 6 800 гектар, четыре от 4 000 до 4 500 гектар, одиннадцать от 2 000 до 3 000 гектар, другие одиннадцать от 1 500 до 1 800 гектар, шестнадцать и 1 000 до 1 400 гектар, двадцать девять от 500 до 1 000 гектар и сто двадцать шесть от 100 до 500 гектар.

Использование капиталов шло также по промышленной линии. Еще в 1841 г. мастерские составляли около $\frac{1}{4}$ населения Молочанского меннонитского округа в около $\frac{1}{4}$ населения Хортицкого округа, причем многие мастерские представляли собой не маленькие кустарные заведения с 1 — 2 рабочими, а довольно солидные производства. Пролуция их состояла из крупных сельскохозяйственных машин, требовавших для своего изготовления применения множества рабочих рук. Мастерские изготовляли маслобойные снаряды, шелкомотальни, молотилки, буккера, фуры, бороны, плуги и многое другое. Уже в 1851 г. мастерские Молочанского меннонитского округа произвели на 34 638 руб. сельскохозяйственных орудий. В 1868 г. в этом округе находилось до 3 300 с лишним ремесленников, из которых 491 человек представляли собой квалифицированную силу (портные, столяры, токари, слесари, кузнецы и т. д.). Всего ими было произведено за 1867 г. изделий на 150 978 руб., из них сельскохозяйственных принадлежностей на сумму в 99 277 руб. По сравнению с 1851 г. мы имеем рост сельскохозяйственной продукции почти на 300%. По мере своего развития крупнейшие меннонитские мастерские разрастались в фабрики. Так, в 1883 г. в колонии Елисау Малышенского меннонитского округа

итского округа возникла ремонтная мастерская земледельческих принадлежностей бр. Эпп. Повышая через эксплуатацию ремесленников доходность мастерской, бр. Эпп к 1893 г. получили уже материальную возможность не ремонтировать только, но и производить. Предметом производства явились главным образом разбросные саяки и конные молотилки. Прошло еще некоторое время, и местный рынок для поглощения всей продукции мастерской сделался слишком узок. Избыточная продукция стала сбываться в Орловскую, Пензенскую, Курскую, Саратовскую и другие губернии. Если сравнить продукцию мастерской по веялкам за десятилетие с 1893 по 1903 г. с ее продукцией по веялкам еж за следующее десятилетие (с 1903 по 1913 г.), то прирост продукции выражается в цифре 270%.

Мастерская по ремонту сельскохозяйственного инвентаря перешла в фабрику сельскохозяйственных орудий.

История фабрики бр. Эпп — история огромного большинства промышленных предприятий меннонитов. Число заводов росло. К 1831 г. в Молочанском меннонитском округе существовало 7 черепичных и 18 кирпичных заводов. Через 15 лет в этом же округе черепичных заводов было уже 11, а кирпичных — 29. Помимо этих заводов здесь имелись: 1 винокурный завод, 2 пивоваренных, 2 сукновальных, 2 гончарных, 5 для выжигания извести, 14 красильных, 37 шелкомотальных, 4 укусных и 1 железолитейный. Всего по Молочанскому меннонитскому округу насчитывалось 108 заводов. К этому следует еще прибавить 105 конных мельниц, 54 ветряных, 5 водных и 17 крупомольных.

В меннонитских колониях образовался класс промышленных капиталистов. Это впрочем еще не был крупный промышленный капитал. Дух кустарничества, унаследованный от мастерских, еще во многом господствовал в промышленности. Довольно большая часть заводов в сущности не были заводами в нашем понимании этого слова. Они скорее являлись мануфактурами, находящимися на последней ступени своего развития. Продукция их даже по тому времени не была особенно велика. Она выразилась за 1866 г. в сумме 50 000 руб.

Зато в 1914 г. имелся уже ряд крупных промышленных предприятий, металлургических и машиностроительных заводов. По данным А. Бондаря, наиболее значительными из них были: 1) машиностроительный завод меннонита А. Коппа в г. Александровске с ежегодным оборотом 500 000 руб.; 2) машиностроительные заводы меннонитов Леппа и Вельмана в городах Хортице, Александровске и Павлограде с ежегодным оборотом с 1 000 000 руб.; 3) промышленное объединение меннонита Нибур и К° («Товарищество для производства муки») с ежегодным оборотом в 3 000 000 руб.; 4) паровая мельница меннонита Тиссена в Екатеринославе с ежегодным оборотом в 1 500 000 руб.; 5) паровая мельница меннонита Зименса в Никополе с оборотом в 800 000 руб.; 6) паровая мельница меннонита Унгера в Бахмутском уезде с оборотом в

700 000 руб.; 7) мучная торговля Гезе в Екатеринославе с оборотом в 1 500 000 руб. и длинный ряд других предприятий.

Таким образом накануне империалистической войны в меннонитских колониях уже сложился крупный промышленный капитал. Тогда как крупный землевладельческий капитал территориально был расположен главным образом в Молочанском меннонитском округе, (крупный промышленный капитал расположился вокруг Хортицы и Екатеринослава.) В блоке с крупнейшими землевладельцами он диктовал свою волю 80-тысячной меннонитской массе, а также тысячам русских рабочих и батраков, вовлеченных в меннонитское сельское хозяйство и промышленность.

Царизм не только не подвергал меннонитов репрессиям, но, наоборот, всеми мерами покровительствовал меннонитам. Было бы однако ошибкой отрицать борьбу некоторых общественных слоев против меннонитской, да и вообще против иностранной колонизации, точнее сказать — борьбу против капиталистических тенденций колонистских хозяйств.)

Когда национальная русская буржуазия окрепла и увидела в лице меннонитской конкуренции препятствие своему дальнейшему росту, она направила свои стремления на то, чтобы задавить меннонитский капитал. В России в 60-х годах повторилось то, что произошло 100 лет назад в Пруссии, с той лишь разницей, что меннонитский капитал, получив 100-летнюю передышку, сумел ее использовать для своего укрепления, а русская буржуазия была значительно положе и слабее прусской. Движение против меннонитского капитала, с одной стороны, исходило от русской буржуазии, в первую очередь от обуржуазивавшегося дворянства. С другой стороны, росло недовольство крестьянства, изнемогавшего под бременем меннонитской кабалы. Протест крестьян был использован буржуазией и близким к ней дворянством. Буржуазия воспещила объявить себя «защитником русской национальности и православной веры», якобы угнетаемой в лице крестьянства. Выставляя себя защитником крестьян от «немецкой» эксплуатации, она отводила классовое негодование крестьян от себя в антименнонитское русло.

Особого напряжения борьба достигла в период после 60-х годов. «Немецкие колонисты, — заявляло Екатеринославское земство (имеются в виду меннониты. — Ал. К.), — с каждым годом все более и более скупают помещичьи земли и, окружая своими владениями русские села, ставят последние часто в истинно безвыходное положение. Немцы, не только мелкие, но и самые крупные, собственники 4—5 тыс. десятин, не сдают своих земель в аренду русскому населению ни с колны, ни за деньги, почему крестьянам, окруженным немецкой землею, остается одно: или искать переселения, или из самостоятельных хозяев сделаться бездомными батраками у тех же немцев. Бывали случаи, что при помощи банкирских крестьяне приторговывали земли у помещиков; но колонисты, пользовавшиеся долгое время большими льготами и составившие

через то значительные капиталы, прибавляли по 10 или 15 руб. на десятину; крестьянская сделка расстраивалась, и земля оставалась за немцами... поэтому собрание полагало бы необходимым возбудить ходатайство о воспрещении колонистам дальнейших покупок земли в нашем уезде... или по крайней мере об ограничении таких покупок известными размерами» (выписка из журнала екатеринославского уездного земского собрания от 11 октября 1888 г., см. «Русский вестник», 1890 г., стр. 163 — 164). В этом заявлении есть значительная доля правды. Под влиянием роста меннонитского землевладения окружающим крестьянам приходилось все тяжелее. Конечно влияние русского помещичьего землевладения на положение крестьян было не лучше. Приводимое заявление — попытка обуржуазившегося дворянства максимировать за защитой крестьянских интересов свои собственные. Сущность антименнонитской кампании заключалась в том, что русское капиталистическое землевладение пыталось использовать недовольство крестьян, чтобы с помощью этого недовольства отвоевать у меннонитских хозяев моновольное право на эксплуатацию этих же крестьян.

Так как борьба не приносила видимых результатов, то буржуазия решилась выступить с открытым забралом. Екатеринославское дворянство в 90-х годах прошлого столетия подало заявление, в котором требовало от правительства срочных законодательных мер против колонистов. Против иностранных поселенцев, особенно против меннонитов, издавалась литература, исполненная доганеньких религиозно-шовинистических настроений. Примером может служить А. Велицын, сочинивший специальное «исследование» с громкой кличкой «Немцы в России». Он писал: «То, что происходит на юге, есть форменное завоевание со всеми его характеристическими свойствами. Поэтому и в борьбе с ними (с немцами) неуместны никакие соображения кроме самозащиты. На нападение нужно отвечать открытым, столь же энергичным, на иноплеменное нашествие надо отвечать рядом мер, которые могли бы положить ему действительный, не фиктивный только, предел» (А. Велицын — «Немцы в России», стр. 32, 1893 г.). «Меннониты, — пишет он же, — оказывают самое зловерное влияние на духовно-нравственный мир нашего православного люда» (там же, стр. 210).

Кампания русской буржуазии имела некоторые, хотя небольшие результаты. Правительство перестало в дальнейшем предоставлять меннонитскому капиталу особые привилегии. Однако никаких специальных ограничительных мер правительство не предприняло. В этом отношении кампания буржуазии успехом не увенчалась. Правительство видело в меннонитах крупную социальную силу. Оно видело в них свой реальный оплот и не стало на путь ссор с меннонитскими капиталистами.

Меннонитские колонии находились во взаимодействии с русскими хозяйствами. Крепостнические отношения, существовавшие

в России, мешали меннонитским капиталистам пожалуй еще больше, чем русским. Отсюда стремление меннонитов искусственно сократить свои связи с русским хозяйством, переключить все внимание на максимальное развертывание внутренних хозяйственных возможностей колоний. В этом заключаются причины той «обособленности», «отчужденности», «замкнутости», меннонитских колоний, о которой писали Клаусс и многие другие. Эта изолированность нашла свое отражение в религиозно-бытовой сфере. Религиозное законодательство меннонитов воспрещало близкие сношения с меннонитской средой; под страхом отлучения от меннонитства оно воспретило смешанные браки меннонитов с «иноверными». Самую систему капиталистического землевладения меннонитские вожаки, как мы видели, также объявили «самым тесным образом связанной с религиозными воззрениями», основанной на них и т. д.

Общая картина развития меннонитских колоний позволяет нам определить меннонитские общины как капиталистические организации в первую очередь; религиозными они являлись в той мере, в какой способствовали укреплению капитализма, и не больше.

КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ В МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЯХ.

Меннонитская система землевладения родила класс крупных землевладельцев и класс безземельных. Этим она отчетливо выявила свою капиталистическую сущность. Безземельные составляли большинство, но никакими правами не пользовались. (Согласно меннонитским правилам только хозяева 65-гектарных участков в пользовались правами: как-то правом участия на сходе, правом голоса, правом быть избранным в самоуправленческий аппарат. Естественно, что составленные подобным образом сходы принимали решение в интересах хозяев. Так, в самом начале своего существования сходы приняли решение, по которому все налоги, сборы, долговые обязательства, причитавшиеся с колоний, раскладывались поровну между всеми колонистами. На деле это приводило к тому, что безземельный, имевший многочисленную семью, платил больше налогов, чем малосемейный хозяин. Безземельные выплачивали в 1841 г. $\frac{2}{3}$ всей суммы долговых обязательств, не считая тех податей, которыми хозяева под видом всяких общественных нужд облагали безземельных в свою пользу. Ко всему этому хозяева, связанные перед правительством круговой порукой с безземельными, выносили на сходах решения, направленные к обеспечению своевременной уплаты безземельными налогов. На неплательщиков накладывалась пеня. Их жалкое имущество продавалось с торгов. Эти решения вконец разоряли безземельных)

Среди батрацких масс возникали стихийные, неоформленные, в некоторой степени бунтарские настроения. Создавшееся положение начинало угрожать дальнейшему капиталистическому благополучию колоний. Правительство реагировало на это тем, что разрешило дробить меннонитские 65-гектарные наделы на 2 и 4 части, а также прирезало меннонитам новую земельную площадь, предложив в кратчайший срок использовать все земельные резервы для размещения безземельных. Но меннонитские землевладельцы приняли меры правительства в штыки. Меннониты-хозяева не соглашались перейти к дроблению своих хозяйств. Сорок лет

спустя после правительственного решения ни один хозяйский двор не был еще разделен. Что же касается запасных земель, то сходы постановили выделить земельные участки только тем безземельным, которые смогли бы израсходовать на их хозяйственные устройства от 2 до 3 тысяч рублей. Поставленные хозяевами условия были издевательством над безземельными. Лишь несколько человек — наследники наиболее богатых меннонитов-хозяев — получили возможность приобрести участки. Таким образом земли оставались незаселенными, а население оставалось безземельным. И все это от того, что резервные земли доставляли хозяевам выгоды. Вот что говорит об этом чиновник царского правительства по делам колоний А. Клаусс: «... в общественное владение округа (речь идет о Молочанском меннонитском округе. — *Ал. К.*) сверх надела по 65 десятин на семейство отведено до 7 950 десятин так называемой неудобной земли. Этими угодьями, из которых наберется действительно неудобных не более 2 500 десятин, пользовались исключительно одни хозяева, даже вопреки положительному закону. Наконец все доходы, извлекаемые по преимуществу из запасных земель, составляющих принадлежность безземельных, а не хозяев, обращались последними на такие общественные нужды, которые надлежало бы удовлетворить... главнейшие из собственных средств хозяев» (А. Клаусс — «Наши колонии», стр. 186).

(Таким образом меннонитское землевладение упорно и настойчиво сохраняло несзыблемость своих капиталистических интересов.)

В противовес правительственным предложениям крупное меннонитское землевладение в лице своего идеолога Иоанна Корниса выдвинуло собственный проект устройства участи безземельных. Корнис долгое время (20-е — 40-е годы XIX в.) возглавлял меннонитов Молочанского округа и пользовался громадным авторитетом в меннонитской хозяйской среде. Это и понятно. Владелец крупного хозяйства, богатей, он был выразителем ее мнений и настроений. Владение Корниса заключало в себе 5 864 десятины земли, его годовой доход составлял сумму 60 000 рублей. Дом Корниса посетили Александр I и Александр II, — неслыханная милость в те времена. Министр государственных имуществ граф Киселев, Новороссийский генерал-губернатор князь Воронцов и многие им подобные были постоянными гостями Корниса. Все это в достаточной степени характеризует его личность, которую и в настоящее время меннонитские проповедники превозносят, как второго Менно. Корнис предложил создать специальную колонию для безземельных меннонитов, наделив их небольшим количеством земли, с тем неперемennым условием, чтобы безземельные занялись в ней ремесленно-торговой деятельностью. Наиболее удобным местом для основания подобной колонии была признана земледельческая колония Гальштатт. Под нажимом правительства

гальбштадтские меннониты-землевладельцы согласились уступить для новой колонии 800 десятин земли с тем, чтобы им эти 800 десятин возместили другими, на близ расположенной земле. Правительство на это пошло. Хозяева получили прекрасный земельный участок в 800 десятин, граничивший с Гальбштадской колонией. Но, получив новую землю, своих 800 десятин хозяева не уступили. По мере переселения безземельных они согласились выдавать им по 3 десятины на каждое семейство. Пользуясь тем, что качество земли нигде не было регламентировано, хозяева захватили трехдесятинные участки на сухой, возвышенной, совершенно непригодной для обработки почве. На подобных условиях безземельные в колонию не пошли. В результате в выигрыше оказалась гальбштадтские землевладельцы, которым фактически удалось увеличить на 100% свою земельную собственность.

Итак проблема безземелья решена не была; между тем процесс классового расслоения углублялся. В 1851 г. в услужении хозяев Молочанского меннонитского округа находилось 1 374 постоянных батраков как из безземельных меннонитов, так и из окрестного населения. Из названного числа меннонитов было 727 человек, остальные были окрестными жителями. В приведенные цифры не входит число поденных работников. Их количество в период с марта по октябрь (полевые работы) ежегодно превышало число постоянных батраков. Появились в меннонитской среде и зачатки рабочего класса. Это были рабочие 25 меннонитских заводов, а также рабочие меннонитских мастерских. Через 10 лет, в 1861 г., меннонитские хозяева этого же округа имели уже 1 658 постоянных батраков, из них меннонитов 908. В мастерских трудилось 820 наемных рабочих-меннонитов. К этому следует прибавить пролетариев-меннонитов в меннонитской промышленности, из которой в одном Молочанском округе было сосредоточено 181 мельница и 108 заводов.

Хозяева пытались отдельными уступками разложить классовый фронт безземельных. Они постановили в некоторых случаях допустить дробление 65-гектарных участков между наследниками, но не более чем на 2, в исключительных случаях на 4 части. Кроме того незначительная площадь запасных земель была распределена между частью безземельных семейств. (В 1867 г. в Хортицком, Мариупольском и Молочанском меннонитских округах на 1 715 семейств полных хозяев (владельцев 65-гектарных участков) приходилось только 681 семейство половинных хозяев (владельцев мелких участков по 32,5 гектара). В том же 1867 г. во всех трех округах насчитывалось 51 семейство четвертых хозяев (владельцев мелких участков 16¼ гектара). Так или иначе в итоге этих уступок меннонитское общество пополнилось новой общественной группой — группой мелких землевладельцев, сосредоточивших к 1867 г. в своих руках до 23 000 гектар земли, что составляет около 16% всей наделенной площади. Частные владения здесь не приняты в соображение.)

Наконец образовался также слой малоусадебников *Anwohner'ов*. Он появился в результате хозяйской подачи безземельным, состоявшейся в том же 1867 г. в размере 13 500 гектар земли. Земля эта была распределена так: часть безземельных получила полугектарные дворы (996 семейств), часть (1 304 семейства) получила полугектарные дворы и к ним 12-гектарные полевые наделы.

Появление этих классовых группировок несколько изменило соотношение классовых сил в секте. С одной стороны, численно возрос класс хозяев в лице мелконадельных хозяев, с другой стороны, в классе безземельных образовался правый фланг — *Anwohner'ы*.

Итак хозяева пошли на уступки. Внешне казалось, что под напором классового возмущения безземельных хозяев вынуждены были отступить. На деле это отступление представляло хозяевам возможность более стремительного наступления. Воспользовавшись вновь созданным слоем *Anwohner'ов* как буфером, ослаблявшим классовую борьбу, хозяева начали с того, что объявили всех недовольных решениями сходов (а решения были насквозь эксплуататорскими) не болес, не менее как «бунтовщиками». К «бунтовщикам» немедленно стали применяться как меры экономических репрессий, так и меры административно-полицейские. Выразивших недовольство батраков хозяева лишали работы, вербуя себе новую рабочую силу из окрестного украинского населения; безземельные десятками изгонялись из колоний. В своей борьбе с безземельными старшины не останавливались перед применением дарованного правительством права всякого рода преступников «употреблять в общественные работы в колодке или рогатке, а по окончании работы сажать иногда на ночь в тюрьму» («Устав о колониях», ст. 391 — 484). Однако всего чаще старшины прибегали к крупным денежным штрафам. Не говоря уже о безземельных, репрессиям и притеснениям подвергались также и *Anwohner'ы*.

Атмосфера классового недовольства все больше сгущалась в меннонитской среде. В результате упорных просьб безземельных к правительству о помощи в Молочанский округ прибыл для ознакомления с положением правительственный представитель. Безземельные детально ознакомили его со своим хозяйственным и правовым положением и просили содействия. Хозяева выразили согласие только на следующее: вносить в фонд приобретения земли для безземельных по 10 коп. с гектара ежегодно.

14 февраля 1866 г. правительство предложило меннонитскому самоуправлению использовать для наделения маломужских меннонитов все запасные земли, причем подчеркивалось, что при распределении земель все преимущества перед безземельными имеют *Anwohner'ы*. Последние получали также все требуемые ими права: могли участвовать в сходах, быть выбранными в органы самоуправления и т. п. Безземельные не получали ничего.

Правительство не ошиблось в своей ставке на малоусадебни-

ков как на опору хозяев. Получившие некоторую земельную собственность и небольшие права Anwohner'ы стремились сами стать хозяевами и потому поддерживали верхи меннонитского общества в их борьбе с безземельными.

В результате безземельные убедились, что ни на хозяев, ни на Anwohner'ов им рассчитывать нечего.

Выход оставался один—революционная борьба безземельных с хозяевами. Но тут проявилась вся сила религиозных традиций. Религиозные представления меннонитов, в первую очередь отказ от насильственных действий, закрывали для масс революционный выход. Дальнейшая классовая борьба пошла по линии религиозной идеологии. Можно сказать, что ни в одной секте, возникшей на почве реформации, классовые противоречия не нашли такого яркого выражения в области религии, как это было в секте меннонитов. Борьба многочисленных религиозных групп, группок, фракций — под этим знаком проходит вся религиозная жизнь меннонитских колоний. Чем дальше шло капиталистическое развитие колоний, тем эта борьба становилась все ожесточенней, все упорней. Конечно эта борьба в области религии ни к каким реальным результатам привести не могла.

Классовые противоречия разрешены не были. Наоборот, каждый год капиталистического существования колоний эти отношения обострял и запутывал. Тем не менее меннонитский пролетариат и трудовое крестьянство на путь насильственного свержения власти хозяев не вступали. Оппозиционные настроения возростали, но глухие религией они не перерастали в революционное действие. В этом особенность развития классовых противоречий среди меннонитского общества.

РЕЛИГИОЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.

Поведение меннонита было строго регламентировано учением Менно. Духовные старшины и проповедники пристально следили за выполнением меннонитами правил религиозного законодательства в повседневной жизни. Не говоря уже о специально религиозных вопросах, решения сходов, даже нося чисто хозяйственный или общественный характер, неизбежно облекались в религиозную форму, непременно выводились из основных положений меннонитства и в ряде случаев даже сопровождалась ссылкой на «священное писание»). С внешней стороны в меннонитском обществе религиозное мировоззрение якобы господствовало над всеми вопросами политического, морального, семейно-бытового устройства. В идеологическом отношении меннонитские массы питались исключительно одной религией. Весь окружающий мир воспринимался ими сквозь религиозную призму. Поэтому классовая борьба в меннонитских колониях должна была найти свое внешнее выражение в религиозной борьбе; классовые цели меннонитской бедноты вставали перед ней как цели религиозные.

Хозяева, учитывая влияние религии на меннонитские массы, проводили свои классовые решения от лица меннонитского духовенства. Этим самым эти решения облеклись в форму религиозных законов. Их не мог ослушаться меннонит: отступнику угрожало немедленное отлучение. Для отлученного рушились все общественные связи с окружающими меннонитами: общественная поддержка, материальная взаимопомощь, широко практиковавшаяся среди безземельных. По меннонитским законам ни один меннонит не мог не только оказать содействие отлученному, но даже заговорить с ним. Ко всему этому «отступник» лишался колонистского звания, с которым все же были связаны немаловажные привилегии. На первых порах никто из меннонитов и не помышлял выступать против религии.

В дальнейшем, по мере обострения классовых отношений классовой борьбой, этот процесс не замедлил отразиться и в области религии, приняв формы бурных религиозных движений.

Только в религиозной области безземельные и Anwohner'y сохранили некоторые права. Они пользовались правом обсуждать на приходском собрании те или иные религиозные мероприятия. Без предварительного обсуждения общиной не приобретал силы ни один религиозный закон, ни одно решение.

Чтобы окончательно утвердить свое господство, хозяевам нужен был крепкий централизованный церковный аппарат, постановления которого были бы обязательны как для каждого меннонита, так и для целых общин без предварительного обсуждения их приходами. Правда, создание подобного аппарата противоречило основным установкам меннонитства. Но задачам данного этапа капиталистического развития колоний децентрализованный церковный аппарат уже не соответствовал ни в каком смысле. Он должен был быть отброшен и был отброшен. Очередной съезд духовных старшин и проповедников Молочанского меннонитского округа (такие съезды время от времени собирались для разработки отдельных религиозных проблем и носили, по крайней мере внешне, совещательный характер), состоявшийся в апреле 1851 г., объявил себя «церковным конвентом» и сосредоточил в своих руках верховную законодательную власть в вопросах религиозной жизни, а значит фактически в вопросах общественно-экономического порядка. Это мероприятие хозяевам было тем легче осуществить, что духовные старшины и проповедники принадлежали, без исключения, к классу хозяев. Еще раз меннонитство показало себя как верное орудие в руках хозяев-капиталистов.

Апрельским актом 1851 г. могущество меннонитского духовенства закреплялось на высшей точке. Меннонитские массы узнали в своих духовных старшинах и проповедниках того же ненавистного хозяина. Последняя надежда масс оборвалась. «Вы изменили своим традициям», «вы отступили от учения Менно», «назад к старой вере, назад к Менно, к истине», — эти лозунги стали наиболее популярными в меннонитских массах. В ответ на преследования со стороны хозяев идеологи нового движения неизменно отвечали, что не они, а хозяева отступали от меннонитства. В своем донесении инспектору южных колоний России от 11 сентября 1862 г. Хортицкое волостное правление совместно с духовными старшинами сообщало, что когда волостное правление спросило у «отступников», готовы ли они выйти из меннонитства, последние ответили, что они «вовсе не сектанты, а настоящие меннониты, желающие восстановить в своей первоначальной чистоте учение Симона Менно... окончательно-де извращенное».

В движение стали приходиться значительнейшие слои безземельных и Anwohner'ов. Многолетние устои меннонитства заколебались. Воскресли некоторые отдельные моменты из вероисповедания первых меннонитов эпохи мюнстерской катастрофы. Вместе с тем в процессе борьбы меннонитские массы вырабатывали собственную религиозную систему. Эта система целиком определялась

все совокупностью условий, которые составляли жизнь меннонитского общества. Объективные причины, вызвавшие к жизни религиозные движения, созрели в лице противоречий капиталистического развития меннонитских хозяйств. Роль субъективного фактора сыграла была «церковным конвентом» в апреле 1851 года. Эксплуатация, голод, болезни, постоянная угроза быть выброшенным на улицу и погибнуть голодной смертью, наконец, открытое предательство церкви, с которой у меннонитов связывались последние надежды,— все это привело к разрыву трудящихся меннонитов с церковью, к созданию соответственных религиозных организаций.

Отдельные меннониты перешли в адвентистскую секту. Адвентистское вероучение с его хилиастическими ожиданиями отвечало настроениям некоторой части меннонитской бедноты. Большая же часть меннонитской массы резко отвернулась от окружающей действительности. Внешний мир был объявлен сплошным очагом греха. «Голос внутреннего откровения», «обновление сердца», «побуждение совести», «просветление души» и т. д.— в таком направлении развивалась идеология меннонитской бедноты и мелких собственников. Поэтому, когда один из лютеранских пасторов, некий Эдуард Вюст, выступил с пламенной проповедью самоусовершенствования, с проповедью «пробуждения», «обращения», «возрождения», то вокруг него быстро сгруппировалось множество меннонитского и лютеранского населения всех вообще немецких колоний юга. Вюст наилучшим образом сумел выразить настроения угнетенной массы; он не замедлил сделаться ее вождем. Популярность Вюста среди меннонитов росла необычайно быстро.

Особое распространение среди меннонитов вюстизма получило в 50-х годах. К этому времени значительные массы Anwohner'ов и безземельных были охвачены вюстовскими идеями. 10 наиболее населенных меннонитских колоний (Гнаденфельд, Рундервейде, Зиндлаге и др.) сделались подлинными очагами вюстизма. Идеология вюстизма считала богатство грехом. Мысль о бренности земного существования, о земной жизни — стержень учения Вюста. Характерно, что в целом ряде документов, относящихся к 50—60-м годам, всюду подчеркивается пренебрежительное, невнимательное отношение вюстцев к своему хозяину. «Они (вюстовцы.—Ал. К.), несмотря ни на какие запрещения, пренебрегая даже своими хозяевами (подчеркнуто нами.—Ал. К.), весьма ревностно старались о распространении своего лжеучения» (рапорт Хортццкого волостного правления и духовных старшин попечительному комитету 18 июня 1862 г.). «Нашу церковь он (Петр Берг, вюстовец, впоследствии новоменнонит.—Ал. К.) называет блудницей и осуждает родного отца за то, что он препятствовал ему расточать свое имущество» (подчеркнуто нами.—Ал. К.) (цитирую по сборнику «Материалы для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во второй половине XIX ст.» Епископ Алексей. Казань 1908).... «Весьма

частыми собраниями всех его приверженцев (речь идет о Вилдере, видном востовце.—Ал. К.) он очень вредил их хозяйству. В разорении их (в хозяйственном отношении), которое при продолжении подобного образа жизни неизбежно, Вилдер теперь желал бы, пожалуй, обвинить волостное правление (так же). Все эти отрывки (их можно было бы еще продолжить) свидетельствуют о полной незаинтересованности востовцев хозяйственными делами. Разве позволяли бы какой-нибудь меннонит в начале или даже в конце 40-х годов, чтобы собрания отвлекали его от хозяйственных забот. Бессилье угнетенных перед сомкнувшим фронтом эксплуататоров заставило их обратиться к помощи сверхъестественных сил. Востовцы считали себя уже «оправданными» святыми, которым уготован рай.

Первоначально востизм откристаллизовался как движение безземельных. Впрочем в состав безземельного слоя меннонитского населения входили весьма различные общественные группы. Безземельными считались и батраки, и ремесленники, и рабочие, и фабриканты, и торговцы, и беднота.

С течением времени в востовском движении, разлившемся почти по всем меннонитским колониям, живейшее участие приняли бедняцкие массы. Другие в конце-концов отошли от востизма, и он остался религиозным движением бедноты, к которой примкнула некоторая часть забитого батрацкого населения. Подобный социальный состав определил характер, формы и цели движения. Загнанные пауперские массы, лишённые революционного руководства, были бессильны выставить сколько-нибудь оформленную социальную программу, не осознавали своих общественных целей, их требования не шли дальше борьбы за насущный кусок хлеба.

Находясь во власти религиозного кошмара, эти слои образовали в секте меннонитов своего рода подсекту «прыгунов» — Hürperger, как презрительно называло их меннонитское духовенство. «Гюпферство» с его беспорядочным культом и хаотической догматикой, с необузданными скаканиями и плясками, с шумными песнопениями, взаимным обниманием и поцелуями соответствовало хаотической, необузданной, беспорядочной, пропитанной анархизмом социальной природе пауперства. Сами себя «гюпферы» чаще всего называли «свободными», «сильными». То, чего в действительности не существовало, но чего они страстно желали, хотя и не высказывали в прямой, нерелигиозной форме, это «гюпферы» воспомнили в своих религиозных фантазиях.

Не имевшие никаких материальных ценностей, лишённые всяких перспектив к их приобретению, «гюпферы» отворачиваются от «мира», как «греха». Где победа над «грехом» — там и спасение. «Гюпферы» считали себя уже прощенными, спасёнными, святыми. В остальном их учение составляет из бессмысленного сплетения евангельских цитат и из собственных измышлений самого причудливого содержания. Если хотите, в этой бессмыслице есть свой смысл: она отражает социальную сущность пауперства, столь же

беспорядочную и бессвязную. «Гюпферство» есть социально определенное движение, а именно движение меннонитской бедноты и наиболее отсталых слоев батрацко-ремесленного населения.

Если вспыхнувшие на почве классовой борьбы религиозные движения в колониях в 50-х годах носили стихийный, неоформившийся характер, то 60-е годы являются периодом оформления, самоназначения этих движений. Прежде всего из общей стихии религиозных волнений отстраивается «гюпферство» — религиозная организация пауперской части безземельного населения. Почти одновременно возникает другая организация, называвшая себя общиной «Иерусалимских друзей». Она объединила остальную часть безземельного населения, от ремесленников и рабочих до некоторой части купечества включительно. Участие в движении «Иерусалимских друзей» приняла также небольшая группа Anwohner'ов. Хотя цели у каждой из названных групп были разные, тем не менее их религиозная платформа отличалась некоторым единством. Соответственно классовой организованности самих участников движения их религиозная программа значительно осмысленнее, чем «гюпферство» и заключает в себе более определенное социально-политическое ядро. Реальная подоплека появления организации «Иерусалимских друзей» лежит не в тех или иных догматических спорах, а в той классовой борьбе, которую батрацко-ремесленная и рабочая масса вела с фабрикантами и хозяевами. Однако «Общину иерусалимских друзей» составляли не одни рабочие, батраки и ремесленники, в ней принимали участие также некоторые группы торговцев и Anwohner'ов. Союз этот носил временный характер, торговцы и Anwohner'ы шли заодно с трудовой массой до тех пор, пока это соответствовало их экономическим интересам, пока само движение не приняло размеров, при которых оно могло угрожать классовой безопасности самих этих торговцев и Anwohner'ов.

Что же толкало эти слои на союз, хотя бы временный, с рабочими, ремесленниками, батраками? Подоплекой участия небольшой группы Anwohner'ов и торговцев в организации «Иерусалимских друзей» была конкуренция Anwohner'ов с крупными хозяевами и торгового капитала с земледельческим. Не выдерживая конкуренции, anwohner'ское население разорялось и обезземеливалось. На этом фоне часть Anwohner'ов присоединилась к борьбе батрацко-рабочего населения колоний с хозяевами. То же в основном относится к группе торговцев, пытавшейся через движение «Иерусалимских друзей» ослабить политическую и экономическую мощь крупно-землевладельческого капитала. Таким образом одни слои безземельных (рабочие, батраки) объединились в организацию «Иерусалимских друзей» под знаком борьбы с эксплуататорами, другие же Anwohner'ы — торговцы — под знаком борьбы с конкурентами. Земледельческий капитал в апрельском акте 1851 г. превратил церковь в свое орудие на фронте эксплуатации и конкуренции. Это действие хозяев было кащей, переполнившей

честву классового негодования. Батраки, ремесленники, вступили в организованную борьбу с церковью, т. е. с хозяйством, создав общину «Иерусалимских друзей».

Безземельные Ланге (Иоанн и Фридрих) обратились в 1863 г. в «церковный конвент» с заявлением, в котором высказали религиозные убеждения новой организации «Иерусалимских друзей» и их отношение к конвенту. «... Церковный конвент, стоящий в значении его, — писали они, — есть учреждение, вносящее порядок и установления меннонитского братства. Он следует по пути, который поведет наш народ все к богу, к раздорам и расстройству»...

«...К совершенной бездеятельности наших церковных советов — писали Ланге, — присоединилось еще властолюбие. Особым образом они, без согласия и помимо общины, заявили себя перенесением в качестве высшего духовного учреждения с целью руководить, управлять и судить целое братство... После перенесения себя в «церковный конвент» совет старшин занял положение независимой от общины высшей власти и в силу этого возмнил себе даже произвольно исключать из меннонитского братства таких людей, на удаление которых из своей среды грешное общество вовсе не соглашалось» (из заявления братьев Ланге в церковный конвенту, 1863 г.).

Организация «Иерусалимских друзей» выставляла идею централизации церковного аппарата. В том ли однако деле централизованный церковный аппарат в форме конвента вносил «порядок и установления меннонитского братства»? Разумеется, нет. «Иерусалимские друзья» подняли протест против окончательного превращения церкви хозяевами в орудие господства над безземельными. Anwohner'ы и торговцы присоединили свой голос к требованиям «Иерусалимских друзей». Правда, в 1861 г. Anwohner'ы и торговцы получили право голоса на общих сходах, но, с тех пор как конвент начал осуществлять свои права, он фактически стал над сходами. Если бы он решил сход, в конечном счете это решение могло быть отменено конвентом (если например такое решение шло в разрез с интересами крупных землевладельцев или духовенства). Таким образом право голоса, право участия в сходе, которых с таким упором добивались торговцы и Anwohner'ы, становилось пустой фикцией. Таким образом «Иерусалимские друзья» боролись за децентрализацию церкви вовсе не потому, что децентрализованный аппарат соответствовал «порядкам и установлениям меннонитского братства», а потому, что подобный аппарат соответствовал их классовым интересам. Также и в дальнейшем «Друзья Иерусалима» отстаивали под видом «порядков и установлений меннонитские собственные классовые цели. Но по каким же путям оформлялась религиозная идеология этой организации? Каковы ее основные идеи? На это отвечает заявление Ланге. В 1863 году руководители общины «Друзей Иерусалима» братья Ланге

в письме к правительству следующим образом развивали свое учение:

«За образец устройства нашего общества мы принимаем христианскую общину, как она описана в гл. гл. 12, 13 и 14 первого послания коринфянам... Мы имеем публичные собрания, в которых избранное общество и освященные духом лица произносят проповеди... Дети, согласно послания коринфянам 7, 14, по рождению принадлежат обществу... Уход за больными, согласно деяниям апостолов 5, 14 — 18, лежит на собственной обязанности старейшин общества... Воспитание детей составляет, по нашему убеждению, важнейшую потребность общества. Для этого существует при нашем обществе учебное заведение...» Такова в основном декларация братьев Ланге. В этой своей части она носит достаточно ясный характер, на первый взгляд лишена внутренней логической связи и как будто безразлична к производственному положению «Иерусалимских друзей». Однако это только на первый взгляд».

«Наиболее возвышенные идеологии, — писал Энгельс, — т. е. всего более удаляющиеся от экономической основы, принимают форму философии и религии. Здесь связь представлений с материальными условиями человеческой жизни еще более запутывается, еще более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует». Через всю религиозную догматику «Иерусалимских друзей» проходит несколько стержневых идей, имеющих реальную подоплеку.

Производственное положение батраков и рабочих порождает среди них определенную социально-политическую направленность. Она характеризуется своим интернационализмом, общественной взаимопомощью, коллективностью интересов. Все эти тенденции мы находим в религиозном вероучении «Иерусалимских друзей». Братья Ланге в своих заявлениях постоянно говорят о том, что нужно все «человечество соединить в единое стадо», «призвать в это царство все народы», «мы не можем и не вправе ограничивать честную, богоугодную жизнь лишь тесным кругом наших семейств», «славное, блаженное состояние на земле должно охватывать не отдельные лишь личности, но все человечество», необходимо создать «центральное святилище» и т. д. Братья Ланге говорят о первой христианской общине как образце общественного устройства. При этом они ссылаются на 12, 13, 14 ст. I посл. кор.

«Члены тела, которые нам кажутся наислабейшими, гораздо нужнее; те, которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения... Бог соразмерил тело, внушив менее совершенным большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему страдает ли один член, страдают все члены, славится ли один член, с ним радуются все члены» и т. д. (1 посл. коринф. гл. 12, ст. 22, 23, 24, 25, 26).

Конечно это не социалистическая теория. Всеобщее равенство, за которое борются Ланге,—типичнейшая мелкобуржуазная идея. Христианский «коммунизм»—самая анемичная, не реальная форма коммунизма, а в конечном счете она эксплуататорам не страшна. Но на том уровне классового развития пролетарских и полупролетарских элементов эта проповедь была прогрессивной. Это был большой шаг вперед.

Совершенно очевидно, что батракам и рабочим, проклинавшим устройство колоний с его рабством, нищенством и эксплуатацией, страстно хотелось уйти от действительности. Они были горячими «Дрязьями Иерусалима», с которым у них ассоциировалось понятие земного рая, и яркими врагами колоний всяческих капиталистических Эйлага, Гнаденфельд, Рундервейде и т. п.

Ланге много места уделяет пророчествам и пророкам. «Нашими вернейшими руководителями могут и должны служить апостолы и порорки», «всем временам, не исключая и нынешних, дана возможность... обретать в среде общин апостолов и пророков, с властью творить чудеса и исцелять больных»... Это обращение к «апостолам» и «пророкам» характерно. В обстановке анархии общественного производства, которая «на каждом шагу жизни пролетария... грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в чапуера, в проститутку, голодную смерть»... (Ленин), в обстановке, когда нельзя предвидеть, что день грядущий нам готовит, дар предсказания, дар пророчества котируется очень высоко.

К той части учения, где идет речь о децентрализованной церкви, торговцы и Anwohner'ы вполне могли присоединиться. К той части, где речь идет о пророчествах и пророках, они тоже могли присоединиться, ибо анархия капиталистического производства распространяется и на них. Сами Anwohner'ы и торговцы целиком зависят от этой стихии.

Организация «Иерусалимских друзей» многим отличается от «гюпферства». Основное различие лежит в движущих силах этих движений. Тогда как первая в основном была организацией меннонитского пролетариата и батрачества, вторая была организацией меннонитской деклассированной бедноты.

«Гюпферство» и движение «Иерусалимских друзей» развились в пределах Хортицкого и Молочанского меннонитских округов. Поскольку Молочанский округ находился на несколько высшей ступени капиталистического развития, он сделался наиболее крупным очагом религиозных волнений.

Несколько иначе обстояло дело в поволжских колониях меннонитов. Эти колонии были наиболее молодыми, они основаны были в 1861 г. в Ново-Узинском уезде Самарской губ. Классовые противоречия не приобрели еще в поволжских меннонитских колониях такого яркого характера, как это имело место в этот период в Хортице, а особенно на Молочье. Соответственно этому религиозные движения проявляются в доволжских колониях в бо-

лее позднюю эпоху. Явлений, аналогичных «гюпферству», в поволжских меннонитских колониях не наблюдалось, если не считать случаев, когда отдельные меннониты присоединялись к родственной «гюпферской» секте «Новых братьев и сестер», возникшей в начале 60-х годов среди лютеранского немецкого населения Поволжья.

К началу 80-х годов положение в меннонитских поволжских колониях меняется. В 1897 г. число безземельных уже превышало здесь одну пятую часть населения колоний, достигнув цифры в 22,1%. На почве разорения мелких хозяйств и увеличения числа безземельных в первой половине 80-х годов в меннонитских колониях Поволжья возникают религиозные брожения.

Появляется «Община братьев-меннонитов», которая откалывается от официальной меннонитской церкви и вступает в борьбу с ней. «Община братьев-меннонитов» — это те же «Иерусалимские друзья», но в условиях капиталистического развития поволжского меннонитства. Новое в «Общине братьев-меннонитов», это — ряд идей адвентистского характера. До известной степени «Общину братьев-меннонитов» можно рассматривать как предтечу адвентизма в России. Содержание религиозного мировоззрения «общины» в основном исчерпывается тремя идеями: 1) наступлением в ближайшие сроки «второго пришествия» Христа, 2) наступлением тысячелетнего царства, 3) верой, что пришествие произойдет на востоке, в Туркестане. Во главе секты стоял некий Клаас Эпп.

В сознании собственного бессилия сломить эксплуататорский режим бедняцкие массы в своих фантазиях начертали образы «второго пришествия» и «тысячелетнего царства». Чем тяжелей становилось их положение, тем крепче становилась вера, тем больше она складывалась в неоспоримое убеждение, что Христос должен явиться, должен спасти. Но так как на месте спасения не приходило, то несчастные массы попытались убежать из окружавшего их мира лишений, эксплуатации. Насколько тяжело было положение, настолько велика была сила идеи. Терять кроме своего рабства этим массам было нечего. Невзирая на огромные трудности, с которыми связано было путешествие из Поволжья в Туркестан в начале 80-х годов, огромная толпа меннонитов, которая составляла до 25% общего населения Малышинского (Кементальского) округа, с Эппом во главе отправилась в «прославленную обитель». Пришествия, разумеется, не произошло. Выселившиеся бедняки, растеряв последние пожитки и силы, расположились близ города Аулие-Ата (Казахстан), где основали впоследствии 7 колоний.

Из более мелких разновидностей внутрименнонитского сектантства следует еще остановиться на общине «Братьев Петерса». Община «Братьев Петерса» (по имени Германа Петерса) возникла в Молочанской округе, в колонии Гнаденфельд. Колония Гнаденфельд с самого начала выделялась из среды других наибольшей организованностью и крепостью населявших ее капиталистов.

Она была цитаделью меннонитского капитала. Классовые противоречия должны были разгореться в ней с особенной яркостью, а классовая борьба в религиозной оболочке развивалась в Гнаденфельде, пожалуй, ярче всего. Из Гнаденфельдской колонии берет свое начало и община «Братьев Петерса». Как и «гюпферы», «Братья Петерса» отвергали внешний мир. Чтение газет, посещение школ считалось «грехом». Нескромная одежда, какие-либо украшения: ленты, цепочки, брошки, — все это считалось мирским и поэтому греховным. Однако в отличие от «гюпферов» община «Братьев Петерса» не ограничилась пассивным погружением в свое собственное «я». В поисках лучшего мира они отправились на восток, но частью рассеялись в Крыму, частью же обосновались в Сибири.

Таковы были религиозные течения, возникшие в секте меннонитов. Как видим, классовой борьбы в форме восстаний, демонстраций, стачек и т. д. в колониях меннонитов не происходило. Меннонитским проповедникам конечно очень бы хотелось, особенно в настоящее время, на основании этого объявить, что меннонитская секта вообще не знала ни классовых противоречий, ни классовой борьбы. Однако, если классовые противоречия не проявляются в революционных формах, это еще не значит, что их нет. Если же, пользуясь методом исторического материализма, взглядеться в движения «гюпферов», «Друзей Иерусалима», «Братьев-меннонитов» и т. д., в них можно увидеть не только движения «отступников», «инакомыслящих», но также классовые движения бедноты, батрачества, пролетариата и др. Если, пользуясь этим методом, анализировать содержание религиозных программ этих течений, то сквозь призрачные тени религиозных учений можно увидеть классовые требования разных общественных группировок.

Если наконец обратиться к фактической обстановке борьбы, которую «ортодоксальная» меннонитская церковь вела с «еретическим вольномыслием» («гюпферство», «Иерусалимские друзья» и др.), то окажется, что меннонитские духовенство и хозяева боролись с безземельными со страстью именно классовой борьбы. Все без исключения меры были пущены духовенством и хозяевам против организовавшихся в религиозные союзы безземельных. Тюрьмы, полиция, розга, голод, пытки — весь арсенал этих средств был двинут против движений, религиозных по своей форме, политических по содержанию. «Учения, которые они уславляются распространить», — писало управление колониями в предписании волостным правлениям по поводу деятельности хортицких «гюпферов», — .. ведут к гибели... Церковь они называют «публичным домом»; наставления и увещания в границах этих опасных людей. Сельским правлениям предписывается строжайше запретить приверженцам этой секты впредь собираться или ходить в другие дома для совращения поселян. В Хортице и Эмидлаге... вероятно придется снаряжать стражу... может быть, это

применяемые, по мере необходимости, полицейских чер еще отрезвит ослепленных» (предписание вол. правл. Попечит. комитета от 28 февраля 1862 г.). Духовные старшины Хортицы Дик и Гильденбрандт совместно с хозяевами-членами хортицкого самоуправления писали 11 сентября 1862 г. инспектору колоний южной России Биллеру, что: «так как эти лица... (идеологи местного «гюпферства». — Ал. К.) хотят образовать новую секту, не имеющую ничего общего с меннонитским церковным устройством, то волостному правлению со стороны духовных учителей этого округа 12 апреля 1855 г. была заявлена всего от 33 хозяев просьба подвергнуть их необходимому надзору и воспрепятствовать дальнейшему распространению этой опасной секты... Волостное правление вскоре после этого присудило девять лиц, самых выдающихся из сектантов, к аресту на хлеб и воду, именно: трех на 4 дня, двух на 5 дней, одного на 6 дней, одного на 7 дней, одного на 10 дней и одного на 13 дней»... (донесение инспектору колоний южной России Биллеру Хортицкого волостного правления совместно с духовными старшинами, Гергардом Дик и Яковом Гильденбрандт, 11 сентября 1862 г.). В своем объяснении судебному следователю 3-го участка Екатеринославского уезда представители меннонитских подсект писали. «Наши односельцы и правители колоний... стали нас гнать, как злодеев, несмотря на то, что мы ничего дурного не сделали. Без вины они нас посадили в сырые пограба и, чтобы удалить всякий луч света, тесно закрывали повсюду, так что воздух сделался для заключенных несносным... другие были преданы голоду и морозу; одного секли розгами; и все это за веру».

Меннонитские хозяева и духовенство забыли евангельскую «кротость», когда почували опасность в лице начавшихся волнений. Хозяева и духовные старшины изгоняли из своей среды отошедших от меннонитства колонистов, лишали их колонистского звания, отстраняли от работы и т. д.

Меры эти возымели некоторое действие. Прибегая, с одной стороны, к небольшим экономическим уступкам, с другой стороны — к репрессиям, хозяева и духовенство сумели разложить верхушечные слои течений. Вместе с тем целый ряд объективных обстоятельств (реформа 1861 г.), о которых подробнее мы скажем ниже, привел внутрименнонитские течения к кризису. Основные движения — «гюпферство» и «Иерусалимские друзья» — стали перерождаться. Некоторая, довольно значительная часть «гюпферов» и «Иерусалимских друзей» выселилась из меннонитских колоний. Первые поселились на Кубани, вторые на Кавказе близ Пятигорска.

Из остатков «гюпферов» и «Иерусалимских друзей», а также из слоя мелкой буржуазии образовалось новое течение — «Меннонитская братская община» («новоменнониты»). Во главе общины стали Anwohner'ы и некоторые хозяева. С выселением части «гюпферов» и «Иерусалимских друзей» «Меннонитская братская об-

щина» объединила слои мелкобуржуазных землевладельцев, мелких торговцев, ремесленников. Переменилась в некоторой степени и догматическая программа, а именно в сторону баптизма.

Идеологи «Меннонитской братской общины» вроде Унгера охотно воспринимали основные положения баптистского вероучения. Обрядность в меннонитской братской общине была баптистской. Первая так называемая баптистская российская конференция, собравшаяся в Нововасильевске в 1884 г., делегатами которой являлись в значительной части молочанские новоменнониты, руководилась новоменнонитским проповедником Иоганном Виллером. Новоменнонит Виллер избран был конференцией председателем баптистского союза. Конференция 1884 г. предшествовал небольшой баптистский съезд, происходивший в мае 1862 г. в колонии Рюкенау Таврической губ. Из 83 делегатов около 60 были новоменнониты. В избранный комитет вошли Виллер, Гиберт (новоменнониты), Мазаев, Рыбалкин и др. Председателем комитета и кассиром съезд избрал новоменнонитов Виллера и Гиберта. На конференции баптистов в Новониколаевске тоже находились новоменнониты.

В результате организационного слияния с русским баптизмом, которое новоменнонитам удалось осуществить уже в 1882 г., они надеялись создать мощную организацию, которая могла бы противостоять официальной (староменнонитской) церкви — религиозной организации хозяев.

Такие объединения, как «Иерусалимские друзья» и «гюпферы», в новой экономической обстановке утратили свое значение. Новым явилось резкое повышение темпов капиталистического развития колоний. Реформа 1861 г. имела огромное влияние на развитие меннонитского капитала. Она расширила рынки для меннонитских товаров, увеличила круг свободной и дешевой рабочей силы, которую меннонитские хозяева предпочитали черпать со стороны, среди окрестного населения, чем внутри колоний.

Почти параллельно тому, как в баптистской общине оформилось евангелистическое течение, в меннонитской братской общине возникла секта «аллиансовцев» (от французского alliance — союз). Община «аллиансовцев» объединила собой некоторую часть меннонитов в колонии Лихтенфельд Молочанского округа. Отсутствие точных данных позволяет лишь предположительно определить, какие общественные слои участвовали в этом движении. Своей целью «аллиансовцы», как показывает их название, ставили — установить союз, перемирие между официальной меннонитской церковью и «Меннонитской братской общиной». Подобная программная установка позволяет нам думать, что в основном секта «аллиансовцев» была организацией мелкого Anwohnerства, имевшего небольшие отрезки земли. «Аллиансовцы», или, как еще их называли, «Евангелическое меннонитское братство», имели в своих рядах до 600 последователей.

В своем развитии внутрименонитское сектантство проделало три этапа. Первый этап, этап зарождения более или менее широких религиозных движений, характеризуется стихийностью и аморфностью этих движений в социальном отношении, спутанностью и сбивчивостью целей. Период этот ограничен началом и концом 50-х годов. Второй этап характеризуется тем, что в продолжение его происходит кристаллизация религиозных течений по социальным признакам, происходит социальное самоопределение религиозных течений. Этот период ограничен первым пятилетием 60-х годов. На третьем этапе происходит кризис этих движений, вызванный последствиями реформы 1861 г. Этот период начинается со второй половины 60-х годов. Основные внутрименонитские течения, оформившиеся в первой половине 60-х годов, теряют свой специфический характер, частично разваливаются, а главным образом перерождаются. Таковы основные пути развития внутрименонитского сектантства.

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО МЕННОНИТСТВА.

Вопрос о социальной роли меннонитской секты в значительной мере выяснен предыдущим изложением. В то время как большинство сект, по крайней мере на первом этапе своего существования, оппозиционно относилось к социальному строю России, к ее государственному аппарату, в то время как всевозможные секты медальщиков, неплательщиков, лучниковцев, волокан, духоборов и др. начали свою историю с оппозиционных, иногда активных действий, меннонитская секта, наоборот, была активной защитницей капитализма и властей и таковой оставалась на протяжении всего своего существования. Небезынтересно провести параллели с другими сектантскими течениями. При сравнении меннонитов с другими сектами различие между ними встает с особенной выразительностью.

Возьмем к примеру секту духоборов. Духоборство возникло в конце XVIII в. в том же районе, где обосновались первые меннонитские поселения, в Екатеринославской губернии. Это было движение украинского крестьянства, страдавшего под гнетом невыносимых помещичьих и государственных тягот. На своем знамени духоборы выставили лозунг «все равны». В их представлении не должно было существовать «высших и низших», «старших и младших». Духоборы повели активную пропаганду своих взглядов, которая быстро привлекала в их ряды значительные массы крестьянства. Духоборы «дерзали» выступать в отдельных случаях против властей.

Секта духоборов была объявлена антигосударственной сектой. Однако свое первоначальное политическое значение духоборство вскоре утратило. Уже в эпоху промышленного капитализма секта духоборов — глубоко реакционная секта. В наши дни она реакционна дважды: своей вредительской работой — во-первых, своим реакционнейшим «коммунизмом» — во-вторых. Духоборская секта пришла к своему собственному отрицанию, в этом состоит диалектика развития духоборства.

Секта меннонитов проделала иной путь. В Нидерландах, Гер-

мании, Швейцарии она была участником буржуазных революций, но в России она с начала и до конца была контрреволюционной силой. Здесь сначала и до конца меннонитство всеми возможными способами предавало интересы трудящихся, поддерживало капиталистические порядки, активно помогало государственной власти. Какие причины лежали в основе этого? Поведение меннонитской секты полностью определялось соотношением в ней классовых сил. Классовое соотношение внутри меннонитской секты было относительно неизменным. Это отношение характеризовалось господством капиталистического класса землевладельцев, впоследствии также торговцев и промышленников, которые в своих руках имели все основные средства производства и жестоко эксплуатировали трудящихся. Поведение секты меннонитов определялось интересами меннонитского капитала. Он был кровно заинтересован в той части деятельности правительства, которая направлена была на развитие капиталистических отношений в России. Поэтому меннониты всеми силами поддерживали правительство на этом пути. Социальной роли меннонитства нельзя недооценивать ни по глубине ее реакционности, ни по степени значення той помощи, которую правительство получало от меннонитов.

Как известно, основные массы меннонитов населяли приднепровскую часть Украины, так называемые Молочные воды, а также Поволжье в районах Саратова и Самары. На том месте, где была расположена одна из крупнейших групп меннонитских колоний — хортицкая группа, некогда находилась Запорожская сечь. Подобное расположение правительством наиболее значительных меннонитских групп в этих районах отнюдь не случайно. Достаточно вспомнить, что именно эти места были ареной наиболее могущественных, наиболее революционных движений казачества и крестьянства. Разинщина, пугачевщина и другие движения имели место как раз в тех областях, где были теперь расположены меннонитские колонии. Запорожская сечь и особенно Поволжье были главными очагами революционных движений русского крестьянства, которые то разгорались, то замирали, но не потухали никогда. Русское правительство смотрело на меннонитские колонии, как на свои опорные пункты в самом сердце крестьянской революции. Секта меннонитов играла роль контрреволюционной капиталистической базы в революционном крестьянстве. В полном сознании этой роли меннонитский капитал подчинял ей всю свою деятельность. Собственные интересы меннонитского капитала заставляли его играть эту гнуснейшую предательскую роль с еще большим старанием и интенсивностью. Вся совокупность взаимоотношений меннонитского капитала с правительством свидетельствует об этом. Меннониты всячески поддерживали правительство во всех его мероприятиях. С особой яркостью это выявилось на фактах войн 1914, 1903, 1878, 1851, отчасти 1812 годов, на фактах революций 1905, 1917 годов и др. Бироу

реакционная деятельность меннонитов была повседневной, обыденной. Со своей стороны правительство умело ценить меннонитских капиталистов; «удостаивало» их всевозможных благодарностей, привилегий и т. д. Другие сектантские течения считались антигосударственными, и с ними приказывалось бороться. Но секта меннонитов, наоборот, являлась предметом царских восхвалений и благодарностей. Результаты реакционной деятельности меннонитов сказались уже к началу XIX в. и были отмечены правительством 6 сентября 1800 г. Павел I выдал меннонитам специальную грамоту.

Трудно восстановить картину действительного участия меннонитов в войне 1812 г. Но отметим следующее. Русское крестьянство в ряде случаев с воодушевлением встречало наполеоновские войска, ожидая от их победы социального переустройства всего общества. Напротив, как сообщает Ан. Скальковский в «Хронологическом обозрении Новороссийского края 1730—1823 гг.», в числе жертвователей в пользу армии в 1812 г. находились «иностранцы и колонисты». Решающую массу колонистов Новороссийского края в 1812 г. составляли меннониты. Итак, уже в это время меннониты поддерживали царизм. Они оказались на стороне вождя мировой реакции, основателя черного, реакционнейшего «священного союза» Александра I.

В 50-х годах меннонитские колонии находились в полосе капиталистического расцвета. В это время меннониты уже были способны оказать существенную поддержку военным затеям царизма. Подавляя арестами, пытками, голодом движения трудовых слоев в своей собственной среде, меннонитский капитал одновременно помогал правительству в войнах. Помощь шла в основном по 4 линиям: 1) по линии снабжения, 2) по линии финансовой поддержки, 3) по линии транспортной помощи и 4) по линии помощи санитарной. Одни лишь хортицкие меннониты во время войны 1853 г. с Турцией передали на проведение военных действий свыше 4500 руб. В области снабжения они же в течение 3-летнего срока безвозмездно отдали армии 37 тонн сухарей, около 4 тонн разных продуктов, 714 четвертей овса и т. д. В колониях была развернута целая сеть лазаретов, где меннониты бесплатно содержали и лечили раненых. Но главной помощью, оказанной меннонитами в Крымскую кампанию правительственным войскам, было обслуживание транспортными средствами. Перевозка раненых, подвоз провианта, наконец перевоз значительных военных соединений — все это в сравнительно большой степени выполнялось в Крымскую кампанию меннонитами. Из всех колонистов, так или иначе помогавших в войне правительству, самыми усердными и исполнительными вне всяких сомнений являлись меннониты. Их роль в этой кампании была чрезвычайно велика. Царский вояка П. Алабин сообщает в своих походных записках много важных и интересных фактов о роли колонистов, в частности меннонитов, в войне. «Одно только подробное исчисление жертв, — пишет

Алабин, — принесенных колонистами Южной России, особенно меннонитами, было бы красноречивой страницей в истории этих колоний, служило бы живым свидетельством их любви к России, их сочувствия нашему великому делу»... («Четыре войны». Походные записки П. Алабина).

Помогая правительству, меннониты помогали этим торгово-промышленному капиталу, в первую очередь меннонитскому. Введенные в 1822 г. высокие пошлины на ввозные товары дали мощный толчок развитию национальной русской промышленности. Покровительственная система способствовала конечно и развитию меннонитского капитала. Но развитие это тормозилось отсутствием достаточного внутреннего рынка, что в свою очередь обусловлено было существованием крепостного права. Выход оставался один. Русским, а также и меннонитским товарам нужен был внешний рынок, торговому капиталу необходимо было обосноваться на внешних рынках. Хлебная торговля русского купечества, ведшаяся главным образом через Одессу и Таганрог, систематически подрывалась хлебным вывозом Молдавии, Венгрии и др. Вспомним, что Таганрог и Одесса были теми пунктами, куда меннонитский торговый капитал свозил основную массу своего товарного хлеба. Еще в 1810 г. «Северная почта, или новая санкт-петербургская газета» писала, что меннониты плавают... «до Одессы по Черному морю со своими произведениями, которые отвозят также сухопутно в портовый город Таганрог» (1810 г., № 23). На интересах меннонитских капиталистов молдавско-венгерская конкуренция отражалась весьма печально. Вот отчего, когда армия Николая I вступила в Молдавию в часть нынешней Румынии, Валахию, меннониты всеми доступными им средствами поддержали военную затею Николая. Прикрываясь фразами об оказании помощи раненым, меннониты оказывали поддержку войне, т. е. активно боролись за овладение внешним рынком, необходимым для собственной товарной продукции. Старания меннонитского капитала не остались незамеченными командованием русской армии, а также правительством. Главнокомандующий армии князь Меншиков в приказе от 25 октября 1854 г. объявил благодарность «колонистам и меннонитам за оказанное ими содействие к скорейшему передвижению в Крыму 10-й и 11-й пехотных дивизий и за пожертвованные в пользу войск продукты». Другой царский вояка, генерал-майор Волков, также выразил благодарность за помощь, оказанную молочанскими меннонитами при переправе войск через реку Молочную во время весеннего половодья. В знак благодарности генерал-майор Волков в меннонитской колонии Ней-Гальбштадт поставил на главной улице, названной меннонитами «Романовским проспектом», памятник с высеченной на нем надписью: «За усердие, оказанное при переправе 30 и 31 марта 1854 г. и за отличное гостеприимство». Известия о патриотических действиях меннонитского капитала докатились до Петербурга. «Сам» Александр II 26 ноября 1855 г. выдал

в знак своей благодарности особый документ хортицким меннонитам. В нем перечислялись все их заслуги в войне, и выражалась глубочайшая благодарность. Несколько раньше 31 декабря 1854-г. такого же рода документ выдал молочанским меннонитам Николай I. По его личному распоряжению молочанским меннонитам выдана была особая грамота.

Особенно усердствовали отдельные меннониты, владельцы наиболее крупных земельных участков. Они более чем кто-либо иной были заинтересованы в удачном исходе русско-турецкой войны, которая должна была обеспечить беспрепятственный вывоз их хлеба. «Журнал министерства государственных имуществ» сообщал в 1854 г.: «По случаю возвышения воды во всех реках югаицы способствовали к переправе через оные артиллерии и тяжестей. Меннонит Иван Корнис устроил на свой счет на речке Тищеняку мост с употреблением своего леса на 1 000 рублей серебром» («Журнал министерства государственных имуществ» 1854 г., т. 10, стр. 74). Патриотизм Корниса имеет весьма земные корни. Владелец участка земли размером около 6.000 гектаров, он больно ощущал на себе последствия венгерско-молдавской конкуренции и более чем кто-нибудь другой был заинтересован в борьбе за рынок. Корнис не был одинок. Тот же «Журнал министерства государственных имуществ» публикует «Список колонистов и меннонитов, коим объявлено особенное его императорского величия благоволение за оказанное усердие при приеме и сопровождении войск, следовавших в г. Севастополь». В списке фигурируют 62 меннонитские фамилии и нет ни одного батрака или бедняка.

Как известно, по своим результатам война 1853 г. была для России неудачной. Франция, Англия, Австрия, обеспокоенные захватнической политикой России, которая в случае победы закрыла бы Ближний восток для французских, английских и австрийских товаров, вступились за Турцию. Пришлось создавать внутренний рынок. Промышленный капитал добился от правительства «реформы». В 1861 г. правительство «освободило» крестьян. Но «реформа» оказалась куцой. Она расширила внутренний рынок, но недостаточно. Вопрос о внешнем рынке вскоре встал перед русским капитализмом опять. В 1877 г. Турции снова была объявлена война. Меннонитский капитал был и в этой войне чрезвычайно заинтересован. Поскольку он находился на более высокой ступени развития по сравнению с русским, постольку он на себе особенно болезненно ощущал узость рынка. Когда в хортицкие колонии пришло сообщение, что царская армия нуждается в конском составе, меннониты в кратчайший срок собрали большую партию лошадей и отправили их по назначению.

Огромную услугу меннониты оказали армии в деле организации санитарной помощи. Так, хортицкие меннониты выразили готовность взять на свое попечение 478 раненых. Одновременно они постановили организовать в общественном саду Хортиц лазарет для раненых и содержать его до окончания войны. Гальб-

штадтские меннониты также содержали в колонии Ней-Гальбштадт в течение всей войны большой лазарет, устройство и содержание которого стоило гальбштадтским меннонитам свыше 20 000 руб. Заслуги меннонитов в отношении организации санитарной помощи армии в войну 1877 г. отмечены в целом ряде документов.

Императрица, узнав о «подвиге» хортицких меннонитов, «всемилостивейше повелела благодарить от высочайшего Ее Имении усердных поселян за добрые их побуждения». Меннониты в войне 1877 г. вели себя точно так же, как и в 1853 г., помогая правительству в его военных мероприятиях. Но правительству могли помогать не все меннониты, а только «поселяне-собственники», зажиточные хозяева, капиталисты. Впрочем не редки были случаи, когда капиталисты насильно отнимали у бедноты последнее имущество и отправляли в армию в качестве конкретного доказательства своего патриотизма.

Для полной характеристики реакционной деятельности меннонитского капитала необходимо остановиться еще на одном весьма любопытном явлении. В нескольких случаях имел место факт помощи меннонитских капиталистов православному духовенству и церкви. «Екатеринославские епархиальные ведомости» от 1 августа 1889 г. помещают статью: «Замечательный факт попечения иноверца-меннонита о благоустройении православного сельского храма». Статья была напечатана по инициативе одного виднейшего церковника. В ней сообщается, что для ремонта православного храма в селе Солоненькой не хватало средств. «И вот на помощь обществу и церкви приходит землевладелец Герман Абр. Бергман; он изъявляет свое согласие поправить церковь, устроить даже ограду... Благодетельные результаты мероприятий г-на Бергмана уже заметны и в настоящее время». Дело в том, что поместье Бергмана и село Солоненькое граничат друг с другом. Как сообщают «Епархиальные ведомости», крестьянам Солоненькой приходилось жить «по соседству с немецкой усадьбою, с немецкой землею, работать на немецкой земле». Русские крестьяне Солоненькой были батраками меннонита Бергмана. Чтобы держать в повиновении своих батраков, меннонит Бергман поддерживал православную церковь, действуя по принципу: «всякая религия хороша, если она держит народ в подчинении». Капиталистические интересы Бергмана и те же с ним возвышались над их религиозными сектантскими убеждениями.

Заинтересованный в сохранении существовавшего строя, меннонитский капитал всячески боролся против революции. Особенно красочно это выявилося во время революции 1905 г. Однако и до 1905 г. меннонитскому капиталу выпала возможность оказать крупную услугу царизму. Мы имеем в виду русско-японскую войну 1903 г. Цели этой империалистической, полумпериалистической войны — захват незамерзающей гавани на Дальнем востоке и отвлечение масс от участия в революционном движении — были глубо-

ю родственны интересам меннонитских капиталистов. Обуховская стачка 1901 г., стачка в Ростове н/Дону 1902 г., грандиозная забастовка в южной России 1903 г. — все это ставило перед правительством задачу задуть пламя революционных выступлений. Правительство пошло на войну. Меннонитский капитал, смертельно испуганный стачкой 1903 г. в южной России, целиком стал заодно с правительством. Во-первых, меннониты видели в войне верное средство против революции. Во-вторых, меннонитские капиталисты получали возможность снабжать армию различными припасами и выручали на этом огромные барыши.

Меннонитский капитал помогал царизму; на крови трудящихся меннонитская буржуазия зашибала новые капиталы. В целях наживы меннонитские капиталисты типа Абрама де-Фера снабжали армию гнилым мясом, как об этом много лет спустя сознался сам де-Фер.

В революции 1905 г. меннонитские трудовые слои не принимали такого участия, как русские рабочие и крестьяне. Мелкобуржуазные влияния еще во многом тяготели над меннонитским пролетариатом. Глубокая религиозность притупляла классовую сознательность проповедью всеобщего равенства. Революционные брожения и выступления на отдельных меннонитских предприятиях не вылились в массовые революционные движения, во всеобщую стачку, в баррикадные бои. Отдельные революционные вылазки меннонитского пролетариата, как например в одном из центров меннонитской промышленности — Вальдгейме, с неумолимой жестокостью подавлялись заводчиками при помощи полицейской силы. Кровавый террор, которым вальдгеймовские промышленники ответили революционным рабочим, заставил последних десятками бежать из Вальдгейма. Большая часть бежавших обосновалась в Павлодарском округе, где вскоре возникла небольшая колония. Так же жестоко меннонитские землевладельцы подавляли революционное крестьянское движение, вспыхнувшее в 1905 г. в Мелитопольщине. События 1905 г. заставили меннонитских капиталистов еще больше насторожиться по отношению к трудовым меннонитским слоям. Характерно, что после 1905 г. в одном из меннонитских центров, в Гальбштадте, широко развернул работу оружейный магазин, открытый гальбштадтским меннонитом Шредером. Меннонитские капиталисты вооружались. Так, меннониты Орловской волости Херсонского уезда имели 100 ружей и 16 револьверов, из общего числа меннонитов Гальбштадтской и Гнаденфальдской волостей Таврической губ. 1040 человек имели оружие: множество винтовок и 303 револьвера; меннониты Екатеринославской губернии имели берданки, охотничьи ружья, револьверы и т. д. Куда делась хваленая «евангельская кротость» меннонитов? Эта «кротость» проповедывалась, когда трудящиеся меннониты выступали против эксплуататоров, когда же эксплуататоры в дни 1905 г. занялись физическим истреблением трудящихся, то к ним учение о «непродлитии крови» не относи-

дось. Пример революции 1905 г. показывает лишний раз действительное лицо меннонитского капитала.

Свою преданность самодержавию меннониты продолжали доказывать в период войны 1914 — 1918 гг. Бойня, в которой переплелись и столкнулись империалистические интересы всех стран мира, была освящена международным капиталом, в том числе и меннонитским. Меннонитские дельцы не плохо заработали на войне. Вся меннонитская промышленность была с необычайной скоростью милитаризована. Железолитейные меннонитские заводы (меннонита Мартенса и многих других) в громадных партиях отливали снаряды, готовили мины и т. д. Меннонит де-Фер входил в состав комитета по обороне, распределившего военные заказы по отдельным промышленным предприятиям. Но не в одном только снабжении снарядами выразилось участие в войне меннонитского капитала. Меннониты, вопреки всему своему пацифистскому учению, и морально (соответственно организуя общественное мнение), и материально (пожертвования, устройство лазаретов и т. д.), и даже непосредственно участвовали в войне. В 1914 — 1918 гг. активность меннонитов была иная, чем во всех предыдущих подобных случаях. Они не только количественно увеличили разного рода жертвования, их позиция в мировой войне содержала нечто принципиально новое. Меннониты приняли участие в непосредственной фронтовой борьбе. «В последнее время, — писал в 1916 г. С. Д. Бондарь, — взгляд на допустимость военной службы начинает проникать и в сознание русских меннонитов. В настоящую войну некоторые молодые меннониты поступали в действующую армию добровольцами, и некоторые из них пали смертью храбрых на поле брани».

Меннониты боролись за победу российской буржуазии, боролись настойчиво и упрямо. В военные годы меннониты вели самую яркую патристическо-монархическую агитацию. Все выпущенные за этот период меннонитские учебники насквозь пропитаны монархическим содержанием. «Да поможет господь бог каждому из нас всегда и всюду использовать священный долг мирного гражданина — жертвовать всем за царя и отечество». Так писала изданная в стане меннонитского капитала в 1914 г. книжка «Кто такие меннониты». Нимало не смущаясь своей политической близостью с черносотенцами, меннонитские капиталисты звали массы умирать во имя интересов империализма, «жертвовать всем, сохраняя отечество». Это — те самые меннониты, которые в условиях советской действительности пропагандируют «непротивление» и до сих пор отказываются брать в руки оружие.

Во время войны 1914 г. в некоторых слоях русского общества стали проявляться антименнонитские настроения, главным образом они исходили от представителей русского промышленного капитала, обслуживавшего нужды военной промышленности. В периодической печати и в отдельных брошюрах упрекали меннонитов в скрытой солидарности с немцами. С. Д. Бондарь в своей ра-

боте «Секта меннонитов в России» путем подсчета количества писем, отправленных в разное время меннонитами в Германию, доказывал, что у меннонитов существует тяготение к «германизму». Эта агитация преследовала также цель переключения внимания масс от вопросов социально-политического характера. В противовес антименнонитской пропаганде меннониты Эпп и Бергман (член Государственной думы) выпустили сводку фактических материалов, свидетельствующую «о голландском происхождении меннонитов». Автор книжки «Кто такие меннониты», подводя итоги, заключает: «1) Меннониты переселились в Россию по прямому приглашению русского правительства. 2) Родиной русских меннонитов является... нынешняя Голландия и Бельгия. 3) Предки русских меннонитов по выходе из Нидерландов были польскими подданными... Прусскими же подданными многие из них никогда не были... 4) Остальные временно состояли в прусском подданстве... но и то помимо своей воли... 5) Поэтому нельзя называть меннонитов России потомками германско-подданных» (стр. 44). Противоменнонитская кампания не дает однако оснований говорить о гонениях на меннонитов. Кампания эта говорит о внутренней грызне в классе капиталистов, о грызне между русским и меннонитским капиталом. Империалистическая война была последним звеном в длинной цепи прислужничества меннонитского капитала царизму, в длинной цепи противореволюционной борьбы, неуклонно ведущейся меннонитами. На продолжительном отрезке времени, чуть ли не — продолжение 130 лет (с 1788 по конец 1917 г.) меннонитская секта выступала в рядах реакции и зарекомендовала себя перед лицом всех трудящихся защитницей царского режима. Замечательно, что меннониты сами выставляли напоказ свое реакционное лицо и им гордились. В цитированной уже книжке «Кто такие меннониты» автор, сопоставляя секту меннонитов с революционными сектами реформационного периода, с удовлетворением подчеркивает: «Прежде всего следует констатировать, что они как общины (меннониты не имели никаких отношений ни к секте Фомы Мюнцера (Фома Мюнцер выступал сперва в роли проповедника, а затем в качестве предводителя крестьянского восстания в Тюрингии в 1925 году. Прим. автора цит. к н и г и), ни к мюнстерским анабаптистам. За это говорят все их историческое прошлое и дух их учения... как сам Менно Симонс, так и его друзья никогда не разделяли безумия этих сект»... (стр. 8). Одновременно меннониты когда и где только могли подчеркивали свою преданность «правительству России».

Какое место занимала меннонитская секта в дореволюционной России, в чем заключалась ее социально-историческая роль? Меннонитская секта — типичное порождение эпохи капитализма. Ее мировоззрение, бытовое устройство, культ характерны для капиталистической секты.

Русскому торговому капиталу, прорубившему на севере окно в Европу, предстояло на юге прорубить окно в Азию. Этому делу

должны были в значительной степени служить колонистам. Руками колонистов русский торговый капитал отвоевывал Днепр и Волгу — каналы, по которым русским товарам предстояло течь из Египта. Руками колонистов (колонизаторы Таврической и другие губернии) торговый капитал прокладывал себе дорогу к Черному морю. От кого же русский капитализм «отвоевывал» Днепр и Волгу, в какой среде «пролагал» он себе пути? Если оставить в стороне феодалов и разного рода внешние препятствия, то термины «отвоевывать» и «прокладывать» в значительной мере относятся к революционному казачеству и революционному поволжскому и украинскому крестьянству. Пугачевщина, разинщина, булавинщина свежо стояли в памяти русского торгового капитала. Разгромленное военной силой казачество и крестьянство колонистам предстояло добить... Колонисты втягивали крестьян в свое капиталистическое производство, насаждали в крестьянстве капитализм, расслаивали крестьянство.

Лучше всех других иностранных колоний справлялись с этой работой меннониты. Лучше чем кто-нибудь иной они умели забирать крестьян, связать их тысячами способов. Не даром во время гражданской войны 1918 г. окрестное русское крестьянство с особым негодованием выступило против меннонитских помещиков, к которым крестьяне в ряде случаев применяли гораздо более жестокие меры, чем к помещикам русским. Таким образом «историческая миссия» русского меннонитства заключалась в последовательной контрреволюционной работе среди украинского крестьянства.

На почве капиталистического развития в самом меннонитстве разгорелись классовые противоречия, давшие в 50—60 годах XIX в. яркую вспышку. Но с самого начала эти движения были обречены на неудачу. В колониях отсутствовал развитой в классовой отношении пролетариат, следовательно отсутствовало пролетарское руководство движением; колонии были изолированы от окружающей среды плотным кордоном религиозно-бытовых установлений, следовательно движения в колониях были оторваны от всей окружающей массы украинского крестьянства и пролетариата¹; реакционной была сама религиозная форма движения.

Что весьма любопытно, русское правительство вопреки своим обыкновениям медлило вмешиваться в события, развернувшиеся в колониях. Когда хозяева стали засыпать правительство требованиями причислить организацию «гюпферов» к разряду «вредных сект», правительство в этом отказало. Конечно правительство отнюдь не являлось защитником меннонитской бедноты, как это изображали царские чиновники (Бовдари и др.); когда правитель-

¹ Впрочем попытки установить связь с русским крестьянством имели место. Известный хортицкий «гюпфер», впоследствии поименовित, Г. Зиллер занимался агитацией среди русских рабочих, обслуживавших меннонитскую промышленность, например среди русских кузнецов мастерской Унгера, а также среди русских крестьян.

ство наконец «вмешалось», оно доказало это практически. Тем не менее медлительность правительства не была беспричинной. Дело в том, что меннонитский капитал стал из фактора, способствовавшего росту русского капитализма, конкурентом ему: В послереформенный период правительство заметно «охлаждает» к меннонитам. Никаких новых привилегий меннонитский капитал перед русским не получает, правительство делает даже попытку посягнуть на некоторые льготы (воинская повинность).

При всем том даже при «холодных» взаимоотношениях с правительством меннонитский капитал отнюдь не терял своей реакционной природы. Под знаменем деятельной контрреволюции секта меннонитов проделывала свою историю в эпоху царизма, с этим знаменем вступила она в эпоху Октябрьской революции, с этим знаменем меннонитские кулаки и проповедники продолжают шествовать и сейчас.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МЕННОНИТЫ В ЭПОХУ ПРОЛЕТАРСКОЙ — РЕВОЛЮЦИИ.

Пути хозяйственного и общественного развития меннонитов совпадали с общей дорогой русского капитализма. Сделав попытку замкнуться в собственную скорлупу, сократить по возможности связи с русским хозяйством, использовать население колоний как внутренний рынок и как рабочую силу, меннонитский капитал по мере роста стал задыхаться в созданной им самим скорлупе. Используя внутренние возможности колоний, меннонитский капитал получил тем самым возможность быстрого развития, но именно этот темп развития в самый непродолжительный срок привел меннонитский капитал к необходимости разорвать ставшие узлами рамы колоний, вступить в сложнейшие взаимодействия с хозяйством России. Таким образом еще в конце XIX в. судьбы меннонитского капитала теснее чем когда-либо переплелись с судьбами русской буржуазии. Вот отчего на всех поворотных пунктах истории позиции меннонитской буржуазии совпадали в общих чертах с позициями русской. И революция 1905 г., и столыпинщина, и империалистическая война в основном одинаково были восприняты и оценены как русской, так и меннонитской буржуазией. Недаром меннонитский депутат в Государственной думе капиталист Г. А. Бергман принадлежал к партии октябристов.

Можно было наперед предвидеть, какую позицию займут меннониты в отношении к февральским событиям 1917 г. В основном они приветствовали пришедшую к власти русскую буржуазию. Впрочем, приветствия эти выражались в относительно сдержанных тонах. Меннониты повимали, что пришедшая к власти русская буржуазия, открыв все дороги для капиталистического развития, попытается, используя государственную власть, смести с этих дорог своих конкурентов.

Февральскую революцию меннониты называли «идеально начавшейся». «Мы так восторженно приветствовали ее», — писал «Christlicher Familienkalender für 1919». «Особенно много смятения, — писали меннониты, — вызвал в массах своими неразумными идеями некий Ленин, крайне левый. Бог дал нам однако в числе

министров очень дельного военно-морского министра Керенского, пользующегося неограниченным доверием у всех здравомыслящих людей» («Christlicher Familienkalender für 1918»).

При всем своем преклонении перед Временным правительством меннониты вместе с тем были по ряду причин недовольны русской буржуазией. Меннониты пишут, как пострадали «без малейшего к тому повода с их стороны немцы-колонисты, заклейменные как изменники отечества... Их лишили имущества, выгнали из родного гнезда...»

«Наши представители в Петрограде было дано немало прекрасных обещаний, однако сохранились в полной силе подлые ликвидационные законы. Немцев урезывали в правах...» («Christlicher Familienkalender für 1919»). Как вытекает из текста, речь идет о годах империалистической войны и об эпохе Временного правительства. Квалифицируя меннонитов как «немцев-изменников», русская буржуазия за ширмой патриотизма боролась с «немецкой опасностью внутри России», проводила так называемые ликвидационные законы, которые разоряли меннонитов и тем самым понижали их конкурентоспособность. Эти действия Временного правительства определили меннонитское недовольство. Это недовольство усугубилось еще другими факторами, в первую очередь тем, что Временное правительство показало себя несостоятельным в борьбе с революционным движением.

В этой обстановке меннонитская буржуазия в теснейшем контакте с лютеранской колонистской буржуазией решилась на дерзкую попытку. Рассчитывая на ослабление правительства Керенского войной, революционными движениями внутри страны, наконец корниловским выступлением, меннонитская и немецкая буржуазия в начале сентября 1917 г. попробовала захватить часть русской территории и установить в ней собственную диктатуру. Непосредственно после июльских событий в Ленинграде и корниловщины, в Сибири, в Славгороде, состоялся съезд представителей меннонитской и лютеранской буржуазии, возглавлявшейся виднейшим мукомолом Фрейем. Съезд попытался объявить на территории Сибири «Западно-сибирскую немецкую республику». Однако попытка меннонитской буржуазии потерпела жесточайший провал. Почти одновременно с тем, как заседал меннонитско-колонистский съезд, обсуждавший вопросы создания «немецкой республики», петроградские и московские большевики одержали победу в советах (в первой половине сентября), а к концу октября большевики получили решающую победу также и в провинции. Под руководством РСДРП(б) массы пошли на решительный штурм капитализма. Октябрьское восстание в германском военном флоте, волнения в Австрии означали наступление мировой пролетарской революции. Октябрьский переворот окончательно разбил надежды меннонитской буржуазии. Он положил предел попыткам меннонитов создать на территории России собственное капиталистическое государство.

Октябрьская революция встречена была меннонитами со всей классовой ненавистью буржуазии. «Что такое правительство, — пишут о пролетарской диктатуре меннониты, — будет недолговечным, было ясно для всякого мало-мальски разбирающегося в событиях. Тем не менее мы в течение месяцев находимся под игом большевистского режима ужаса. Во многих местах России большевики еще сегодня празднуют свой террор. О, времена, — восклицает с проклятием меннонитский писатель, — когда большевики хотели в наших местах устроить рай на земле» («Christlicher Familienkalender für 1919»).

Меннонитская буржуазия имела все основания проклинать большевизм. Ибо первым актом Советов и Красной армии было экономическое и политическое разоружение капиталистов и помещиков, которых было так много среди меннонитов... «Мы не можем еще привести никакой приблизительной суммы, сколько вообще было уплочено красным в виде «контрибуции» и сколько награблено», — возмущались меннониты («Christlicher Familienkalender für 1919»). Изображая трудящихся «грабителями», меннонитская печать рисовала своих капиталистов «пострадавшими», «мучениками». С негодованием Аб. Крекер описывает, как «владелец банка в Александровске Нибур (меннонит. — Ал. К.) должен был под угрозой смерти один раз заплатить пятьдесят тысяч рублей наличными и девятьсот пятьдесят тысяч рублей банковыми обязательствами, всего один миллион рублей» («Christlicher Familienkalender für 1919»). В бессильной злобе меннонитские писатели крекеровского образца обливали потоками клеветы Красную армию, для которой у них не существовало иного названия как «банда».

Меннонитская буржуазия, разумеется, не ограничивалась одной клеветой. В своей борьбе против Октябрьской революции меннониты использовали все возможности. Печать и устная агитация мобилизовали общественное мнение против Советов. В колониях стали подготавливаться кадры для вооруженного ниспровержения советской власти и для организации помощи прусско-германским интервентам и белогвардейцам. В Молочанском, Хортицком и других округах стали возникать боевые кулацкие отряды для борьбы с Красной армией. В Хортице получил печальную известность один из предводителей меннонитской кулацкой банды головорез Гергард Левен. Отряд Левена, вооруженный винтовками, пулеметами и бомбами, особенно свирепствовал в Нижней Хортице. Деятельность свою банда начала с убийства 3 красноармейцев. Когда в доме вдовы Тиссен скрылся красноармеец, дружинники Левена, узнав об этом, явились и пристрелили красноармейца на месте. Впоследствии Левен с остатками своей банды пробрался в ЦЧО и в конце 1918 г. поднял в Воронеже восстание против советской власти. Подобного типа организации возникли и в Молочанском меннонитском округе.

Главным поставщиком кадров для вооруженной меннонитской контрреволюции сделались местные коммерческие и сельско-

хозяйственные училища, где обучалась капиталистическая молодежь. Описывая ликвидацию одного из этих отрядов красногвардейцами, А. Крекер сообщает: «Особенно потрясающим было происшествие, случившееся в Акимовке приблизительно в 20 верстах от Мелитополя. Там были расстреляны 20 более или менее образованных молодых людей, организовавших боевую дружину»... («Christlicher Familienkalender für 1919»). Отдельные боевые отряды меннонитского кулачества в скором времени стали перерастать в более крупные вооруженные соединения, называвшиеся отрядами самообороны. Под видом самообороны меннонитская кулацкая молодежь и взрослое антисоветски настроенное население объединялись в вооруженные организации для борьбы с революцией.

Число этих дружинников по основным меннонитским округам достигало нескольких тысяч человек. Все эти отряды были хорошо вооружены. Когда чрезвычайная тройка производила в 1920 г. изъятие оружия у населения, в 2 волостях Большевикмакского уезда (Запорожье), населенных меннонитами, было изъято: 332 винтовки, 30 обрезов, 85 револьверов, 162 пашки, 187 бомб и 24 540 патронов. Как видим, внушительный арсенал.

С кем же боролись отряды «самообороны»? С «бандами», — отвечают меннониты. При этом они Красную армию настойчиво считали бандой. «Самооборончество» меннонитов следует рассматривать как боевую организацию капиталистических слоев меннонитства, как вооруженный авангард меннонитского капитала в его борьбе с диктатурой пролетариата: с Советами, с Красной армией. Отряды самообороны нередко вступали в упорные бои с частями Красной армии, примером может служить бой под Ореховым и др. Одновременно меннониты боролись с советской властью, организуя помощь австро-германским войскам и белогвардейским армиям Врангеля и Деникина. Немецкие войска меннониты называли «спасителями». Когда происходили между Красной армией и германскими войсками бои за Кичкас и Александровск, меннонитская помощь немецким войскам немало содействовала успеху последних. Ввиду железнодорожной разрухи меннониты взяли на себя перевоз австрийских военных частей вдоль Екатеринбургской жел. дороги. «Christlicher Familienkalender für 1919» сообщает, что миторадовские меннониты предоставили перевозочные средства австрийскому отряду в 80 чел., имевшему целью разоружить соседние крестьянские села. Во время наступления германских войск на Александровск меннонитские колонии явились опорными пунктами немецкой военщины. Хлебные амбары и магазины в хортицких меннонитских колониях служили местом расквартирования немецких солдат. «Christlicher Familienkalender für 1919» приводит ряд примеров, когда меннонитская буржуазия брала на себя снабжение немецкой армии. Отношение меннонитской буржуазии к немецким войскам, с одной стороны, и к Красной армии — с другой, ярко выявляется в меннонитских описаниях от-

дельных моментов гражданской войны. Так, один из меннонитских «историков» гражданской войны И. Вибе пишет следующее: «13 апреля в 3 часа утра был взорван Кичкасский мост, была выбита вся середина, пожалуй на 15 саж... красные отступали здесь от Никополя. Когда все поезда прошли, они взорвали мост. В тот же день к вечеру в Кичкас вступили наконец германские войска... но без тяжелых орудий, так что они не могли отвечать красным. Красные расположили свои батареи напротив вокзала над Маркусдорфом. Аэропланы, вероятно только немецкие, летали и сбрасывали бомбы... Наконец 15-го до наступления вечера пришли наши

Один из домов в меннонитской колонии Орлов. Обращают на себя внимание демонстративно вывешенные монархические флаги.

спасители с пушками. Из Кичкаса в Маркус было сделано 4 выстрела и из Кронсвейда 3. После этих 7 выстрелов красные больше не давали выстрелов. Они бежали, как пыль от ветра. Под Николаевым красные потеряли 5 тыс. человек, тогда как у немцев было 20 убитых и 40 раненых. Здесь красные вероятно попали в мешок. Отсюда и от Софиевки немцы стали продвигаться на Александровск... 17-го до полудня было сломлено сопротивление и в Александровске. Спасители пришли туда из Софиевки 16 вечером»... («Christlicher Familienkalender für 1919»). Статья Вибе характерна для настроения меннонитской буржуазии. Германские интервенты в глазах меннонитов являлись «спасителями». Отряды, забрасывавшие с аэропланов население бомбами, истребившие, как пишут меннониты, в одном лишь районе свыше 5 тыс. красноармейцев, кровавый отряд мировой контрреволюции — вот кого называли

«спасителями» меннониты. «Спасители с пушками», — пишет Вибе. Хорошо сказано!

Следует заметить по поводу статьи Вибе, что если на одну половину она соткана из победных ликований, то на другую — из джи. Не после 7 выстрелов, как пишет Вибе, красноармейцы отступили от Маркусдорфа, а в результате упорного сопротивления, когда окончательно иссякли снаряды и дальнейшее сопротивление явилось бы простым самоубийством. Точно так же неверны цифры о пяти тысячах красноармейцев и 20 немцах, убитых под Николаевым. Это очевидный вымысел. Красная армия сдала Николаев только потому, что не могла противостоять великолепно снаряженным немецким войскам, наступление которых поддерживалось дальнбойной артиллерией и эскадрильями авиации, сбрасывавшей в тылу Красной армии десятки и сотни тонн бомб. В таких условиях Красная армия, только после больших потерь, вынуждена была отступить.

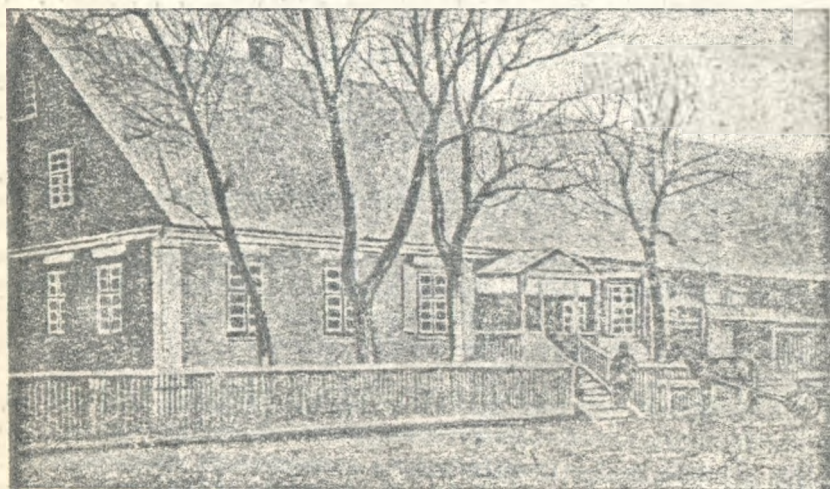
Поддержка меннонитского капитала сыграла немаловажную роль в захватах немецкой армии на Украине. Но и этим не ограничилась борьба меннонитов с революцией. Начав с создания «боевых отрядов», «отрядов самообороны», через помощь немецким интервентам меннониты пришли к тесному блоку с белогвардейщиной. Зарегистрированы факты участия нескольких сотен меннонитов в 1919 г. в армии генерала Деникина на Украине. Ряд меннонитов занимал в Деникинской армии командные посты. Такая же картина наблюдалась в армии Врангеля, в которой из числа молочанских меннонитов была сформирована отдельная рота. В числе враг-елевского командования находились точно так же многие меннониты.

Совершенно неверно было бы однако думать, что все население меннонитских колоний единодушно выступило против революции. Отнюдь нет. Трудовая часть меннонитов примкнула к революционному движению русских рабочих и крестьян, против русских, меннонитских и прочих капиталистов. Даже меннонитские «историки» вроде Крекера, Вибе и др. вынуждены отметить участие трудящихся меннонитов в революции. Так, уже в цитированной статье Вибе он рассказывает между прочим: «... у нас (у буржуазной части населения. — Ал. К.) были отобраны все телефонные аппараты: предводителем этой банды был один меннонит» («Christlicher Familienkalender für 1919»). Павлодарское меннонитское крестьянство подняло революционное восстание и вместе с русским крестьянством с оружием в руках выступило против засевших в Павлодаре белогвардейцев. Совершенно очевидно, что в данном случае меннониты выступали не как меннониты, а как революционные трудящиеся крестьяне, ибо их выступление протворечило всем сектантским правилам.

Итак, какова была роль меннонитской секты в эпоху военного коммунизма и гражданской войны? В этот период буржуазное ядро меннонитской секты пыталось в союзе с немецкой и белогвар-

дейской военной свертнуть вооруженными силами советскую власть и установить в России диктатуру буржуазии. Это был период открытой вооруженной борьбы меннонитов с пролетарской диктатурой, откровенной борьбы за власть.

Поражение, которое потерпела буржуазия в этой борьбе, переход советской власти от политики военного коммунизма к нэпу — эти обстоятельства вызвали к жизни и новые формы борьбы меннонитов с пролетариатом и социалистическим правительством. В этот период мы наблюдаем приспособленческую тактику меннонитов, характерную для всех религиозных организаций в эту эпоху. Корни приспособленчества уходят в обстановку перехода к нэпу, в восстановительный период нэпа. Замена продразверстки продналогом, что вело к частичной реставрации рыночных отно-

Улицный дом в меннонитской колонии Кепменталь.

шений, денационализация мелкой промышленности, сдача в аренду ряда мелких и средних предприятий, снятие ограничений с кустарного производства, — все это было воспринято буржуазией как отступление партии и соввласти от основных принципов социалистического строительства, как отказ от диктатуры пролетариата, как эволюционное, постепенное сползание на рельсы капитализма. Меннонитская крупная и средняя сельская буржуазия, мелкие промышленники и кустари облегченно вздохнули. Свобода рыночных откошений стимулировала для меннонитов расширение посевных площадей. Если в годы военного коммунизма меннониты почти что по всем культурам сократили посевные площади, то уже в 1922 г., через год после декрета ВЦИК о замене продразверстки продналогом (декрет был издан 16 марта 1921 г.), в колониях имеет место заметное расширение площади посева. Возьмем не-

которые данные по посеву отдельных культур меннонитами Кеп-
пентальского района.

	1921 г.	1922 г.
Пшеница	285,0 м	1045,9 м
Ячмень	3,5 "	145,0 "
Овес	9,25 "	25,0 "
Просо	—	406,0 "
Картофель	22,0 "	25,0 "
Всего:	319,75 м	1646,9 м

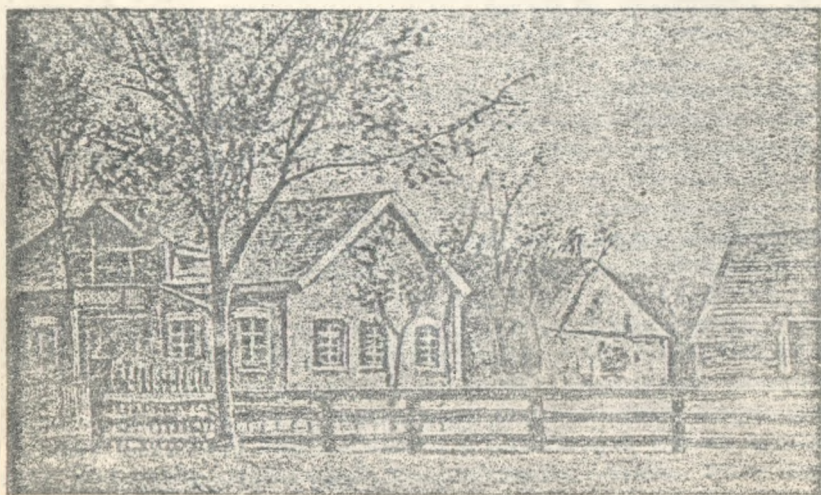
В течение года мы имеем рост посевных площадей по этим
культурам более чем в пять раз по сравнению с предыду-
щим годом. Меннониты, в 5 раз расширили посев против ми-
нигума, обеспечившего им существование в 1921 г., аваяли пря-
мую ориентацию на рынок.

Восстановление рыночных отношений, давшее толчок к раз-
витию сельского хозяйства, передача мелкими меннонитскими про-
мышленникам принадлежавших им до революции предприятий,
аренда меннонитами отдельных заводов, наконец развитие кустар-
ных промыслов — все это в некоторой степени укрепляло капи-
талистическую базу в меннонитских колониях. В обстановке пер-
вого периода эпохи капиталистические слои меннонитского на-
селения сделали прямую ставку на капиталистическое перерождение
советской власти. Меннонитское кулачество и городская необуржу-
азия (хоттицкая, гальбштадская и др.) отказались от тактики пря-
мой вооруженной борьбы с Советами, на данном этапе совершен-
но непригодной. Меннониты направили все свои силы на то, чтобы
«помочь» советскому строю капиталистически переродиться. За-
дача перед меннонитской буржуазией стояла ясная — ускорить
процесс своего укрепления и перерождения советской власти. Во-
прос «кто кого» меннонитская буржуазия надеялась решить
в свою пользу, она надеялась перетянуть на свою сторону серед-
няка как центральную фигуру деревни, а по возможности и бед-
няка для борьбы с пролетариатом. Политика приспособленчества
помимо прочих целей является тактической уловкой для привле-
чения полупролетарских и пролетарских элементов в ряды сек-
тантства.

В отличие от баптистской, адвентистской и некоторых других
сект меннонитское приспособленчество не носило ярко выражен-
ного характера. Меннониты не устраивали, подобно баптистам,
молебний за партийные съезды и не писали, подобно адвентистам,
о горячем желании участвовать в социалистическом строитель-
стве. Это следует объяснять тем, что по сравнению со всеми дру-
гими сектами в СССР среди меннонитов процент кулачества был
наиболее высок.

Основной формой приспособленчества было создание по ини-
циативе кулаков густой сети кооперативных организаций, кото-
рые в действительности были ажкооперативными и в руках ку-

Лекторов и проповедников являлись мощным средством влияния на массы и эксплуатации их. В течение первой половины восстановительного периода непа в меннонитских деревнях возник длинный ряд сельскохозяйственных кооперативных организаций. Таковы «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество», «Союз голландских выходцев на Украине», «Кеппентальское общество потребителей», «Сельскохозяйственное товарищество «Тракт», «Семянное товарищество «Меннонит», «Ост-афельдское семяное товарищество», «Малышинское сельскохозяйственное общество» и др. Наиболее крупными из них были «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество», «Союз голландских выходцев на Украине» и «Кеппентальское общество потребителей». Последнее к началу 1923 г. имело около 1.200 пайщиков.

Тип меннонитского дома. Кулацкий дом в колонии Кеппенталь.

Обладая большим запасом средств, все эти организации стали в зависимость от себя середняцкие и бедняцкие меннонитские хозяйства. Они взяли на себя снабжение меннонитских хозяйств семенами, племенным скотом, промтоварами и т. д. В итоге в 1924—1925 гг. эти общества достигли такой силы, что с ними вынуждено было считаться большинство населения колоний. Оставив под тем или иным предлогом какое-нибудь хозяйство без снабжения, эти общества могли в корне подорвать его экономическую рентабельность. Эти «кооперативные» организации нередко снабжали население в долг деньгами. Все эти мероприятия усиливали зависимость середняцко-бедняцкой части колоний от кулачества и имели целью обеспечить поворот бедняцко-средняцких масс колоний на сторону капиталистов. Для этого кулаки прибегали к различным льготам и поощрениям тем беднякам и середнякам, которые имели авторитет среди прочего населения.

Одновременно меннонитские кулаки всячески старались изолировать массы от какого бы то ни было влияния советских общественных организаций. Так, устав «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества» решительно преграждал дорогу в общество «не-меннонитам». В действительности это означало, что «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество» наглухо отгораживалось от влияния партии и советов. Ибо среди того контингента лиц, которым названное общество ограничивало круг своих членов, коммунистов не было, а даже просто общественники имелись лишь в отдельных случаях. Все эти «кооперативные» общества воспитывали своих членов в ясно выраженном антисоветском духе. Они распространяли листовки, в которых противопоставляли советской действительности фермерские хозяйства канадских меннонитов, пропагандировали идею эмиграции из СССР и всячески играли на собственнической психологии середняка.

Что касается хозяйственной деятельности этой кулацкой кооперации, то она была построена целиком на принципе «не обманешь — не продашь». Кулацкая кооперация была лишь маской для эксплуататорской и спекуляционной деятельности кулаков. Г. Фризев и А. Реймарус приводят яркий факт: «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество» в целях наживы продало частникам 14 вагонов мануфактуры, предназначавшихся для распределения среди населения меннонитских сел. Характерно, что во главе этой организации стояли именно те кулаки, которые являлись активнейшими религиозниками. Во время голода 1921/22 г., когда из Америки меннонитам высылались в значительных размерах продукты, в Хортице, Великокняжеском, Миллерове и других местностях меннонитские кулаки вместо беспластной раздачи присланных продуктов занимались продажей их по высоким ценам; бедняки отдавали последний скарб и окончательно разорялись. Кулаки пользовались тяжелым положением бедняков для издевательств: когда беднота приходила к кулакам и проповедникам за подачкой, последние часто на том основании, что у бедняков руки не были чисто вымыты, оставляли их с пустыми руками (село Широкое Хортицкого района). Когда в хортицкие колонии прибыли из Америки посылки с одеждой, кулаки Зименс, Нейфельд и Петер попросту присвоили их себе. Следующий полный глубочайшего трагизма эпизод, разыгравшийся на почве голода в колониях, рассказала мне товарищ В., бывшая меннонитка, ныне активная комсомолка: «В селе Широком Хортицкого района, населенном меннонитами (село насчитывает до 1 000 жителей), голод 1921 г. сказался сильнее, чем в других колониях. Однако кулаки не голодали. Присвоив себе посылки из Америки, отобрав у бедноты последние крохи, они составили себе большие запасы хлеба, мяса и прочих продуктов. В наиболее тяжелые дни голода кулаки Берген, Петерс, Зименс, Энс и другие выставили в просторных окнах своих домов напоказ караван хлеба, окорока и т. п.

с злободневностью посмеиваясь, когда проходившая мимо истощенная беднота, у которой пухля от недоедания 2-летние и 3-летние дети, с завистью останавливались и смотрели на витрины. Однажды несколько голодных женщин (Дергсен, Тиссен и др.) разбила стекла, вынули хлеб и зарезали одного поросенка. Кулацкая расправа была жестокой. Кудаки Николай Берген, Крекер с помощью нескольких других избили до полусмерти несчастных женщин, «посыгнувших» на «кулацкое добро, а когда те немного оправились, заставили их ползти на коленях по грязным проселкам Широкого и кланяться в ноги каждому встречному с возгласом: «простите нас, мы украли». Одна из этих женщин на всю жизнь осталась калекой. Примерно такие же сцены наблюдались во многих других местах. Эти факты вскрывают кулацкую сущность меннонитского «братства», а также сущность кулацких кооперативов.

Меннонитские кооперативные организации просуществовали недолго. Они быстро обанкротились в глазах массы. По настоянию самих меннонитских масс в 1926 г. ликвидировался «Союз голландских выходцев на Украине». В 1928 г. такая же участь постигла «Всероссийское сельскохозяйственное меннонитское общество». Место кулацкой кооперации заняла подлинно общественная кооперация, направившая свою работу на социалистическое переустройство меннонитских хозяйств.

Вместе с окончанием восстановительного периода нэпа в основном меняется тактика меннонитской секты. Хотя рецидивы приспособленчества в самых разнообразных проявлениях замечаются до сих пор, тем не менее оно уже не является генеральной формой борьбы меннонитской буржуазии за реставрацию в СССР капиталистических отношений. Вершина и конец деятельности лжекооперативных меннонитских организаций совпадает с 1926—1927 гг., концом восстановительного периода. Однако еще раньше в деятельности всей системы меннонитской лжекооперации наметилась тенденция к перемене форм борьбы против социализма. Это объясняется в первую очередь следующими двумя причинами: в 1924 г. меннонитская буржуазия основательно закрепилась и сумела привлечь к себе некоторые бедняцко-средняцкие слои, затем меннонитская буржуазия начала понимать, что игра на капиталистическое перерождение советской власти может сорваться, она увидела в самом нэпе те элементы, которые должны были в своем развитии привести к гибели остатки капитализма. Эти два фактора определили и тенденцию к открытым формам борьбы с пролетарской диктатурой и взметнувшуюся в колониях в конце 1924 г. волну контрреволюционных настроений и действий.

Меннониты начали соответствующим образом перестраивать всю работу своих «кооперативных» организаций. Антисоветская деятельность меннонитской буржуазии пошла по двум направлениям. С одной стороны, в ряде меннонитских селений (Розенбах, Николайполь, Вейдикокняжеское) имели место прямые антисовет-

ские призывы: кулаки пропагандировали против сдачи налогов, против подписки на займы и т. д. С другой стороны — меннонитская буржуазия связалась с канадскими организациями меннонитов в целях массовой эмиграции из СССР. Канадские меннониты создали специальное общество по кредитованию эмиграции и по размещению эмигрантов. В 1924 г. несколько сот меннонитских семейств эмигрировало в Канаду, предоставив пищу буржуазным правительствам для клеветы на Советский Союз. Наконец в начале 1925 г. состоялся всеменнонитский религиозный съезд, за кулисами которого меннонитские кулаки очевидно договаривались о новых формах борьбы с соввластью. Смысл происходивших на съезде выступлений сводился к тому, чтобы требовать от советского правительства изоляции меннонитских колоний от каких бы то ни было общественных и коммунистических влияний. Делегаты по существу требовали, чтобы советское правительство не распространяло на меннонитские колонии действие своих законов, чтобы оно предоставило меннонитам «самостоятельный» (читай — капиталистический) путь развития. Именно таков был внутренний смысл съезда. Выражением этих требований явился меморандум, адресованный меннонитским съездом ЦИК'у СССР. В нем меннониты требовали, чтобы ЦИК разрешил:

«§ 1. Устраивать всякие религиозные собрания и собеседования в молитвенных и частных домах как для взрослых, так и для детей.

§ 2. Устраивать специально для детей и молодежи всякого рода собрания религиозного характера, хоры, преподавание закона божия и вероучения в тех же помещениях по § 1.

§ 3. Организовать детдома для детей меннонитов с воспитанием христианского характера.

§ 4. Удовлетворять нужды общин печатным словом — как библиями, так и руководствами и пособиями и вообще литературой, не исключая периодической.

§ 5. Организовать библейские курсы для подготовки и усовершенствования духовных учителей.

§ 6. Признать школу нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за или против религии, учителям же предоставить право лично располагать своею частною жизнью и по своему усмотрению принимать или не принимать участие в жизни и строительстве общины.

§ 7. Освободить меннонитов как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения, заменив эту службу общепольными работами для государства.

§ 8. Заменить присягу простым обещанием верности службе». Одновременно с меморандумом, выразившим собой новый натиск капиталистических слоев меннонитов на пролетарскую диктатуру, на этом же съезде произошла последняя яркая вспышка отживающего приспособленчества. Съезд отправил на имя М. И. Калинина двуручшническую и лицемерную декларацию...

В таких общих чертах встает перед нами меннонитская секта в годы восстановительного периода нэпа. Реконструктивный период, когда генеральная линия партии—индустриализация СССР—воплотилась в виде небывалого в истории социалистического строительства, когда на этой основе развернулось массовое колхозное движение, когда пролетариат перешел в широкое социалистическое наступление по всему фронту, — этот период по-новому определил все развитие меннонитства.

Меннонитское кулачество было одним из наиболее зажиточных и крепких отрядов кулачества в СССР и раньше и больше всех других кулаков ощутило на себе результаты социалистического строительства в СССР. В этом и следует усматривать причину того, что меннониты чуть ли не первые начали отказываться от приспособленчества и уходить в подполье с целью организации новых прямых выступлений против соввласти. Меннонитские кулаки раньше других поняли, что на буржуазное перерождение советского строя не приходится рассчитывать. Они отказались от своего своеобразного приспособленчества—лжекооперации и заменили его более открытыми и ожесточенными формами борьбы. В борьбе с социализмом меннонитское кулачество применяет всевозможные методы, последовательно проводя незунитские лозунги: «цель оправдывает средства», «в борьбе все средства хороши». Подкупы бедняков, злостное игнорирование советских законов, агитация против всех мероприятий соввласти и партии, террор и т. д. — вот средства этой борьбы. По своим формам она в известной мере имеет аналогию с эпохой гражданской войны и военного коммунизма. Однако содержание, заключенное в этих формах, из этого раз иное. В рядах врага царит величайшая растерянность. Кулачество отчетливо сознает, что одними своими силами оно не сможет победить социализм. Поэтому еще больше, чем в годы гражданской войны, меннониты делают сейчас ставку на интервенцию. В этой связи становится понятным та эмиграция из СССР, которая имела место осенью 1929 г.

К концу первого года пятилетки в меннонитских селах среди середняцких и бедняцких масс начала прокладываться себе путь коллективизация, и система ограничительных мер в отношении кулачества стала еще более жесткой и грозила перерасти на базе сплошной коллективизации в ликвидацию кулачества как класса. Именно в это время меннониты затеяли эмиграцию из СССР. Эмиграция была с начала и до конца продуманным кулацким планом. Отмечены факты массового снабжения кулаками бедноты и середняков средствами на отъезд. В качестве внешнего повода для эмиграции выставлено было «притеснение религии в СССР». Такова была внешняя видимость, но сущность заключалась конечно не в этом. Организуя массовую эмиграцию из СССР, кулачество ставило себе две задачи: изобразить себя «мучениками», привлечь к себе общественные симпатии и подорвать в глазах масс авторитет соввласти, а также предоставить обильный материал буржуазной

кроссе за границей для травли СССР, дать лишний повод западным правительствам для усиления агрессивной интервенционистской политики. Хотя кулакам не удалось увлечь за собой основные массы меннонитской деревни, все же известная часть бедняков и середняков поддалась кулацко-проповеднической агитации. Несколько тысяч меннонитов прибыло в окрестности Москвы, собираясь оттуда выехать за границу. В течение всего маршрута следования эта меннонитская армия не переставала заниматься яростной антисоветской агитацией. Эта кампания кулаков кончилась провалом. Конечно на Западе она была подхвачена и использована буржуазией, и с этой стороны надежды меннонитских кулаков оправдались. Но среди трудящихся она никакого успеха не имела. Меннонитские кулаки, пытавшиеся окружить себя ореолом мученичества, не только не снискали себе общественных симпатий, наоборот — их провокационная политика была разоблачена массами. Эта кампания кулаков повела к еще большей размежевке трудящихся меннонитов от их контрреволюционной верхушки. Сейчас уже выяснилось, что из уехавших за границу меннонитов сколько-нибудь сносно устроиться удалось одним кулакам. Остальные поддавшиеся на кулацкую агитацию меннониты попали в совершенно невыносимые условия. Очень многие из них погибли от голода и болезней. Оставшиеся в живых просят позволения вернуться в СССР. Летом 1930 г. некоторые меннонитские проповедники и кулаки снова было подняли агитацию за выезд, однако на этот раз затея их явилась мертворожденной. В широких массах она не нашла ни одного отклика. Классовый кулацкий смысл этой кампании был разоблачен самими меннонитами. Следующее заявление видного меннонитского проповедника до конца раскрывает карты: «Меннонитского проповедника Исаака Гергерда Петровича, проживающего в д. Подснежное, Славгородск. окр., Сибиряк».

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мне сейчас 51 год. С 1904 года, т. е. в течение 25 лет, я бесценно являлся проповедником меннонитской общины, сначала в Анаповке, а затем в дер. Подснежное Славгородского окр., и как все остальные проповедники под видом проповедывания «слова божьего» проводил — по заданиям старших меннонитских руководителей, получавших соответствующие задания от зарубежных меннонитских организаций, в частности меннонитской организации в Канаде, специально занимающейся вопросом эмиграции меннонитов, об-ва «Боарт» и др. — агитацию против того, чтобы немцы-колонисты-меннониты вступали в колхоз, за то, чтобы они отказывались служить в армии, вели агитацию против хлебозаготовок, убеждали требовать преподавания закона божьего и т. д.

Подкреплялась эта агитация заявлениями, что это противоречит меннонитской вере, и как протест против этого усиленно рекомендовался массовый выезд немцев-меннонитов в Канаду, где ощущается большой спрос на дешевую рабочую силу, чем безусловно являются меннониты. Только результатом этой агитации меннонитов-проповедников можно объяснить возникшее у немцев-меннонитов в некоторых колониях стремление выезжать из СССР в Канаду. Возбудившие вопрос о выезде меннониты по своему социальному

положению почти поголовно являются крупными кулаками-лишестцами и зажиточными. Есть среди них и бедняки, но их очень мало, и они всецело находятся под влиянием у кулаков и проповедников. Естественно, что кулаки-лишестцы не хотят мириться с соввластью и ее политикой, ибо не могут дальше расширять свое хозяйство. То обстоятельство, что среди бедняцко-средняцких слоев колоний успешно развивается колхозное строительство, кулаки и зажиточные боятся лишиться дешевой рабочей силы из бедноты, и, всячески используя религиозный фанатизм и национальные чувства меннонитов, путем агитации, а часто и угрозами и экономическим нажимом стараются их удержать от вступления в колхозы. Когда же они видели, что теряют свое экономическое и политическое влияние в колониях, что бедняцкие и середняцкие слои колоний вопреки агитации кулаков и проповедников становятся на сторону соввласти, то решили демонстративно уехать из СССР.

Задумываясь серьезно над тем, какой большой вред соввласти и крестьянству причиняет пропаганда, ведущаяся в СССР меннонитскими проповедниками, в которой принимал участие и я, я пришел к необходимости отказаться от проповедничества и порвать всякую связь с теми, которые еще продолжают вести антисоветскую пропаганду. Я убедился, что кулаки в богатен хотят эксплуатировать основные массы немецкого крестьянства, советская же власть защищает их интересы и способствует крестьянству в его культурном, политическом и хозяйственном развитии.

Я не хочу дальше служить врагам советской власти — кулакам и иностранным капиталистам, не хочу больше участвовать в обмане немецких крестьян.

Мысль отказаться от проповедничества у меня появилась уже два года назад, когда я поделился с проповедниками о своем намерении на собрании меннонитской общины дер. Подснежное... Услышав об этом, присутствовавшие на собрании проповедники с угрозами запретили мне сделать этот «безумный шаг», и я тогда открыто заявил о своем отказе от проповедничества и не решился. Сейчас же я решил от проповедничества отказаться бесспорно.

Заявляя о своем отказе от проповедничества и сознавая весь нанесенный советской власти своей агитацией вред, все же обращаюсь к Центральному исполнительному комитету первого в мире рабоче-крестьянского государства с просьбой восстановить меня в гражданских правах и дать возможность последние годы своей жизни отдать на пользу соввласти путем активного участия в проведении социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Проситель — быв. меннонитский проповедник *Йонас Гергард Пестрович*.

Открытая антисоветская деятельность меннонитского кулачества все больше растет по мере роста строительства социализма в СССР. Когда в хортицкой группе намечалось раскулачивание, меннонитские кулаки организованно выступили против власти и партии и сделали попытку увлечь за собой бедноту и середняков. Так, за несколько дней до раскулачивания в селе Широком, где должны были быть раскулачены 12 кулаков, последние занялись прямым подкупом населения. Кулак И. Бергман подарил беднякам соседнего села Розенбах две коровы, кулак Абрам Петерс — тоже две коровы, кулак Дик подарил беднякам лошадь и т. д. Накануне раскулачивания на квартире у кулака Эиса состоялось кулацкое совещание, в котором принимали участие проповедники Зименс, Гисбрехт и Нейфельд. Совещание разработало план антисоветских действий, который предстояло провести в жизнь. Ответственными исполнителями были избраны проповедники. Действительно, на

следующий день кулак Энс и проповедники разошлись по окрестным селам (Розенбах и др.), рассказывая с притворным ужасом населению, что «большевики выселяют все Широкое», что «нужно прийти на помощь братьям». Под их предводительством толпа в несколько сот человек меннонитов, состоявшая из кулацких элементов, подкулачников, из несознательной части бедняцко-средняцкого населения (особенно женщин), наконец из подкупленных бедняков, с криками «притесняют веру», «не дают молиться», «верните мучеников» (раскулаченных), на повозках и верхом въехала в Широкое. Во главе ехали проповедники и кулаки, которые поставили перед местными властями конкретное требование: «Вернуть раскулаченных». Кулаки настаивали, чтобы власти удовлетворили это требование на глазах массы. В возбужденную и экзальтированную толпу проповедники бросали махровые антисоветские призывы. Местным властям стоило огромных усилий успокоить массу, возбужденную проповедниками и кулаками. Даже после того, как масса пришла в себя и разошлась, проповедники и кулаки продолжали возбуждать население. Они стали разъезжать по более отдаленным участкам, распространяя контрреволюционные вымыслы и пропагандируя идеи восстания против советской власти. Однако меннонитская трудовая масса всякий раз (напр. в Николайполе) с презрением прогоняла от себя контрреволюционеров.

Так или иначе эпизод, разыгравшийся в Широком, заслуживает внимания. Это не случайный эпизод. По своей форме и содержанию он глубоко родственен, как бы парадоксально это ни звучало, федоровщине. И федоровщина, и имяславщина и рассмотренное нами явление в меннонитстве вызваны одним и тем же. Они вызваны новым этапом социалистического строительства, последним этапом нэпа, вступлением СССР в период социализма. Это — реакция кулака против наступления социализма по всему фронту. Дальнейшая тенденция в развитии меннонитства — она начинает осуществляться уже сейчас — это отход от меннонитства всей массы трудящихся и превращение меннонитской секты в боевую контрреволюционную кулацкую организацию, которая возможно сбросит уже и религиозную маску.

Активность меннонитской массы растет, она преодолевает кулацко-проповедническое вредительство. Тысячные меннонитские массы горят небывалым энтузиазмом в деле построения социализма в СССР. В 1930 г. в том же Широком бедняк, быв. меннонит, тов. Петко организовал колхоз, в который сразу же вошло 16 дворов. Колхоз в Широком, несмотря на всевозможные помехи, чинимые колхозникам проповедниками и подкулачниками, с самого начала добился многих успехов.

Активность масс идет и по линии безбожия. К сожалению местные организации СВБ еще не перестроились, они не умеют еще эту активность организовать. Между тем имеются все предпосылки для безбожной работы. За последние годы в меннонитском на-

селении произошел исключительный по глубине и размаху перелом. Решительно и бесповоротно массы стали на путь социализма. Мейнонитство гинет заживо. Умирая, оно мстит социалистическому строительству в злобе, столь же бешеной, сколь и бессильной. Напрасные потуги. Кулакам и проповедникам не удастся повернуть массы назад. Твердо ставшие на путь социалистического строительства массы с презрением отряхают от себя религиозную пыль. Они выходят на путь воинствующего безбожия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие автора	5
------------------------------	---

Глава первая. Происхождение секты меннонитов.

Разложение феодализма. Церковь в эпоху феодализма. Германская реформация и крестьянская война 1525 г. Мюнстерская коммуна. Буржуазная революция в Нидерландах. Социальные корни меннонитства в XVI в. Борьба меннонитов с абсолютизмом и революционным народным движением. Классовый состав и движущие силы меннонитского движения. Буржуазия и меннониты. Внутрименнонитский раскол и его причины. Каутский о меннонитах.

7

Глава вторая. Мировоззрение меннонитов.

Идейное влияние лютеранства на Менно. Социальные корни учения меннонитов о «спасении верой». Классовый смысл меннонитской теории скромности и воздержания. Учение меннонитов о собственности. Взгляды меннонитов на военную службу и государство. Перекрещенство. Следы классовой борьбы XVI в. в вероучении меннонитов. Новый и ветхий завет. Личность Менно Симонса. Сущность меннонитства.

23

Глава третья. Основные вехи истории меннонитства XVI—XVIII вв.

Абсолютно-католическая реакция в Нидерландах. Репрессии абсолютизма в отношении меннонитской секты. Борьба меннонитов с абсолютистской реакцией. Эмиграция меннонитов из Нидерландов. Районы меннонитской эмиграции. Меннониты в Польше. Деятельность меннонитов в Пруссии. Конкуренция меннонитских капиталистов национальному помещицкому землевладению. Этапы борьбы меннонитского и прусского землевладения. Эмиграция меннонитов из Пруссии.

31

Глава четвертая. Появление меннонитов в России.

Колонизационная политика русского правительства. Делегация прусских меннонитов в России. Условия переселения меннонитов. Материальное положение эмигрантов. Политика правительства в отношении меннонитских переселенцев. Меннонитское самоуправление и его классовый характер. Основные этапы меннонитской колонизации. Место меннонитства в общем сектантском движении в России.

41

Глава пятая. Капиталистическое развитие меннонитских колоний.

Предпосылки капиталистического развития меннонитских колоний. Меннонитская система землевладения. Религиозное закрепление капиталистической системы землевладения. Техническая оснащенность меннонитских хозяйств. Капиталистическое развитие колоний 40-х и 50-х гг. Темпы роста капиталистического землевладения. Развитие промышленного капитала в колониях. Антименнонитская кампания 60-х гг. и ее социальная подоплека. Причины меннонитской обособленности.

50

Глава шестая. Классовое расслоение в меннонитских колониях.

Процесс классовой дифференциации в колониях и ее темпы. Экономическая и административная диктатура хозяев. Правительственная политика в отношении безземельных. Попытка меннонитской буржуазии разрешить проблему безземелья и ее провал. Зачатки рабочего класса в меннонитских колониях. Положение безземельных. Административные репрессии хозяев. Попытка хозяев разложить классовый фронт безземельных. «Anwohner's». Рост классowego недовольства безземельных.

63

Глава седьмая. Религиозное выражение классовых противоречий.

Религия как довлеющая форма идеологии меннонитов. Об'ективные и субъективные предпосылки религиозных движений в меннонитстве. Церковный конвент 1851 г. Адвентистские настроения в среде безземельных меннонитов. Вюстизм, его религиозная программа и социальные корни. «Гюпферство», его классовый состав, социальный смысл учения. «Иерусалимские друзья». Причина возникновения, классовый состав, характеристика религиозной программы. Отличие «Иерусалимских друзей» от «гюпферов». Процесс классowego расслоения в меннонитских колониях Поводья в его религиозное выражение. «Община братьев-меннонитов», ее деятельность и культ. Община «братьев Петерса». Религиозные организации внутри меннонитства как классовые движения. Расправа хозяев с участниками религиозных движений. Реформа 1861 г. и кризис внутри-меннонитских течений. «Меннонитская братская община» как мелко-буржуазная организация баптистского типа. Новоменнонитство и баптизм. «Аллиансовцы» как течение меннонитской мелкой буржуазии. Этапы развития внутрименнонитского сектантства.

68

Глава восьмая. Социальная роль дореволюционного меннонитства.

Соотношение классовых сил в меннонитстве. Оценка правительством значения меннонитских колоний. Роль меннонитов в войнах 1812, 1854, 1877 гг. в оценке правительства и военных кругов. Причины участия меннонитов в войнах. Характер меннонитской помощи правительству. Война 1903 г. и меннониты. Революция 1905 г. в меннонитских колониях. Меннониты и империалистическая война. Общая оценка социально-исторической роли меннонитства в России. Причины неудач классовых движений меннонитского пролетариата и бедноты.

81

Глава девятая. Меннониты в эпоху пролетарской революции.

Связь меннонитской буржуазной организации с русской. Февральская революция и отношение к ней меннонитов. Борьба меннонитов с революционным пролетариатом и партией РСДРП(б). Меннониты и Временное правительство. Попытка немецкой колониетской (лютеранской) и меннонитской буржуазии объявить в Сибири «Немецкую республику» и ее неудача. Октябрьская революция и меннониты. Клевета на Красную армию и большевистки. Организация меннонитами вооруженного испровержения советской власти. «Босвые отряды», «отряды самообороны» и их борьба с диктатурой пролетариата. Активная помощь немецким интервентам в борьбе с Красной армией. Участие в войсках Врангеля и Деникина. Революционная борьба меннонитов-трудящихся вместе со всеми трудящимися против капитализма и белогвардейщины. Общая роль меннонитов в эпоху гражданской войны и вослиги ко коммунизма. Восстановительный этап нэпа, меннонитское приспособленчество, его корни и формы. Меннониты в эпоху реконструкции Меннониты в последнем этапе нэпа.

92

И
от

въ каждой изъ посѣщенныхъ мною колоній я нашелъ то или другое техническое производство; здѣсь много кирпичныхъ заводовъ, готовятъ разные гончарныя издѣлія; дѣлаютъ марсельскую черепицу; глина такъ хороша, что, по опытамъ спеціалистовъ, мѣстная черепица далеко превосходитъ марсельскую. Въ колоніяхъ насчитываютъ нѣсколько крупныхъ и мелкихъ фабрикъ сельскохозяйственныхъ орудій, приобретаемыхъ какъ самими менонитами, такъ и окрестнымъ населеніемъ. Уже это одно доказываетъ самымъ лучшимъ образомъ, какое благотворное вліяніе имѣютъ менонитскія колоніи на хозяйство сосѣдей. *В. Бертенсонъ.*